

Военные
В
Приключения

И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН

ЮРИЙ ДОЛЬД-МИХАЙЛИК

И один в поле воин

Юрий Дольд-Михайлик

И один в поле воин

«ВЕЧЕ»

1956

Дольд-Михайлик Ю. П.

И один в поле воин / Ю. П. Дольд-Михайлик — «ВЕЧЕ»,
1956 — (И один в поле воин)

Одни его боятся, другие ему завидуют. Еще бы! Ведь он – Генрих фон Гольдринг, барон, обладатель миллионного состояния, близкий родственник видного функционера СС. И только немногим известно, что под маской лощеного фашистского офицера скрывается совсем другой человек – тоскующий по далекой Родине, по друзьям и близким, но день и ночь ведущий беспощадную войну с врагом на своем участке невидимого фронта.

Содержание

Часть первая	5
Неожиданный гость	5
Первые неприятности, первые поручения	15
Событие в подгорном	24
Ловушка Кубиса	28
Альбом майора Шульца	32
Раздумье у окна вагона	40
Моника идет на уступку	45
Личностью Генриха интересуется гестапо	55
Майор Миллер хочет подружиться с Гольдрингом	67
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Юрий Петрович Дольд-Михайлик

И один в поле воин

Часть первая

Неожиданный гость

Звонок был долгий.

В другое время начальник отдела 1-Ц оберст Бертгольд, вероятно, вскочил бы с дивана и бросился к телефону. Но на этот раз он даже не шевельнулся. Бертгольд лежал, как и прежде, закрыв глаза, и можно было подумать, что он спит.

Адъютант оберста гауптман Коккенмюллер уже несколько раз стучал в дверь кабинета; не дождавшись разрешения войти, он даже чуть-чуть приоткрыл ее, но, увидав оберста на диване с закрытыми глазами, тихонько закрыл дверь, чтобы не нарушать отдых своего шефа.

Гауптман знал, что его начальник прошедшей ночью не спал. Лишь под утро, после звонка самого Гиммлера, он разрешил себе немного отдохнуть.

Адъютант не присутствовал при разговоре Бертгольда по телефону – увидав вытянувшуюся фигуру оберста и услышав его почтительное обращение к телефонному собеседнику, гауптман на цыпочках вышел из кабинета, впрочем, не совсем плотно притворив дверь. Даже по обрывкам фраз, доносившимся в смежную комнату, где стоял стол гауптмана, становилось ясно, что разговор с Гиммлером был для оберста приятной неожиданностью.

Да, после такого разговора Бертгольд мог позволить себе полежать полчаса наедине со своими мыслями! Его деятельность в этой лесистой и поэтому особенно опасной для армии фюрера Белоруссии верховное командование оценивает очень высоко, и Гиммлер совершенно недвусмысленно намекнул, что ему, Бертгольду, готовят новое, значительно более широкое поле деятельности.

Была причина несколько нарушить обычный распорядок дня, чтобы немного помечтать.

Вилли Бертгольд, собственно, не был мечтателем. У него, кадрового офицера немецкой разведки, которой он отдал всю жизнь, было единственное желание: неуклонное продвижение по службе и в связи с этим – увеличение благосостояния его небольшой семьи. Но сегодняшний разговор несколько оживил воображение оберста. Еще бы! Перед ним открывается возможность оставить этот неприветливый край. Бертгольд никогда, ни при каких условиях не решился бы подать рапорт с просьбой о переводе куда-нибудь в другое место. Это испортило бы его карьеру, повредило репутации офицера, который думает только о выполнении приказов командования и вовсе не заботится о себе. Но теперь, когда сам Гиммлер...

Новый телефонный звонок прервал эти приятные мысли.

«Кто бы это в такую рань?» – пронеслось в голове Бертгольда, и в то же мгновение он услышал тихий, но настойчивый стук в дверь кабинета.

– Войдите! – не открывая глаз, бросил оберст.

– Из штаба двенадцатой дивизии, звонят уже вторично, – тихо проговорил Коккенмюллер.

– Что случилось? – Бертгольд из-под полузакрытых век взглянул на вытянувшегося адъютанта и не мог не отметить про себя, что бессонная ночь почти не отразилась на нем: его реденькие волосы были, как всегда, прилизаны, щеки чисто выбриты и большие бесцветные глаза не выказывали утомления.

– Вчера вечером на участке двенадцатой дивизии к нам перебежал русский офицер. В штабе дивизии он отказался дать какие бы то ни было показания и настойчиво требует, чтобы его отправили непосредственно к вам, герр оберст.

– Ко мне?

– Да! Он назвал не только вашу должность и фамилию, но даже имя!

– Что-о? – Бертгольд удивленно пожал плечами и встал.

– В самом деле странно! – согласился Коккенмюллер. – Откуда русскому офицеру знать вашу фамилию?..

– И тем более – имя!

– Во всяком случае я прошу и, простите, осмелюсь посоветовать: будьте осторожны, герр оберст! Ведь не исключена возможность, что этот офицер подослан с целью покушения на вас...

– Вы преувеличиваете значение моей персоны, гауптман. Покушение на меня, рядового офицера...

– Но, герр оберст... – попытался возразить адъютант.

– Это было бы оправданно, если бы речь шла о командующем корпусом или армией, – не слушая его, продолжал Бертгольд.

– Герр оберст должен учесть, – угодливо заметил Коккенмюллер, – что речь идет не о рядовом офицере, а об офицере, который имеет честь быть личным другом Гимmlера. А для большевиков этого достаточно.

– Вы думаете?

– Уверен!

– Какие же распоряжения вы дали штабу?

– От вашего имени я приказал доставить документы перебежчика, а самого его задержать до особого распоряжения.

– Вполне разумно! Документы уже прибыли?

– Да

– Дайте сюда.

Коккенмюллер быстро вышел из кабинета и через минуту вернулся, пропустив впереди себя невысокого толстого обер-фельдфебеля.

– Приказано передать в собственные руки, герр оберст! – четко отпартовал обер-фельдфебель, протягивая большой пакет.

Бертгольд расписался на продолговатом листке, приклеенном к конверту.

Обер-фельдфебель скрылся за дверью кабинета. Бертгольд аккуратно надрезал конверт и осторожно вынул из него присланные документы: большую топографическую карту и офицерское удостоверение.

Бросив взгляд на карту, оберст молча передал ее адъютанту. Приколов карту кнопками к маленькому столику, гауптман вынул из ящика лупу и низко склонился над только что полученным документом, очевидно, разыскивая на нем какие-нибудь тайные знаки. Он так углубился в изучение карты, что даже вздрогнул, услышав голос Бертгольда.

– Не кажется ли вам, что лицо этого перебежчика не типично для русского?

Коккенмюллер подошел и из-за спины своего шефа взглянул на фотографию.

– Ко-ма-роф... – по слогам прочитал он и снова перевел взгляд на снимок. – Да, герр оберст, лицо европейца, я бы даже сказал арийца. Обратите внимание на этот высокий лоб, прямой с горбинкой нос.

– Соединитесь со штабом, пусть доставят перебежчика сюда.

Откинувшись на спинку кресла, Бертгольд снова полузакрыв глаза, пытаясь возобновить в памяти каждую фразу утреннего разговора с Гимmlером, но приятное, мечтательное настро-

ение уже не возвращалось. Возможно, мешал сосредоточиться резкий голос Коккенмюллера, долетавший из смежной комнаты.

Что-то он долго не может соединиться с оперативным отделом! И потом этот перебежчик! Очень странно, что он настаивает на встрече именно с ним.

Впрочем, сейчас все выяснится.

Оберст снова раскрыл книжечку и долго, внимательно вглядывался в изображение человека, которого сейчас приведут к нему. Интересное лицо! У кого это он видел такой маленький, крепко сжатый рот?

– Приказ выполнен, герр оберст! – еще с порога доложил Коккенмюллер.

Взяв один из стульев, гауптман поставил его посреди комнаты.

– Вы пригласите его сесть сюда, а здесь, в кресле, у стола, буду сидеть я. – Коккенмюллер прищурился и несколько раз перевел взгляд со стула на кресло. – Таким образом, между вами и перебежчиком будет человек, всегда готовый встать на вашу защиту.

Начальник охраны штаба пропустил в кабинет среднего роста юношу лет двадцати – двадцати двух в форме лейтенанта Советской армии.

Бертгольд быстро перевел взгляд с лица прибывшего на лежавшую на столе книжечку. Да, несомненно, перед ним оригинал. Только волосы зачесаны не назад, как на карточке. Теперь их разделяет ровная линия пробора. От этого черты худощавого, загорелого лица кажутся еще отчетливее. Особенно нос и маленький рот с узкими, плотно сжатыми полосочками губ.

– Доброе утро, герр оберст! – поздоровался юноша на чистом немецком языке и четко щелкнул каблуками.

С минуту длилось молчание. Из-под прищуренных век Бертгольд зорко всматривался в лицо вошедшего, словно ощупывал взглядом каждую его черту.

Перебежчик спокойно выдержал этот взгляд. Бертгольду даже показалось, что в его больших светло-карих глазах мелькнула улыбка.

– Доброе утро, Комаров! – наконец ответил оберст. – Сегодня ночью вы перешли от русских к нам?

– Так точно! Сегодня перед рассветом я перешел линию фронта и добивался аудиенции у оберста Бертгольда.

– Вы знаете его лично? – спросил оберст, бросив предостерегающий взгляд на адъютанта.

– Да, я знаю вас лично.

– Откуда? – Бертгольд даже не пытался скрыть свое удивление. – И почему вы хотели говорить именно со мной?

Перебежчик шагнул вперед. Коккенмюллер весь напрягся. Рука его крепче сжала ручку пистолета.

– Я хочу попросить разрешения сесть. Герр гауптман может не беспокоиться, ведь он хорошо знает, что у меня нет оружия, – улыбнулся перебежчик.

– Садитесь! – Бертгольд указал на стул посреди комнаты.

Юноша сел и принялся спокойно отвинчивать каблук. Коккенмюллер на всякий случай вытащил пистолет из кобуры и положил его на колени. Кто знает, что может находиться в этой маленькой металлической коробочке, которую вынул из-под каблука перебежчик? Но юноша уже открыл коробочку, и гауптман облегченно вздохнул, видя, как он вытряхивает на ладонь какие-то бумажки.

– Передайте, пожалуйста, герр оберсту, – попросил перебежчик, обращаясь к Коккенмюллеру.

Адъютант взял бумажки и на вытянутой ладони понес их к столу своего шефа, не сводя настороженного взгляда с загадочного русского. Но тот равнодушно осматривал кабинет, и Коккенмюллер окончательно успокоился. Тем более что его внимание привлекло странным образом изменившееся выражение лица шефа.

– Что такое? – воскликнул Бертгольд.

– Так точно! – едва заметная радостная улыбка мелькнула на губах перебежчика. Юноша вскочил и вытянулся. – Имею честь представиться: Генрих фон Гольдринг!

– Но как? Откуда? – оберст порывисто отодвинул кресло и тоже встал.

– Я сейчас объясню, но мне хотелось бы говорить с вами с глазу на глаз...

– О, конечно... – встретив предостерегающий взгляд своего адъютанта, оберст запнулся.

– Гауптман Коккенмюллер – мой адъютант, и при нем вы можете говорить все, что хотели бы сообщить мне... Кстати, вы курите? Прошу!

Оберст подвинул на край стола коробку с сигарами. Юноша молча поклонился. Откусив кончик сигары и прикурив ее от зажигалки, вежливо поднесенной Коккенмюллером, он глубоко несколько раз затянулся.

– Простите, долго не курил!

– О, не торопитесь! – гостеприимно предложил Бертгольд.

– Я слишком долго ждал встречи с вами, герр оберст, чтобы откладывать этот разговор даже на миг... По документам, с которыми, я вижу, вы уже ознакомились, я – Комаров Антон Степанович, лейтенант Советской армии... Нет, нет, это не фальшивка. Мне собственноручно вручили эту книжку в штабе соединения, хотя в действительности я Генрих фон Гольдринг. Сын известного вам барона Зигфрида фон Гольдринга, который когда-то имел честь состоять с вами, герр оберст, в очень близких дружеских отношениях.

Глаза юноши впились в широкое лицо оберста.

Бертгольд не в силах был скрыть волнение. Даже его адъютант, забыв об осторожности, машинально снял руку с кобуры и всем корпусом подался вперед, словно боясь пропустить хоть слово из этого не совсем обычного разговора.

– Но как сын барона фон Гольдринга оказался в Красной армии? Как вы – превратились в Комарова? Да вы сидите. Верно, устали и, вполне естественно, волнуетесь.

– Да, я не стыжусь признаться, что волнуюсь. Слишком много изменений в моей не столь уж долгой жизни. И слишком долго дожидался я этой встречи. Если у герр оберста найдется сейчас немного свободного времени, чтобы выслушать более подробный рассказ... О, поверьте, я бесконечно счастлив, что могу назвать наконец свое настоящее имя...

– Так же, как и я услышать его. Вы даже не представляете, как оно меня взволновало. Встретить единственного сына своего самого близкого друга, друга далекой молодости! Сына такого преданного сослуживца! Да еще при таких обстоятельствах. Генрих фон Гольдринг!

– Это имя мне надо было забыть на долгое время, и сейчас, произнесенное вами, оно напоминает мне о ласковом голосе моего отца. И я, и я...

На глаза Генриха набегали слезы. Заметив это, Коккенмюллер поднес ему стакан воды. Юноша выпил ее залпом и немного успокоился.

– Как вам известно, герр Бертгольд, – продолжал он, мой отец Зигфрид фон Гольдринг сразу же после мировой войны стал работать в ведомстве, в котором в то время служили и вы. В тысяча девятьсот двадцать восьмом году по личному приказу оберста Александра, шефа известного вам ведомства, мой отец был откомандирован в Россию. Мне было семь лет, но я ясно помню летний вечер, большую виллу, вас возле какой-то красивой дамы. Уже потом отец объяснил мне, что это была прощальная вечеринка, которую вы устроили в его честь у себя на вилле, Вильгельмштрассе, двадцать два. Не правда ли, отец не ошибся, назвав мне этот адрес, когда впоследствии, уже в России, рассказывал мне о своем прощальном вечере на родине?

– У вас чудесная память! – прервал его Бертгольд. – Я как сейчас вижу вашего отца, а вместе с ним и вас, непоседливого малыша. И хотя вы теперь уже взрослый человек, но я узнаю черты того мальчика, который так потешал всех нас, взрослых, во время этого прощального вечера. Вот, оказывается, почему меня так поразило ваше лицо. Ну, конечно же, это рот Зигфрида. Всегда упрямо сжатый, слишком маленький на его большом лице рот. У вас черты

теньше, и разрез глаз скорее материнский, чем отцовский. Это и помешало мне сразу уловить семейное сходство... Но, извините, я вас прервал, я так взволнован этими воспоминаниями!

– Не более, чем я, герр оберст. Вот почему я и прошу разрешить мне еще немного остановиться на этих детских воспоминаниях. Это поможет вам восстановить в памяти некоторые обстоятельства, предшествовавшие нашему отъезду. Вы, верно, припоминаете время, когда мы оставили родину, – тысяча девятьсот двадцать восьмой год – и то, что отец выехал в Советскую Россию как иностранный специалист?

Полковник утвердительно кивнул головой:

– Большевики тогда охотно приглашали иностранных специалистов. Золотая пора для нашей разведки! К сожалению, она быстро кончилась.

– Но меры предосторожности необходимы были уже и тогда. Вот почему и в дипломе, и в рекомендациях фирмы Бауэра стояла фамилия Залесского, Станислава Залесского. Поляка по происхождению. Меня, конечно, тоже перекрестили. Я и до сих пор помню, как задолго до отъезда отец ежедневно внушал мне, что мое настоящее имя не Генрих, а Юзеф, что фамилия моя Залесский, что я не немец, а поляк.

– Это было безумие – брать вас с собой в эту варварскую страну!

– Вы забываете, что после смерти матери отец никогда со мной не разлучался, что ехал он в Россию не с каким-либо определенным поручением, а с заданием оставаться там как можно дольше.

– Я предложил Зигфриду оставить вас у меня...

– Вы тогда крайне неосторожно завели этот разговор в моем присутствии! Помните, как я расплакался и уцепился за руку отца?

– О, какая память! – восторженно вырвалось у Бертгольда.

– А фрау Эльза, ваша жена, выбрала вас обоих. Надеюсь, она в добром здоровье?

– Она очень обрадуется, узнав о нашей встрече.

– Передайте ей искренний привет от меня! И вашей дочери, которой я так надоедал, дергая ее за косички. Золотоволосая малютка Лора...

– О, Лора сейчас уже девушка на выданье. Как течет, как быстро течет время!

Оберст Бертгольд окончательно расчувствовался. Лишь присутствие Коккенмюллера сдерживало его сейчас от подробного рассказа о своей Лорхен.

Усилием воли оберст отогнал это искушение. Лицо его снова стало непроницаемо спокойным, как всегда в присутствии подчиненных. Сохранять на своем лице это выражение оберст считал такой же служебной обязанностью, как и носить мундир застегнутым на все пуговицы.

Почувствовав перемену в настроении своего собеседника, Генрих дальше рассказывал сжато, не вдаваясь в лирические отступления.

– Я отнял у вас много времени, герр оберст, и потому сейчас коротко расскажу вам то, о чем подробнее напишу в своей докладной записке. Сперва отец работал как инженер-электрик в Донбассе, затем его перевели на Урал, в тысяча девятьсот тридцатом году, по выражению русских, «перебросили» на строительство большой гидроэлектростанции. Вы знаете какой, герр оберст, ибо именно с этого момента, как мне позже говорил отец, он поддерживал с вами непосредственно радиосвязь и почтовую связь через нашу агентурную сеть.

– Абсолютно точно! – подтвердил оберст. – Связь между нами была теснейшая, и мы были довольны друг другом.

– В тысяча девятьсот тридцать четвертом году отец, выполняя волю высшего начальства, добился перевода на Дальний Восток. В это время он уже принял русское подданство.

– Мне это известно.

– Но после переезда на Дальний Восток непосредственная связь с вами прервалась. Все связи поддерживались через известных вам особ.

Бертгольд молча склонил голову.

– С тысяча девятьсот тридцать седьмого года я уже активно помогал отцу. Он научил меня шифровать донесения и расшифровывать получаемые инструкции.

– Очень легкомысленно со стороны такого опытного разведчика, как Зигфрид!

– Но согласитесь, герр оберст, у отца было слишком много работы и слишком мало помощников, – заступился за отца Генрих. – К тому же он воспитал меня истинным патриотом Германии, знал, что никакие обстоятельства не заставят меня выдать его тайны.

– Продолжайте, продолжайте! – поощрял оберст.

– Все шло как нельзя лучше, но в тысяча девятьсот тридцать восьмом году случилось несчастье: чекисты напали на след, приведший их к явочной квартире, и арестовали агентов, которые могли выдать отца. Бежать инженер Залесский не мог, но отец решил во что бы то ни стало спасти меня: он достал мне документы на имя Антона Степановича Комарова, воспитанника детского дома, комсомольский билет и отправил меня в Одессу, где я и поступил в военную школу, которую закончил накануне войны. Вполне естественно, что за все время обучения в военной школе я не поддерживал с отцом почтовой связи. Лишь иногда через агентов он присылал мне краткие сообщения о себе. Последнее известие было для меня трагичным: отец переслал мне вот эти документы и на отдельном листке несколько наспех набросанных строк. В записке он сообщал, что раскрыт и вынужден принять яд, пока не арестован, а меня заклинал отомстить большевикам за его смерть.

Голос Генриха задрожал, и Коккенмюллер снова бросился к графину с водой. Бертгольд встал, склонил голову и простоял так несколько секунд.

– Очень благодарен вам, герр оберст! – Генрих выпил глоток воды и отодвинул стакан. Губы его решительно сжались. – Так вот, разрешите продолжать... Вам ясно, что работать вместо отца я не мог, хотя поклялся всю свою жизнь отдать на благо фатерланда. Оставалось ждать удобного момента, и война приблизила его. На фронте я был назначен командиром взвода. Свое знание немецкого языка я, конечно, скрывал... Несколько дней тому назад мне случайно довелось присутствовать на допросе одного немецкого фельдфебеля, захваченного в плен. Вот тогда-то я и услышал ваше, знакомое мне еще с детства имя и узнал, что вы работаете в штабе корпуса. Конец вы знаете...

– А если бы вы не узнали об этом?

– Перейти в родную армию я решил давно. То, что я услышал на допросе пленного немецкого фельдфебеля, лишь ускорило дело. Конечно, я не мог не воспользоваться таким счастливым стечением обстоятельств. Отпадает необходимость длительной проверки: ведь вы были близким другом моего отца, а меня знаете с детства!

– Разумно, разумно, мой мальчик! Хотя... несколько рискованно. Ведь тебя могли убить.

– Эта мысль угнетала меня более всего. Но, поверьте, герр оберст, не смерти я боялся. Я боялся того, что погибну от пули родного мне германского солдата, буду похоронен вместе с врагами, под чужим именем, не отомстив за смерть отца...

– О, понимаю! Но теперь, когда ты среди своих...

– У меня такое чувство, как будто я вернулся в родную семью!

– Да, да, сын моего погибшего друга может считать меня своим вторым отцом.

– Я боялся надеяться... О, герр оберст, вы даже не представляете всего, что я сейчас чувствую! В последнем письме, лежащем перед вами, отец завещал мне найти вас и во всем слушаться ваших советов... Теперь я могу сказать – родительских советов!

Генрих вскочил, сделал шаг вперед и остановился в нерешимости.

Бертгольд сам подошел к нему и крепко пожал обе руки юноши.

– А что это за наследство, о котором упоминается в документах? – спросил Бертгольд, вернувшись на свое место и снова взявшись за бумаги.

– Как вам известно, все недвижимое имущество отец продал, выезжая в Россию. Вырученную сумму он положил частично в Немецкий банк, а основное – в Швейцарский Национальный.

– Сколько всего?

– Чуть побольше двух миллионов марок.

– О! – вырвалось из груди Коккенмюллера.

– Твой отец обеспечил тебе счастливую жизнь, Генрих! – торжественно произнес Бертгольд.

– Но она принадлежит не мне, а фатерланду.

– О! В этом я уверен! Но об этом мы поговорим завтра, когда ты отдохнешь, успокоишься... Герр гауптман, – продолжал Бертгольд, обращаясь к Коккенмюллеру, – позаботьтесь обо всем. Барона поместите рядом с моей квартирой, достаньте ему соответствующее платье и вообще...

– Не беспокойтесь, герр оберст, у барона фон Гольдринга не будет причин жаловаться.

– Барон фон Гольдринг! Какой музыкой, музыкой детства звучат для меня эти слова! А когда я сброшу эту одежду, я почувствую себя заново родившимся!

– Вот и поспеши сделать это. Коккенмюллер поможет тебе и обо всем позаботится.

Попрощавшись, Генрих в сопровождении Коккенмюллера направился было к выходу, но остановился на полпути.

– Простите, герр оберст, еще один вопрос: а статуэтка канцлера Бисмарка, которую я в тот вечер опрокинул, еще цела?

– Цела, цела, и я надеюсь, что ты увидишь ее собственными глазами.

Когда Генрих вышел, Бертгольд подошел к окну, раскрыл его настежь и долго всматривался в далекий горизонт.

Осенние тяжелые тучи, надвигавшиеся с востока, плыли так низко над землей, что казалось вот-вот коснутся вершин деревьев, крыши школы, где расположилась канцелярия отдела 1-Ц, покосившейся колоколенки деревянной церкви, высившейся напротив школьного двора. Надоевшая, опротивевшая картина! Но скоро все может измениться...

Нет, этот день, в самом деле, начался счастливо! Такой многозначительный разговор с Гиммлером, а потом эта встреча с сыном барона фон Гольдринга. Обязательно надо сделать так, чтобы Генрих увиделся с Эльзой и Лорхен. Кто знает, чем все это может кончиться!

Оберст Бертгольд сегодня вторично изменил себе и погрузился в мечты.

Верно, эти мечты простираются очень далеко, ибо он одергивает на себе мундир, вытягивается и, придав своему лицу выражение благодушной снисходительности, подходит к четырехугольному зеркалу, вправленному в спинку дивана. Из зеркала на него смотрит надутая широкая физиономия с маленькими серыми глазками под кустиками рыжеватых бровей и с узким в переносье, но мясистым на конце носом. Оберст причесывает щеточкой рыжеватые усы «a la Adolf» и подходит ближе к дивану. Теперь головы не видно, зато можно увидеть всю фигуру. Что же, оберст доволен: стального цвета мундир с черным воротником хорошо облегает крепкие плечи и широкую грудь, на светлых бриджах ни одной морщинки. Ни единого пятнышка. Высокие, хорошо начищенные сапоги блестят. Именно такой вид и должен быть у безупречного офицера, даже в походе. Да, оберст Бертгольд доволен собой, доволен началом дня.

– Все к лучшему! Все к лучшему! – говорит он, потирая руки и направляясь к письменному столу, чтобы еще раз просмотреть документы Генриха.

Вильгельм Бертгольд слишком долго служил в немецкой разведке, чтобы у него осталась хоть капелька доверия к людям. Каждого человека он рассматривал как потенциального преступника, которому рано или поздно придется отвечать на вопросы гестаповского следователя. В каждом человеческом поступке он искал корыстолюбие, как основной движущий рычаг.

Широко раскрыв свои объятия Генриху фон Гольдрингу, Бертольд действовал по вдохновению, без заранее обдуманного плана, ибо у него не было времени его составить. Но погодя, оценивая свое поведение, он похвалил себя, остался доволен и был очень рад, что так мастерски разыграл роль благородного и расчувствовавшегося друга старого Зигфрида. Именно эта роль давала ему самые большие преимущества.

Если проверка подтвердит, что перебежчик действительно тот, за кого он себя выдает, и что им руководили действительно патриотические чувства, о, тогда он, Бертольд, покажет себя в лучшем свете! И перед этим юношей, и перед командованием. Разговоры о его благородном поступке, безусловно, создадут вокруг его имени своеобразную славу человека не только разумного, но и сердечного. Что же касается Генриха фон Гольдринга, то он вечно будет ему благодарен. Если же выяснится, что за личиной фон Гольдринга скрывается враг, которого он, Вильгельм Бертольд, пригласил для того, чтобы усыпить бдительность и быстрее раскрыть, – тогда опять-таки за Бертольдом укрепится слава опытного разведчика.

В обоих случаях он выиграет!

Документы, которые были у перебежчика, его фамильное сходство с Гольдрином, а главное те подробности, которые сохранились в его памяти с детства, – все это свидетельствовало, что Вильгельму Бертольду действительно первому пришлось приветствовать сына своего старого друга. Но проверка не помешает. В таких делах нельзя полагаться ни на собственную интуицию, ни на подлинность рассказов и документов. Лучше трижды проверить, нежели один раз ошибиться.

К тому же еще не известно, что заставило Генриха фон Гольдринга, который мог бы ассимилироваться в Советском Союзе, перейти к немцам. Правда, юноше двадцать один год. Им, возможно, руководило желание отомстить за отца, а если он был воспитан в духе патриотизма, то и желание вернуться на родину.

Но, вероятно, главное все же не в этом. А в тех двух миллионах марок, которые лежат в Швейцарском Национальном банке. Если Генрих фон Гольдринг и дальше оставался бы в Советском Союзе и жил под вымышленным именем, этого наследства он не смог бы получить. «А может быть, он и перешел к нам именно для того, чтобы, получив наследство, вернуться в Россию? Может быть, он заслан к нам специально?»

Сомнения не давали спать Бертольду всю ночь. Он рано поднялся с кровати. Да, надо как можно скорее все выяснить. Ведь у него такой чудесный план. Молодой, красивый барон, и... два миллиона марок. Ну чем не муж для его Лоры? Лучше не найти.

Чтобы ускорить дело, Бертольд решил сам взяться за него.

Вызвав начальника отдела агентурной разведки гауптмана Кубиса, он приказал ему собрать все сведения о воспитаннике Одесского пехотного училища Антоне Степановиче Комарове.

– О результатах доложить лично мне, – сурово приказал оберст. – И не тяните, действуйте как можно быстрее.

Пока Кубис связывался со своей агентурой, Бертольд проводил проверку по другой линии. Он затребовал из архива разведки в Берлине дело Зигфрида фон Гольдринга. Если Генрих действительно помогал отцу, это будет легко установить. Пока же Генрих фон Гольдринг вел себя очень скромно. Он никогда по собственной инициативе не заходил к Бертольду, ни к чему не проявлял повышенного интереса, кроме газет, которые читал целыми днями, иногда просматривал старые архивы. Это было понятно: юноша жадно хотел знать, чем и как живет его родина, от которой он был оторван долгие годы.

Приблизительно через неделю после первой встречи Бертольд вызвал Генриха к себе на квартиру. Он заказал ужин на две персоны, поставил бутылку водки и вина.

– Ты не хочешь со мной поужинать? – спросил оберст, довольный впечатлением, которое произвел на Гольдринга хорошо сервированный стол.

– О, герр оберст, если бы вы знали, как я соскучился по семейному уюту, немецкому языку и вообще по культурной обстановке, вы бы не спрашивали меня об этом.

– Вот и хорошо, садись. Чего тебе налить? Впрочем, можно и не спрашивать, ты, конечно, привык к русской водке? Признаться, я тоже люблю ее – нельзя даже сравнить с нашим шнапсом.

– Если можно, мне лучше вина, я не пью водки...

Это заявление немного насторожило оберста. Он сам не раз инструктировал агентов о правилах поведения и особенно подчеркивал первую заповедь разведчика – не потреблять алкогольных напитков.

– Совсем не пьешь?

– Разрешаю себе не больше одной рюмки коньяка и стакана сухого вина.

– Вино есть, а коньяк сейчас будет, – Бертгольд дал соответствующие распоряжения денщику.

– Послушай, Генрих, – спросил, словно ненароком, Бертгольд, когда ужин уже подходил в концу и щеки Гольдринга порозовели от выпитого. – Ты не помнишь дела Нечаева?

– Василия Васильевича? Бывшего начальника ГПУ в том городе, где мы жили с отцом на Дальнем Востоке?

– Да, да, – подтвердил Бертгольд.

– Прекрасно помню. Ведь я написал анонимку на него.

– Скажи, в чем суть этого дела.

– Нечаев познакомился с отцом на охоте, и потом они часто ходили вместе охотиться. Но в тысяча девятьсот тридцать седьмом году отец заметил, что Нечаев как-то подозрительно относится к нему. Боясь, что он получил материалы о нашей деятельности, отец решил его скомпрометировать. Он сочинил, а я переписал анонимку и отправил в высшие органы ГПУ. В ней мы обвиняли Нечаева в том, что он ходит в тайгу не на охоту, а для встреч с японским шпионом, который действует в этом районе, и передает ему секретные информации. Анонимке поверили, Нечаева арестовали, о дальнейшей его судьбе отец не мог ничего узнать.

– Вот и не верь в наследственность! Ведь у тебя чисто отцовская память. А для нас, разведчиков, хорошая память – первое оружие. Ты мне говорил, что помогал отцу расшифровывать наши приказы и зашифровывать сведения. Вчера мне пришлось просматривать свои архивы, и я случайно нашел там интересную бумажку. Вот она. Не напоминает она тебе чего-нибудь?

Бертгольд протянул Генриху небольшой, уже пожелтевший листочек, на котором были написаны лишь три ряда цифр в разных комбинациях по четыре.

Пока Генрих внимательно разглядывал цифры, Бертгольд равнодушно курил, время от времени поглядывая на сосредоточенное лицо гостя. Оберст был уверен, что задание трудное, его мог выполнить лишь тот, кто годами имел дело с этим шифром.

Молчание затянулось. И Бертгольд уже начал жалеть, что прибег к такому сложному способу проверки. Ведь действительно надо быть старым опытным агентом разведки, а не юным помощником разведчика, чтобы держать в голове ключ кода, примененного четыре-пять лет назад, да и то всего несколько раз.

Наконец Генрих поднял голову.

– Так вот где эта бумажка, – сказал он, грустно улыбаясь. – А отец так ждал ее, столько нервничал. Он тогда вынужден был принять самостоятельное решение и действовать по своему усмотрению. И только после того как все уже было сделано, вы прислали ему коротенькое сообщение с благодарностью... Ведь это же инструкция по проведению операции «Таубе»! После того как отец сообщил, что русские строят в тайге номерной завод, вы ответили: «Начало строительства надо задержать всеми способами». Обещали дать конкретнее задание, но мы его не дождались. Тогда отец сам, через агента «Б-49», провел операцию «Таубе». Он сжег бараки,

и рабочие разбежались... И вот теперь, через полдесяток лет, я держу в руках инструкцию, которую мы ждали с таким нетерпением. – Генрих печально покачал головой и задумался.

– Прости меня, что я заставил тебя вспоминать о тяжелом, но имей в виду – мы, разведчики, должны обладать железным сердцем и стальными нервами.

Еще долго расспрашивал Бертгольд Генриха о работе на Востоке, интересовался фамилиями, датами, фактами. Генрих охотно отвечал и сам, казалось, увлекся воспоминаниями.

Коккенмюллер сменил уже пятую ленту на магнитофоне, тайно установленном в смежной комнате, а Бертгольд все расспрашивал.

Когда Генрих поздно вечером ушел к себе, Бертгольд еще долго не ложился, сверяя записи на ленте с документами, присланными из Берлина. Отчет Зигфрида фон Гольдринга за 1937 год целиком подтверждал то, что говорил Генрих фон Гольдринг осенью 1941 года.

Итак, Бертгольд не ошибся, усыновив наследника своего друга.

Первые неприятности, первые поручения

Генрих фон Гольдринг вскочил с постели, словно его подбросило пружиной.

Уже несколько недель, как он перешел линию фронта и все никак не может привыкнуть к новой обстановке, к мысли, что все осталось позади. Правда, все сложилось для него хорошо, даже слишком хорошо. А может быть, именно в этом и таится опасность? Человек, когда все идет гладко, ослабляет внимание, теряет ежеминутный контроль над своими словами и действиями. Не повредит ли ему, например, чрезмерная благосклонность оберста Бертгольда? То, что он стал вводить Генриха в курс дела еще до присвоения ему офицерского звания?

Конечно, оберст заручился поддержкой командира корпуса генерал-лейтенанта Иордана. Генерал очень заинтересовался историей молодого барона фон Гольдринга и сам хлопотал перед ставкой главного командования о присвоении Генриху звания офицера. Генерал Иордан прав, утверждая, что советские офицерские школы дают не меньше знаний, чем немецкие. Вероятно, согласовано с генералом и то, что Генрих остается при штабе и будет работать именно в отделе 1-Ц, под непосредственным руководством Бертгольда. Нет, с этой стороны нечего ждать неприятностей. Откуда же в таком случае это чувство тревоги и подсознательного недовольства собой? Генрих перебирает в памяти все события последних дней. Да, он допустил ошибку – взялся за изучение работы отдела, вместо того чтобы завязать дружеские взаимоотношения со всеми офицерами штаба. Вполне понятно, что ему завидуют, что на него глядят косо, даже несколько настороженно...

Часы показывали восемь утра, а в комнате было еще совсем темно; за окном, как завеса, серела густая сетка дождя. Закурив, Генрих снова лег в постель. Следовало до мелочей, до малейших подробностей возобновить в памяти вчерашний день. Так он делает каждое утро. Это стало у него такой же привычкой, как утреннее умывание.

А минувший день особенно значителен: вчера Генриху присвоено звание лейтенанта немецкой армии, и по этому случаю он по совету Бертгольда устроил вечеринку для офицеров отдела 1-Ц...

Генрих вспомнил, с каким небрежным превосходством здоровались с ним офицеры, когда он как хозяин встречал их в дверях офицерской столовой.

Но как изменилось поведение гостей после тоста Бертгольда! Бертгольд и в самом деле провозгласил чудесный тост, скорее произнес маленькую вступительную речь. Генрих даже не ожидал от оберста такого красноречия.

Тактично намекнув на заслуги молодого барона перед отечеством, Бертгольд остановился на семейных традициях рода фон Гольдрингов, который дал фатерланду столько мужественных борцов и завоевателей. Несколько слов оберст посвятил самоотверженности своего друга, Зигфрида фон Гольдринга, и подчеркнул, что он почитает для себя великой честью заменить молодому барону отца. Это последнее сообщение произвело огромное впечатление на офицеров штаба. Все высоко подняли бокалы, встали и выпили за светлую память Зигфрида фон Гольдринга, затем провозгласили тост в честь оберста Бертгольда и Генриха.

Атмосфера вечера сразу изменилась. В отношении офицеров к Гольдрингу не было уже ни холодной замкнутости, ни подчеркнутого превосходства. А когда оберст, словно ненароком, обронил, что Зигфрид фон Гольдринг оставил сыну не только славное имя, но и свыше двух миллионов марок, в глазах присутствующих Генрих прочитал откровенное, неприкрытое подобоострастие.

За Генриха много пили. Каждый из присутствующих считал своим долгом подойти к новому коллеге и предложить дружбу.

К концу вечеринки все офицеры были уже навеселе. Как всегда в таких случаях, общий разговор прервался, присутствующие разбились на группы, и в каждой группе веселились по-

своему: одни пели, другие рассказывали анекдоты, третьи о чем-то горячо спорили, четвертые просто не переставая пили, соревнуясь в провозглашении бессмысленных, непристойных тостов. Генрих переходил от группы к группе, к каждой на несколько минут подсаживался, словом, вел себя как гостеприимный хозяин. Случайно ему довелось подслушать разговор двух офицеров, майора Шульца и гауптмана Кубиса.

– Везет нашему оберсту, – с завистью говорил Шульц, – смотрите, как тщится усыновить этого молодого барончика! Бьюсь об заклад, что он окрутит его со своей дочкой и приплюсует его два миллиона к своим двум хлебным заводам. И плевать ему тогда на все, даже на карьеру, не то, что нам с тобою, Кубис!

– Жалеешь, что у тебя нет дочки, Шульц? – засмеялся Кубис. – Э, плевать на все! На дочку, на два миллиона, на карьеру! Я голым пришел в этот мир и голым уйду из него. Давай лучше выпьем! За то, чтобы скорее закончилась эта война и мы с тобою получили какие-нибудь административные посты в России, тогда, возможно, и мы обеспечим себе безбедное будущее... Только если дела будут обстоять так, как после этой операции «Железный кулак»...

Генрих насторожился, но узнать о результатах операции «Железный кулак» ему не удалось – к собеседникам подошел оберст Бертгольд, и они замолчали.

Не вовремя, совсем не вовремя принесло этого оберста! Впрочем, в отделе уже, конечно, есть сообщение о результатах операции.

Об операции «Железный кулак» Генрих узнал случайно, хотя совсем не хотел этого, чтобы не вызвать подозрений.

За несколько дней до присвоения Гольдрингу звания лейтенанта гитлеровской армии его вызвал к себе Бертгольд. Это произошло поздней ночью, и Генрих должен был признаться самому себе, что это сильно встревожило его.

Он одевался нарочито медленно, стараясь собраться с мыслями. Неужели у начальника отдела 1-Ц остались еще сомнения? А может, не остались, а возникли в силу каких-либо новых обстоятельств? Но каких? Уж лучше, если б оберст сразу проявил недоверие. Тогда Генрих мог бы отстаивать свои интересы, доказывать, что он рассказал правду при первой встрече с Бертгольдом, настаивать на скорейшем восстановлении в законных правах, и все сразу стало бы на место. Так или этак. Пан или пропал. А теперь вот вскакивай среди ночи и терзай мозг тяжелыми мыслями.

Коккенмюллер, как обычно, когда его шеф работал поздно, был на своем месте и тоже копался в бумагах.

– Герр оберст вызывал меня? – спросил Генрих в меру взволнованно и удивленно, как и полагается человеку, которого неожиданно подняли с постели.

По лицу Коккенмюллера или по тону его ответа Гольдринг надеялся догадаться о характере разговора с Бертгольдом.

Но адъютант оберста был, как всегда, холоден и замкнут.

– К сожалению, какое-то срочное дело, – адъютант поднялся и повернул ключ в автоматическом замке.

Бертгольд стоял, облокотившись на стол, и рассматривал большую карту.

Достаточно было одного взгляда, чтобы понять – оберст изучает план какой-то операции.

– Одну минуточку, – бросил он, не поднимая головы.

– Простите, я, кажется, немного опоздал. Разрешите подождать у Коккенмюллера.

– Ты пришел даже немного раньше, чем нужно. Но я сейчас освобожусь. Можешь подождать здесь. Кстати, взгляни на эту вещичку, которую мне доставили вчера вечером. – Бертгольд указал в глубь кабинета.

Только теперь Генрих заметил, что на кресле, стоявшем в правом углу, поблескивала золотом и драгоценными камнями большая церковная чаша. Медленно подойдя к креслу, он осторожно взял ее в руки и стал внимательно рассматривать.

– Нравится? – коротко спросил Бертгольд, сворачивая карту.

– Настоящее произведение искусства! Я уже не говорю о стоимости этой, как вы говорите, вещишки. Ведь это вещь музейная. И ей нет цены. Это новое приобретение делает честь вашему вкусу коллекционера старины.

Оберст довольно улыбнулся, но ничего не ответил. Заложив руки за спину, он заходил по комнате, ступая тяжело и размеренно, как шагают люди, отягощенные заботами. Генрих внимательно наблюдал за выражением его лица, которое чем дальше, тем больше хмурилось, и беспокойство Генриха тоже возрастало. Ведь не для того же, чтобы похвастаться этой чашей, вызвал его среди ночи Бертгольд!

Да, не о пополнении своей коллекции думал сейчас и начальник отдела 1-Ц, а о своих далеко идущих планах, связанных с Гольдрингом.

Через несколько дней должен прийти приказ о присвоении Генриху офицерского звания. Итак, он будет восстановлен в правах гражданина вермахта, в правах единственного и законного наследника Зигфрида фон Гольдринга. Без его, Бертгольда, помощи это дело не решилось бы так быстро и сравнительно легко.

Козырь, главный козырь в его игре!

А если он в чем-нибудь ошибся? Загипнотизированный двумя миллионами марок, оттолкнулся от неправильной предпосылки и пришел к ошибочному выводу?

Тогда крах, полный крах! Нет, этого не может быть, проверка проведена тщательно. А магнитофонная лента все зафиксировала. Жаль, что в деле Зигфрида фон Гольдринга не сохранилось дактилоскопических отпечатков пальцев Генриха. Ведь по правилам разведки отпечатки берут не только у самого разведчика, а и у членов его семьи, если она выезжает с ним вместе.

Очевидно, кто-то прозевал или просто потерял их. Халатность, граничащая с преступлением! Бертгольд так и сообщил вчера в Берлин. Теперь, вместо неоспоримого документа, он должен удовлетвориться еще одной психологической атакой. Правда, у Генриха прекрасная память. Но юноша в конце концов не может помнить всего, что было с ним в детстве. Надо уверить его, что отпечатки пальцев сохраняются в архиве. Интересно, как он поведет себя? Этот ночной вызов, конечно, насторожит Генриха, и ему не так легко будет овладеть собой, если у него есть основания бояться дактилоскопических отпечатков...

– Ты, конечно, удивлен, что я вызвал тебя ночью? – спросил Бертгольд, неожиданно оставившись перед Генрихом.

– Не только удивлен, а и немного взволнован. Что случилось?

– О, ничего серьезного, обычная формальность. Не совсем приятная, но необходимая для окончательного оформления твоих документов.

– Мне так надоела двойственность моего положения, что я с радостью пойду навстречу самой большой неприятности.

– Понимаю твое самочувствие и твое нетерпение. А поэтому давай быстрее избавимся от хлопот... Ты имеешь представление о дактилоскопии? Может быть, даже помнишь, как перед отъездом из Германии...

– Вы хотите сказать, что перед отъездом у меня взяли дактилоскопические отпечатки? Погодите, я постараюсь вспомнить...

Генрих озабоченно потер лоб рукой.

– Нет, не помню!

– Выходит, что и твоя исключительная память иногда изменяет тебе?

– О, память ребенка фиксирует лишь то, что его заинтересовало. Возможно, эта процедура не привлекла моего внимания, и я считал ее просто игрой. Если, конечно, это произошло и кого-нибудь действительно могли интересовать отпечатки пальцев маленького мальчика.

– Это интересовало не кого-либо, а органы разведки. К счастью, отпечатки сохранились.

– Теперь наконец я понял, о какой формальности вы говорите.

Генрих брезгливо поморщился и с отвращением передернул плечами.

– Воспринимай это и сейчас как игру. Ибо эта формальность больше всего похожа на игру. И поверь, мне самому очень неприятно, очень обидно... Эту миссию я взял на себя, чтобы обойтись без лишних свидетелей.

– Боже, какое счастье, что судьба свела меня с вами, герр оберст!

Подойдя к столу, Бертгольд вынул из ящика металлическую пластинку, поблескивавшую свежей типографской краской, и маленький кусочек бумаги.

– А теперь, мальчик, подойди сюда и дай мне правую руку. Вытяни большой палец, прижми его к ладони. Вот так...

Ловким движением Бертгольд ребром поставил палец Генриха на пластинку, потом, легонько нажав, повернул его. Теперь с внутренней стороны изгиб большого пальца был ровно окрашен. Тогда Бертгольд прижал его к куску бумаги. На гладкой белой поверхности появился четкий рисунок.

Когда отпечатки были сняты со всех пальцев, оберст с облегчением вздохнул: Генрих выдержал испытание, и он, Вильгельм Бертгольд, не ошибся!

Доволен остался и Генрих. На протяжении всей операции ни один из его длинных тонких пальцев даже не дрогнул.

– Разрешите идти? – спросил он оберста, который снова разворачивал карту.

– Да, – Бертгольд вздохнул. – А мне придется еще немало поработать, чтобы кулак, в который мы зажмем врага, действительно оказался железным, как пышно называли эту операцию в штабе.

Даже не взглянув на карту, Генрих выразил сожаление, что оберст так перегружает себя, и, поклонившись, вышел.

Генрих быстро оделся и, когда в комнату вошел его денщик, был уже готов.

– Подавать завтрак, господин лейтенант?

– Только чашку кофе и бутерброд.

Денщик укоризненно покачал головой, но, встретив холодный взгляд Генриха, молча принялся готовить завтрак.

Худощавый, рыжий Эрвин Бреннер, присланный в распоряжение нового сотрудника Коккенмюллером, не понравился Генриху. Особенно неприятное впечатление производили его маленькие желтоватые, как у кошки, глаза, которые всегда, уклоняясь от прямого взгляда, шарили по комнате.

«Надо будет заменить его», – подумал Генрих.

Наскоро проглотив кофе, Генрих пошел в штаб. Как офицер по особым поручениям, он состоял в личном распоряжении оберста и каждое утро должен был являться к своему шефу, чтобы получить то или иное задание. До сих пор Бертгольд не перегружал своего протеже работой, его мелкие поручения можно было выполнять, не выходя из штаба. Но накануне перед вечеринкой оберст предупредил, что хочет дать Генриху задание более сложное и ответственное.

Бертгольд уже сидел у себя в кабинете, и Генрих сразу заметил, что шеф чем-то взволнован.

– Очень хорошо, что ты пришел! Я уже собирался посылать за тобой.

Генрих взглянул на часы.

– Сейчас ровно девять, господин оберст, так что я не опоздал ни на минуту. А вот вы начали сегодня свой день слишком рано.

– И, добавь, не совсем приятно! – хмуро буркнул оберст.

– Какие-нибудь неутешительные известия с фронта? – озабоченно спросил Генрих.

Бертгольд, не отвечая, прошелся по комнате, затем остановился против Генриха и внимательно заглянул ему в глаза.

– Скажи, тебе был известен план операции, которую мы называли «Железный кулак»?

– Я слышал от вас самого, что такая операция должна была состояться, но считал, что я не вправе ею интересоваться, поскольку я еще не был официально зачислен в штаб и даже не стал еще офицером нашей армии... О, не квалифицируйте это как отсутствие живой заинтересованности в делах нашего штаба. Просто я считаю, что в каждой работе есть известная грань, которую не следует переступать подчиненному. Без ощущения этой грани не может быть настоящей дисциплины, и я, как вы знаете, помогая отцу в разведывательной работе, с детства приучился к этому.

Оберст с облегчением вздохнул:

– Я так и знал!

– Но, ради бога, в чем дело? Неужели я стал причиной тех неприятностей, которые так взволновали вас сегодня?

– Только косвенно, – оберст взял Генриха под локоть и прошелся с ним по кабинету. – Видишь ли, мой мальчик, есть люди и, к сожалению, среди офицеров моего штаба, которые в успехе другого всегда видят посягательство на свое собственное благосостояние, на свою карьеру, на свое положение в обществе, даже на свой успех у женщин. Таких людей постоянно грызет зависть, и когда они могут сделать ближнему какую-нибудь неприятность, они ее делают. Им кажется, что тогда им прибавится счастья, славы, денег.

– Все это так, но при чем здесь я?

– Неужели ты не понимаешь, что тебе завидуют? Хотят повредить!

– Теперь я уже абсолютно ничего не понимаю, герр оберст, кто мне завидует и кто мне может повредить? Я здесь всего несколько недель, никому ничего плохого не сделал и не имел намерений сделать, никого, кажется, пусть даже невольно, не обидел. И при чем здесь, наконец, операция «Железный кулак»? Герр оберст, я очень прошу объяснить мне все.

– Успокойся! Конечно, я тебе все объясню, и, поверь мне, вся эта история не стоит того, чтобы ты волновался. Но сперва скажи мне: какие у тебя взаимоотношения с майором Шульцем!

– С майором Шульцем? – удивился Генрих. – Это такой высокий, тучный, со втянутыми внутрь губами?

– Портрет очень похож!

– Впервые я разговаривал с ним вчера, на вечеринке, причем весь разговор состоял из нескольких слов благодарности в ответ на его тост. До этого мы только здоровались при встрече. Так что ни о каких взаимоотношениях, хороших или плохих, не может быть и речи.

Оберст в задумчивости пощипал свои коротко подстриженные усы и, коснувшись руки Генриха, глазами попросил его следовать за ним. Подойдя к стене, Бертгольд отодвинул занавес, закрывавший большую военную карту стратегических действий.

– Дело в том, – сказал с ударением Бертгольд, – что вчера в четыре часа утра началась вот эта самая операция, которую штаб назвал «Железный кулак». Чтобы ты понял суть дела, объясню наглядно. – Бертгольд взял в руку указку. – Вот на этом участке наши две дивизии, поддерживаемые двумя танковыми бригадами, вчера начали наступление. Два моторизованных полка были расположены вот здесь как резерв наступающей ударной группы. Было условлено, что на участке к югу от нас дивизия соседней группы войск под командованием генерала Корндорфа на шесть часов раньше начнет наступление с целью отвлечь внимание и оттянуть силы противника. Тем более что силы эти, как нам стало известно, невелики, к тому же измотаны предыдущими боями. Наш участок фронта русские до сих пор считали второстепенным – в этой местности не хватает дорог, и вся она очень заболочена. Мы знали, что советское командование не рассчитывало на возможность нашего наступления именно здесь. Об этом

свидетельствовали данные и оперативной, и агентурной разведки. Названные дивизии и танковые бригады должны были внезапным ударом прорвать фронт советских войск в этом месте, окружить их и открыть путь на Калинин. Весь расчет нашего командования был построен на внезапности, неожиданности. Подготовка проводилась скрытно и быстро. О плане операции знали только несколько человек, в том числе и я. Карты с планом операции находились в штабе корпуса, у командира ударной группы и у меня.

Генрих с интересом следил за указкой.

– Вчера, – продолжал оберст, – наши части ударной группы за несколько часов до наступления сосредоточились в этом районе. Учти, что в этой ложине расположить две дивизии и танковые бригады было очень трудно. Скученность создавалась невозможная, но наше командование пошло на это. И вдруг события обернулись совсем не так, как мы предполагали: за два часа до начала наступления русские открывают по этому участку неслыханной силы артиллерийский огонь, используя даже реактивную артиллерию, которой у них до сих пор здесь не было. На протяжении каких-нибудь пятнадцати минут врагу удалось буквально разметать наши сосредоточенные для прорыва части, а когда артиллерийский огонь стих, русские бросили на этот участок несколько десятков самолетов штурмовой авиации. И авиация dokonчила дело. Не успели скрыться самолеты, как перед остатками наших разгромленных частей появились русские танки и мотопехота, которые буквально стерли с лица земли тех, что остались в живых после двух предыдущих ударов – артиллерии и авиации. К счастью, русские не воспользовались своей победой, а вернулись на прежние позиции. Дивизия Корндорфа также очутилась в чрезвычайно трудном положении, ибо русские, покончив с ударной группой, все свои резервы бросили на нее. Ее, вернее то, что от нее осталось, спас резерв главного командования.

Оберст отошел от карты и сел в кресло.

– Когда мы вчера пили за присвоение тебе офицерского звания, русские уже доканчивали дело. Ты, возможно, заметил, что несколько офицеров, в том числе и я, были вызваны прямо с вечеринки в штаб.

– Заметил, но думал, что вы просто вышли отдохнуть.

– О, если бы это было так!

– Я вполне разделяю, герр оберст, ваше сожаление. Но какое отношение имеет этот «Железный кулак» ко мне? – нетерпеливо спросил Генрих.

Оберст ответил не сразу. Он вынул платок, долго и тщательно вытирал им лицо, словно хотел продлить паузу, чтобы лучше обдумать свои слова.

– Видишь ли, – начал он осторожно, – русские не могли планировать свое наступление на этом участке, иначе их войска не вернулись бы на исходные позиции, а продвигались бы дальше. Само собою напрашивается вывод, что артиллерию, авиацию и мотопехоту они сосредоточили, узнав о наших планах. Очевидно, кроме тех трех карт, о которых я тебе говорил, существовала и четвертая... у советского командования.

– Итак, – резко прервал Генрих, – майор Шульц высказал подозрение, что эту четвертую карту передал русским я? Да?

Генрих с такой силой сжал руками спинку стула, что она затрещала.

– Помилуй бог, он лишь попытался намекнуть...

– Я убью его! – в ярости воскликнул Генрих.

Его лицо побледнело, губы сжались так, что их совсем не стало видно, глаза налились кровью, а рука порывисто легла на кобуру офицерского маузера.

Не помня себя, он бросился к двери и, возможно, выбежал бы, если бы оберст силой не задержал его на пороге.

– Стой! – грозно крикнул Бертгольд. – Ты забываешь, что ты в армии!

Он силой вырвал из рук Генриха маузер, сам вложил его в кобуру и застегнул ее.

– Успокойся! Намек Шульца, говорю тебе, не произвел ни малейшего впечатления. Все восприняли его как глупую выходку, и начальник штаба генерал-майор Даниель сделал ему замечание. О себе я уже не говорю. Шульц здесь же, на совещании, в присутствии всех вынужден был выкручиваться и просить у меня извинения.

Генрих опустил в кресло, подпер голову руками и угрюмо уставился в пол.

– Так-то лучше! Посиди немного и обо всем спокойно подумай, – уговаривал оберст. – Да что ты хочешь? В свои двадцать два года ты уже имеешь заслуги перед отечеством, лейтенант, владелец солидного капитала, тогда как Шульц не может даже приобрести себе приличного парадного мундира. Его жадность к деньгам всем известна. Как же ему не завидовать тебе, молодому и богатому человеку, перед которым открыта такая блестящая карьера! Не обращай на это внимания. Я рассказал тебе всю историю с единственной целью, чтобы ты знал: система сплетен и доносов у нас расцвела вовсю. Тебе завидуют и будут завидовать, где бы ты ни был и что бы ты ни делал.

– Но с этим Шульцем я поговорю! – угрожающе отозвался Генрих.

– Запрещаю как начальник и не советую как человек, который хочет заменить тебе отца. Ты можешь его игнорировать, но разговаривать об этом не следует. Сделай вид, что ты ничего не знаешь. Ты обещаешь?

– Но...

– Никаких «но». Дай мне слово офицера, что не подашь виду ни единым намеком.

Генрих промолчал.

– Даешь слово?

– Герр оберст...

– Я требую от тебя слова офицера. Повторяю: я не только друг твоего отца, но и твой начальник.

– Хорошо, – хмуро проговорил Генрих. – Даю слово офицера не заводить об этом разговора. Но оставляю за собой право при случае «отблагодарить» Шульца.

– Ну вот и договорились! А теперь, когда мы с тобой поняли друг друга, давай потолкуем о другом.

– Вы вчера упоминали о каком-то задании? – напомнил Генрих.

– Именно об этом я и хочу сейчас с тобой поговорить. Слушай внимательно, дело идет о новой операции, точнее о подготовке к ней. Она будет несколько меньшего масштаба, чем неудачный «Железный кулак», но у нее свои особенности и трудности, так как это связано с ликвидацией большого партизанского отряда.

– Только и всего! – в голосе Генриха прозвучало разочарование.

– Только и всего... – насмешливо повторил за ним оберст и вдруг вскипел: – Ты здесь недавно и еще не ощущаешь, с каким напряжением мы все ходим по этой богом проклятой земле. На фронте легче. Ты знаешь, что противник впереди. А здесь можно ждать его каждую минуту: проходя по улице, сидя в кабинете, лежа в постели...

– Не понимаю! – презрительно улыбнулся Генрих. – Неужели немецкая армия, армия, победоносно прошедшая по всей Европе, не в силах ликвидировать партизанские банды в тылу?

Бертгольд саркастически рассмеялся.

– Ты видел когда-нибудь пожар? – вдруг спросил он.

– Конечно, приходилось.

– Так вот, когда горит дом, даже не дом, а целый квартал, село – с пожаром бороться можно. Приезжают пожарные команды, окружают объект, локализуют огонь и пожар гасят. Но когда запылает степь, когда горит колоссальный массив леса – пожарным командам делать нечего. Такой пожар уже не погасить, пока он не сожжет все дотла! А партизанское движение – это пожар в степи... Нет, лучше сказать в сухом лесу. И здесь обычными мерами не обой-

дешься. Здесь необходимы меры экстраординарные, такие, как вот эта специально подготовленная операция, обдуманная до мельчайших деталей! А ты улыбаешься!

– Прошу простить и сделать скидку на мою неопытность...

– Чтобы ты осознал всю ответственность возложенного на тебя задания, я коротко обрисую тебе обстановку и сжато познакомлю с мерами, которые мы думаем принять. К юго-востоку от села Марьяновки базируется большой партизанский отряд русских. Поскольку это в тылу нашего корпуса, то ликвидировать этот отряд – наша прямая обязанность. И сейчас наиболее удобное для этого время – мы отводим для переформирования в район Марьяновки остатки сорок четвертой и двенадцатой дивизий, разгромленных во время неудачной операции «Железный кулак». Эти части нам разрешено использовать для ликвидации партизан, но их будет недостаточно. О численности партизанского отряда у нас очень противоречивые данные, но несомненно одно: отряд достаточно велик, хорошо вооружен, поддерживает постоянную связь с советским командованием. Все это обязывает нас подготовить операцию как можно лучше. Теперь перейдем к твоему участию в этой подготовке. Я уже говорил, что мы не можем рассчитывать лишь на те части, которые отведем для переформирования. Их надо всеми возможными способами усилить. И сделать это мы предполагаем за счет полиции, расположенной в отдельных селах. Мобилизовав всех полицейских, мы сможем организовать два батальона, которые тоже бросим на ликвидацию партизанского отряда.

– Наконец я смогу увидеть собственными глазами хоть одного партизана!

– Смотри, чтобы партизаны не увидели тебя раньше, чем ты их! Помни, что стреляют они очень метко и дерутся до последнего. Впрочем, надеюсь, что все обойдется хорошо. В твоём распоряжении будет легковая машина и один бронетранспортер с пятнадцатью солдатами и двумя пулеметами.

Генрих пожал плечами, но возражать не решился.

– А теперь твое задание: тебе предстоит объехать места, где расположен весь этот сброд, именуемый полицией. Выявить его боеспособность. По приезде подашь мне об этом письменный рапорт, точно указав количество людей, вооружения и прочее. Сведения следует собрать самые точные, чтобы знать, с какими силами мы можем начать операцию, условно названную «Зеленой прогулкой». Понятно?

– Так точно!.. Разрешите один вопрос, герр оберст?

– Прошу.

– Вы называли полицию сбродом, следовательно, вы о ней не очень высокого мнения?

– Не высокого? Слабо сказано, мой мальчик!

– В таком случае зачем же ее вооружать, организовывать?

Бертгольд невесело улыбнулся.

– У нас недостаточно сил, чтобы держать во всех населенных пунктах свои гарнизоны. Это раз. Второе, и главное, состоит в том, что завербованные в полицию не могут не стать злейшими врагами партизан. Они вынуждены бороться с ними хотя бы для того, чтобы спасти себе жизнь. К сожалению, полиция рекрутируется по большей части из темных людишек и дезертиров русской армии. А дезертир прежде всего трус и трусом останется, какой бы мундир он ни надел.

– Когда я могу приступить к выполнению?

– Через час к отъезду все будет готово. Сегодня и завтра ты проведешь инспектирование, а послезавтра в десять утра подашь рапорт – «Зеленая прогулка» может быть назначена внезапно. Части будут подняты по тревоге. Кстати, следует проверить готовность полиции собраться по тревоге. Это особенно касается полицейских отрядов в районе села Подгорного, которым ты отдашь распоряжение блокировать лес на участке от Подгорного до Иванкова. Конечно, о предстоящей операции никто не должен не только знать, но даже догадываться. Ясно?

– Вполне. Разрешите идти?

– Иди и постарайся как следует отдохнуть... Постой-ка, чуть не забыл. Сегодня я получил письмо из дому, здесь есть строки, касающиеся тебя. Вот здесь.

Бертгольд отчеркнул в письме ногтем нужное место, подвернул верх листка и протянул его Генриху. Тот пробежал глазами отчеркнутые строки, поднял растроганный взгляд на оберста и снова, уже не торопясь, перечитал написанное.

– Я сейчас же, сию же минуту напишу фрау Эльзе! – воскликнул он взволнованно, возвращая письмо. – Теперь я считаю, что имею право это сделать.

– Что же, это делает честь твоему сердцу. Я как раз отправляю письмо, и, если хочешь, припиши несколько строк. Можешь располагаться здесь, в моем кабинете.

Письмо Генриха, однако, не уложилось в несколько строк.

«Многоуважаемая фрау Бертгольд! – писал он. – Только что благодаря господину Бертгольду я пережил счастливейшие минуты: он дал мне прочитать то место в письме, где вы пишете обо мне. С безграничным волнением узнал я, многоуважаемая фрау Бертгольд, что вы хорошо меня помните еще с детства и, зная, что я остался совершенно одиноким, выказали ко мне столь искреннее чувство, которое я не могу назвать иначе, как материнской любовью. Я счастлив, когда думаю, что у меня снова есть семья. Господин Бертгольд уже считает меня своим сыном, а я его – отцом. Теперь же, с вашего разрешения, я буду считать, что у меня есть и мать. Могу ли я быть уверен, что у меня есть и сестра? Несмотря на то что я был маленьким, когда в последний раз видел вас, ваша доброта и нежность, с которой вы тогда ко мне относились, живут и будут жить в моей памяти. Хотелось бы о многом написать вам, а еще больше – увидеть вас. Я счастлив от самого предчувствия этой встречи. Я буду всячески стремиться к этому и воспользуюсь малейшей возможностью приблизить встречу.

Но до встречи я позволяю себе надеяться получить от вас хоть маленькое письмо. Поцелуйте за меня Лору, я чуть не написал «малютку Лору», потому что такой она сохранилась в моей памяти. Если бы она оказала мне великую милость и написала, как брату, я стал бы еще счастливее. С вашего разрешения целую вас

Ваш сын барон фон Гольдринг».

Генрих протянул написанное оберсту.

– Я прошу вас прочитать, герр оберст! Я опасаюсь, не слишком ли я смело...

Бертгольд остановил его движением руки, не отрывая глаз от письма.

– Ты написал, как почтительный и любящий сын! – сказал он растроганно и, подойдя к Генриху, обнял его.

– Ну, а теперь иди. Пора отправляться в дорогу. И очень прошу, не забудь взять автомат.

Когда Генрих был уже на пороге, Бертгольд еще раз остановил его:

– Я забыл сообщить тебе одну пикантную новость: советский трибунал заочно присудил тебя к расстрелу как изменника родины. Об этом сообщил мне капитан Кубис. Он работает по линии агентурной разведки, а наша разведка, слава богу, еще располагает хорошими агентами.

– Новость действительно пикантная! – Генрих рассмеялся, но вдруг оборвал смех. Лицо его стало суровым, и глаза с вызовом блеснули.

– Я могу погибнуть при любых обстоятельствах – ни за что в нашем мире ручаться нельзя. Но одно я знаю твердо: изменником родины я никогда не стану!

Щелкнув каблуками, он вышел из кабинета.

Разговор с Бертгольдом взволновал Генриха. Первые часы его работы в штабе Бертгольда не должны были вызвать ни малейшего подозрения. И вдруг на тебе. Такое обвинение! Ведь когда оберст брал у него отпечатки пальцев, он нарочно отвернулся от карты, лежавшей на столе.

«Но кто же мог передать советскому командованию план операции? Кто?»

Событие в подгорном

Весть о том, что в село Подгорное прибыл небольшой немецкий отряд во главе с офицером, была получена в штабе партизанского отряда как раз в тот момент, когда с Большой земли по радио передали очередное задание: всячески затруднять гитлеровцам переброску свежих сил на смену разгромленным во время последнего неудачного наступления, постараться во что бы то ни стало разведать планы немецкого командования и любой ценой раздобыть «языка».

Связной, сообщавший о прибытии отряда, утверждал, будто машины приехали из села Турнавино, где располагался штаб корпуса. Поэтому само собою напрашивалось предположение, что и лейтенант, командующий отрядом, – офицер штаба. А это как раз то, что надо, – лучший из возможных «языков». Ибо кто же может больше знать о планах немецкого командования, чем штабист?

Решено было, введя в бой две роты, окружить село Подгорное, разгромить отряд и во что бы то ни стало взять в плен офицера живым.

Связные из других сел сообщили, что вчера и к ним приезжали бронетранспортер и легковая машина и что офицер собирал и инструктировал отряды полиции. Таким образом, было очевидно, что готовится какая-то крупная операция против партизан. Захватить гитлеровского офицера было вдвойне необходимо.

Кроме двух рот, на которые возлагалась задача атаковать гитлеровцев в Подгорном, было решено выслать отряды автоматчиков, поручив им оседлать дороги, ведущие из Подгорного в Турнавино и особенно в Марьяновку, так как там стоял сильный гарнизон, состоявший не только из полицейских, но и из отряда немецких солдат. На эти группы автоматчиков возлагалась двойная задача – им следовало задержать части врага, которые, возможно, немцы вышлют из Турнавина или из Марьяновки на помощь своему отряду, и, во-вторых, не дать гитлеровцам, атакованным в Подгорном, бежать, если им удастся пробиться.

Операцию следовало начать немедленно, так как машины, о которых шла речь, как сообщали связные, задерживались в каждом селе не более полутора-двух часов.

До Подгорного от партизанского лагеря было километров десять, из них лишь семь лесом, а три – по открытой местности.

Командир партизанского отряда – он решил руководить операцией сам, – как только выехали из лесу, разделил своих бойцов на две части и приказал гнать лошадей во весь дух, чтобы как можно быстрее окружить село. То, что гитлеровцы могли заметить опасность, командира не тревожило. На запад им преграждало путь большое болото, где не то что машине или всаднику, но и не всякому пешему удалось бы пройти: болото было очень топкое и тропки, ведущие через него, мало кто знал. Стало быть, у гитлеровцев оставались два выхода: либо принять бой, что было выгодно для партизан, либо, заметив приближение врага, попытаться бежать. Оба пути, которыми они могла воспользоваться, проходили мимо болота. Один вел на север – в Турнавино, второй – на юг, в Марьяновку. Партизаны для того и гнали коней, чтобы успеть перерезать эти пути отхода и уже потом, развернувшись, пойти в наступление на Подгорное.

В Подгорном Генрих задержался несколько дольше, чем в других местах. За время пути он проголодался и охотно принял приглашение начальника местной полиции Барановского пообедать у него. Тем более что районный начальник полиции вахтмейстер Вольф представил Барановского не только как надежного человека, но и как хорошего хозяина, умеющего угощать своих гостей, особенно господ офицеров. Командир отряда автоматчиков, сопровождавших Гольдринга, Вурцер сперва, правда, не советовал лейтенанту долго задерживаться в Подгорном и настаивал на том, чтобы засветло вернуться в штаб, но, соблазненный красно-

речивыми рассказами Вольфа о гостеприимстве Барановского, под конец и сам был не прочь воспользоваться удобным случаем и вкусно пообедать.

Барановский, высокий, неуклюжий человек, не помнил себя от радости: у него обедает не кто иной, как сам барон! Приглашая гостей садиться, он суетился, не зная за что взяться, и его долговязая фигура казалась от этого еще более комичной. Старый немецкий мундир с белой полоской на рукаве, казалось, был сшит на юношу, а не на этого солидного, с большим животом человека. И этот живот начальник полиции никак не мог упрятать в мундир. Все средние пуговицы то и дело расстегивались – застегнутыми оставались лишь верхние и нижние, и тогда сквозь большую прореху было видно белую вышитую сорочку, вовсе не идущую к немецкому мундиру. Гольдринг не мог сдержать улыбки, при виде этого, как ему говорили, образцового полицейского.

Барановский приказал жене зажарить поросенка и вообще приготовить такой обед, «чтобы он и в Берлине вспоминал» (начальник полиции думал, что Гольдринг не понимает по-русски, и потому не стеснялся в выражениях).

После этого Барановский по приказу Вольфа составил списки тайных осведомителей. Такие списки Генрих забирал в каждом селе, в котором проводил инспекцию.

Когда списки были готовы, Генрих приказал дать сигнал к тревоге. Через три минуты, как в этом убедился Гольдринг, следя по хронометру, отряд сельской полиции села Подгорного был выстроен.

– В списке двадцать три фамилии, а в строю я вижу лишь двадцать одного, – заметил Гольдринг, который вместе с Барановским и Вольфом обходил строй.

– Я – двадцать второй, а часовой на колокольне двадцать третий! – подобострастно пояснил Барановский.

Гольдринг взглянул на колокольню и, на самом деле, увидел там полицейского. Тот, приставив к глазам бинокль, всматривался вдаль.

– Вас часто навещают партизаны? – спросил Гольдринг.

– Да пока бог миловал.

И как раз в это время с колокольни раздался выстрел часового.

– Ой, батюшки! Сглазил! – воскликнул Барановский и почему-то присел, закрыв голову руками.

Когда Гольдринг в сопровождении Вольфа взбежал на колокольню, все, что делалось вокруг, можно было увидеть и без бинокля: бесчисленные всадники и подводы с партизанами во весь дух мчались к селу. Несколько всадников и тачанок с пулеметами вырвались вперед – они были уже близко. Очевидно, часовой не сразу заметил партизан, заглядевшись на выстроенных внизу полицейских.

Гольдринг посмотрел на запад и увидел большое болото, поросшее тростником. С минуту он, прищурясь, всматривался в него, словно обдумывая какой-то план. И, верно, придумал что-то, потому что быстро сбежал с колокольни и приказал Вурцеру, который уже приготовил свой отряд к бою:

– Принимайте под свое командование отряд полиции и вместе с автоматчиками пробивайтесь на север, в Турнавино. В этом направлении силы врага, мне кажется, менее значительны.

– А вы, герр лейтенант?

– Обо мне не беспокойтесь, делайте, что приказываю... А вы – за мной! – приказал он Вольфу. – Нет, сперва сбегайте на квартиру Барановского и принесите мой плащ. Да живо!

Пока Вольф бегал за плащом, Гольдринг заглянул в канцелярию полиции. Лейтенант в эти тяжелые минуты был на диво спокоен. Быстро схватив папку со списками, которую Вольф оставил на столе, он вложил ее в ящик. Когда вбежал запыхавшийся вахтмейстер, Гольдринг спокойно разминал сигарету.

– Герр лейтенант, ради бога, спешите! Слышите? Уже стреляют!

– Пусть стреляют. Мы с вами в бой не вступим, а уйдем в болото. Мы во что бы то ни стало должны доставить в штаб весь собранный материал, а у нас лишь единственный выход – напрямик через болото.

Генрих, пригибаясь, побежал к болоту. Солидный сорокалетний Вольф едва поспевал за ним. Но барон, как оказалось, был не только великолепным бегуном, но и настоящим боевым другом. Видя, что Вольф отстает, он побежал медленнее и дождался своего спутника.

– Без паники, Вольф! Дышите носом. Руками, руками размахивайте! Вот так! Раз, два, три, четыре! Раз, два, три, четыре!

Вольф с благодарностью смотрел на лейтенанта. В самом деле, вскоре он мог уже бежать быстрее – советы лейтенанта пригодились.

Перестрелка в стороне села тем временем все усиливалась. К треску станковых пулеметов прибавились автоматные очереди, а вскоре и разрывы гранат.

– Скорое, скорее, Вольф! Единственное наше спасение – это скорость! – подгонял задыхающегося вахтмейстера лейтенант.

Но вот и болото.

– Ступать только по моим следам! Ни шагу в сторону! – приказал Гольдринг, смело входя в густой камыш. Пройдя шагов сто, лейтенант оглянулся. Вольф шатался, как пьяный. Пережитый страх буквально валил его с ног. А тут еще шагать надо было след в след за лейтенантом через страшную трясику, откуда уже не будет возврата.

– У нас есть несколько минут, чтобы передохнуть, – Гольдринг остановился и несколько раз, через нос, глубоко вдохнул воздух.

– Пробьются наши, как думаете, герр лейтенант? – чуть отдышавшись, спросил Вольф.

– Боюсь за них. Силы слишком неравны! Да, вахтмейстер, а где списки осведомителей и полицейских? Папку с ними вы положили на стол в канцелярии.

Вахтмейстер побледнел как полотно.

– Я... я думал, что вы...

– Выходит, вы их забыли? Вы понимаете, что вы наделали?

– Но я думал... – едва мог вымолвить дрожащими губами вахтмейстер.

– Вы думали? Да вы знаете, что будет, если списки попадут в руки партизан? Вы представляете, что вам придется отвечать за это перед самым оберстом?

– Герр лейтенант! Помилосердствуйте! Не губите! Да разве я мог думать в такое время о каких-то списках? Умоляю вас, скажем, что они были у Вурцера!

Издали донеслись крики и отчаянные вопли. Пулеметные очереди смолкли, слышались лишь одинокие выстрелы.

– Скверно! Начался рукопашный бой. Поспешим, вахтмейстер! – бросил Гольдринг и быстрыми шагами углубился в болото.

Можно ли измерить силы человека, когда он спасается от смертельной опасности? Вольф никогда не думал, что способен целую ночь брести по колено в воде, с трудом вытаскивая ступни из топкой трясины, не смея остановиться, потому что зыбкая почва все время колеблется под тяжестью тела и стоит только оступиться, как трясина жадно засосет. К тому же он ничего не ел со вчерашнего утра и совсем ослаб. Правда, лейтенант иногда выдергивал из чащи тростника какие-то одному только ему известные растения и протягивал их Вольфу, показывая, как их надо чистить, но от этой еды вахтмейстера только мутило. К тому же очень болели руки, и у лейтенанта, и у вахтмейстера они были окровавлены от множества порезов об осоку. Вольф никогда и не предполагал, что путешествие по заросшему тростником болоту может быть столь опасным.

– Герр лейтенант! Долго ли мы будем блуждать? – уже под утро спросил совершенно обессиленный Вольф. Он посинел от холода и дрожал.

– Вы же сами слышали, что по болоту стреляют. Возможно, нас ищут. Мы не уйдем отсюда, пока я не буду убежден, что партизаны скрылись.

– Но мы ведь снова повернули обратно?

– Молчите, ради бога, и следуйте за мной!

Гольдринг и сам чувствовал, что силы оставляют его. Он уже едва передвигался, часто останавливался, то ли прислушиваясь к чему-то, то ли отдыхая.

Наконец Генрих остановился.

– Здесь мы будем стоять, пока не услышим рокота машин.

– Разве здесь услышишь?! – Вольф безнадежно махнул рукой.

– Мы находимся метрах в ста от дороги. Согласно приказу оберста, я должен был вернуться вчера вечером. Я не прибыл вечером, не прибуду и рано утром. В штабе переполошатся, и не позднее девяти начнутся розыски. Часов в десять машины с солдатами будут здесь.

Но помощь пришла раньше. Гольдринг не учел того, что в его возвращении заинтересован не только оберст, отдел 1-Ц, а и весь штаб.

Когда, не дождавшись Гольдринга, Бертгольд часа в три ночи зашел к нему в комнату и узнал, что лейтенант вообще не возвращался, оберст поднял на ноги весь штаб. И как только забрезжил рассвет, сильный отряд мотопехоты выехал по направлению к Подгорному.

Трудно было узнать в этом измученном, измазанном грязью, с забинтованными руками молодом человеке всегда нарядного, вылощенного штабного офицера фон Гольдринга.

Барон спал весь день и всю ночь. А когда утром следующего дня он раскрыл глаза, первым, кого он увидел, был Бертгольд.

– Лежи! Лежи, отдыхай! Мне вахтмейстер доложил обо всем, что случилось. Но скоро мы с тобой забудем, что такое партизаны, и оставим эту проклятую страну! – шепотом, как великую тайну, сообщил на прощанье Бертгольд.

– То есть?

– Наш корпус переводят во Францию.

Ловушка Кубиса

Из-за отсутствия благоустроенных домов помещение небольшой сельской больницы несло двойную нагрузку. Днем офицеры здесь обедали, и тогда в большом зале столы составлялись в виде буквы «Т». За столами, изображавшими короткую часть буквы, сидели представители высшего командования, а дальше – офицеры рассаживались в порядке личной привязанности начальства и по рангам.

Вечером субординации не придерживались. Тогда столы стояли в полнейшем беспорядке, сдвинутые по два, или каждый в отдельности, в зависимости от того, что за ними делали: пили коньяк или играли в карты. В это время особенно ощутимым становился запах лекарств и дезинфекционных веществ, от которого никак не могли избавиться, сколько ни скребли стены и ни мыли полы.

Этот запах придавал особенно терпкий привкус и вину и спорам после выпитого.

Гауптмана Пауля Кубиса сегодня особенно раздражал этот запах. Он почему-то будил в нем воспоминания о маленьком вокзале на пограничной итальянской станции, откуда он по вызову своего дяди-генерала выехал в Германию. Возможно, это воспоминание возникло потому, что на вокзале тоже пахло дезинфекцией, а от этого Пауля Кубиса немного подташнивало. И вообще он чувствовал себя тогда достаточно скверно. Еще бы, два года проучился в Риме, готовил себя к духовной карьере, и вдруг из-за этой войны такой крутой поворот. Вместо священного сана – работа в отделе агентурной разведки.

Правда, Пауль не жалеет, что лишился сутаны. Военная форма ему к лицу. Черный ворот мундира так чудесно оттеняет бледность лица, и глаза от этого кажутся еще глубже. Фрейлейн Клара даже назвала их загадочными... И все же жаль тех лет, которые он проучился в Риме. Тогда еще Пауль верил в свое высшее предназначение и множество вещей его глубоко волновало. Ему хотелось еще хотя бы раз ощутить трепет ожидания, неуверенности, страсти. Как все-таки притупились все чувства! Теперь он ощущает волнение лишь в единственном случае – впервые открывая свои карты во время игры.

Пауль Кубис оглядывает комнату, ища партнеров. Пригласить разве этого барона Гольдринга? У него денег куры не клюют. И если играть расчетливо, не зарываться...

Последнее время Кубису не везет в игре. Как каждый игрок, он верит, что вот-вот наступит перелом и можно будет с лихвой вернуть все проигранное. Только бы не упустить этот счастливый момент, когда фортуна вдруг смилостивится и повернется к нему лицом. Возможно, что именно сегодня...

Пауль быстро пересекает зал и подходит к Гольдрингу, который о чем-то оживленно беседует с Коккенмюллером.

– Барон, не согласитесь ли вы быть моим партнером? Вы, конечно, играете в бридж?

Гольдринг разводит руками и с искренним огорчением говорит:

– Очень сожалею о своем невежестве. Но в этом деле я совершенный профан. Признаться, очень хотел бы научиться.

– Если не возражаешь, Пауль, я могу составить тебе партию, – предложил Коккенмюллер.

– А кого пригласим еще?

– Ну, конечно, Шульца и... – Коккенмюллер оглядывает комнату, – и... хотя бы Вернера... Вернер, – зовет он, – ты еще способен отличить туза от валета?

Вернер, мрачно тянувший коньяк у одного из столиков, лениво поднимается. Глаза у него совсем посоловели, но держится он прямо, все движения четкие, словно он совсем даже не пил.

Коккенмюллер расставляет стулья. Он сегодня очень весел и возбужден.

Утром гауптман отправил хорошую посылку своим родным, и не с тряпьем, а с настоящими ценностями. Он считает, что у него сегодня счастливый день и ему должно везти.

Шульц присаживается к столу деловито, словно он сейчас должен приступить не к карточной игре, а к какой-то очень важной, кропотливой работе.

– Вы не протестуете, если я сяду рядом с вами, чтобы немного поучиться? – спрашивает Кубиса Гольдринг.

Пауль Кубис не очень любит, когда кто-то заглядывает в карты. Это его нервирует. Но он не решается отказать барону и любезно придвигает ему стул.

Игра вначале идет вяло. Кубис помнит свое намерение не зарываться и потому играет с несвойственной ему осторожностью. К Коккенмюллеру не идет карта. Шульц, как всегда, выжидает. Лишь Вернер, которого начинает развозить после выпитого, все больше горячится. Он рискует, делает неожиданные ходы и, к удивлению всех присутствующих, раз за разом выигрывает. Пауля тоже охватывает азарт. Забыв о своем решении быть осторожным, Кубис удваивает ставку. Но карта идет никудышная. К тому же и партнер его, Коккенмюллер, делает ошибку за ошибкой. Шульц, довольный, потирает под столом руки. Они с Вернером уже в большом выигрыше. А этот Кубис словно ошалел. Объявляет мизер, хотя ясно, что он не наберет и половины взятка.

Нет, и на сей раз фортуна не поворачивается лицом к Паулю Кубису.

Выигрывают, как и следовало ожидать, Шульц и Вернер. Коккенмюллер с кислой миной кладет свою часть проигрыша, триста пятнадцать марок, на стол, а Паулю приходится отвести этого скрягу Шульца в угол и просить подождать до завтра. Шульц очень сухо и официально отвечает согласием подождать до двенадцати дня, поскольку у него завтра тоже есть платежи чести. Слово «честь» он произносит с таким нажимом, что Пауль Кубис понимает – без скандала не обойтись, если он не заплатит проигрыш своевременно.

Чтобы скрыть от присутствующих свое дурное настроение, Пауль задерживается в зале и распивает бутылку коньяка с Гольдрингом и Вернером.

Шульц, конечно, сразу скрылся, чтобы не платить за коньяк. Но Вернер ведет себя, как настоящий офицер. Он угощает всех, кто подходит к их столику.

Потом Гольдринг заказывает две бутылки шампанского и они все стоя пьют прощальную. К концу вечера в голове у Пауля очень шумит, и он даже не помнит, как доплелся до своей комнаты. Собственно говоря, это хорошо: он сразу заснул и не терзался мыслью, где взять деньги, чтобы расплатиться с Шульцем.

Проснулся Пауль Кубис с тяжелой головой, подсознательно чувствуя, что его ждет какая-то неприятность. Сразу он даже не сообразил в чем дело и, лишь умывшись и сев завтракать, вспомнил: Шульц. Со всяким другим делом можно было уладить, только не с этой тучной бес- тией. Тоже мне! Платежи «честь»! Разве он знает, что такое честь?

В штаб Кубис пришел нарочно раньше, надеясь встретить кого-нибудь и перехватить хоть часть нужной ему суммы. Но у Коккенмюллера нашлось в кармане лишь двадцать марок. Не идти же одалживать к оберсту или генералу.

Из своего кабинета Пауль попробовал позвонить двум-трем приятелям, хотя заранее знал, что денег ни у кого нет: все уже успели все пропить и проиграть. «Эх, будь что будет!» – решил наконец Кубис и, разложив бумаги, собрался приняться за работу.

Легкий стук в дверь заставил его вздрогнуть. «Неужели Шульц?» – мелькнула мысль. Но, взглянув на часы, Пауль с облегчением вздохнул: только десять.

– Одну минутку, – громко крикнул он и, подойдя к обитой жестью двери, открыл автоматический замок.

В коридоре стоял лейтенант Гольдринг.

– Заходите, заходите, барон! – искренне обрадовался Кубис. – Как странно, именно сию минуту я подумал, что вы можете мне помочь в одном деле.

– К вашим услугам. Тем более что и у меня к вам есть дело, скорее – небольшая просьба.

Пригласив гостя сесть, гауптман опустился в кресло у письменного стола, небрежно отодвинув в сторону кипу бумаг.

Нет, ему не в чем упрекать судьбу, если она привела к нему барона Гольдринга. Во-первых, можно перехватить три-четыре сотни марок, чтобы рассчитаться с Шульцем. Как это он раньше не подумал о такой возможности? А во-вторых, самый удобный случай, чтобы выполнить поручение Берггольда. Надо оставить барона одного в комнате, не убирать со стола эти бумаги с грифом «совершенно секретно» и забыть полуоткрытым сейф. Фон Гольдринг не устоит против такого искушения, если он человек ненадежный... Тогда, стоит лишь взглянуть в окуляр перископа, вмонтированный рядом с сейфом так искусно, что ни один человек не догадается, – и барона можно поймать с поличным.

Только как все это сделать? Если бы он подготовился заранее, все можно было бы разыграть как по нотам. Поручить кому-либо из подчиненных вызвать его к телефону, извиниться перед бароном, попросить подождать. А самому тем временем... Да что об этом думать? Теперь, когда Гольдринг вошел неожиданно, надо полагаться исключительно на свою находчивость. Что-нибудь сообразить!

Только вот с чего начать разговор, чтобы задержать Гольдринга, и как повернуть так, чтобы одним выстрелом убить двух зайцев: попросить денег и одновременно проверить барона?

– Так чем же я могу быть полезен?

– Видите ли, – Кубис медленно подбирал слова, – мне очень бы хотелось знать ваше мнение по ряду вопросов, связанных с моей работой. Я имею в виду агентурную разведку, которой имею честь руководить.

– Охотно отвечу на все ваши вопросы...

– Вы работали в России и, конечно, знакомы с практикой русских. Скажите, когда советская контрразведка раскрывает нашего агента и арестовывает его, есть ли у него какие-либо шансы на спасение?

– Не больше, чем у рыбы, лежащей на сковороде, попасть обратно в речку. В мирное время наш разведчик еще может рассчитывать на какие-то смягчающие обстоятельства, как-то: чистосердечное признание или еще что-либо... Но во время войны... Вы сами знаете: законы военного времени всегда суровы.

– А если наш агент, чтобы спасти себе жизнь, или за высокую награду, согласится работать на советскую разведку?

– О, такие случаи исключены! – убежденно сказал Гольдринг. – Дело, видите ли, в том, что кадры советской разведки подбираются по совершенно иным принципам, чем у нас, где обращаются к услугам платных агентов. Советская разведка, к сожалению, тем и сильна, что ее сотрудники – люди идейные, я бы даже сказал – фанатики, которые работают не ради денег.

– Да, да... – гауптман Кубис замолчал, подыскивая зацепку, чтобы перейти к вопросу, который больше всего интересовал его сейчас.

Помог ему сам Гольдринг.

– Простите, герр гауптман, что я вас прерву, – произнес он небрежно, – меня просто угнетает мысль, что я немного виноват перед вами. Да, да, выслушайте меня, а потом уже протестуйте. Видите ли, вчера я напросился к вам в ученики, когда вы сели играть в бридж, и совершенно естественно отвлекал вас, нервировал тем, что всякий раз заглядывал в ваши карты... О, я всегда сам очень нервничаю, когда сажусь играть в шахматы и кто-то сидит у меня за спиной. Итак, я чувствую, что в вашем проигрыше значительная доля моей вины. Я очень прошу не обижаться и правильно понять меня. Вчера мне показалось, что у вас есть кое-какие затруднения, ну, с этим, Шульцем...

– К сожалению, вы угадали, барон, я действительно задолжал майору Шульцу триста пятьдесят марок и, если говорить честно, прямо не знаю, как выйду из этого положения.

– О, какие пустяки! Я буду просто счастлив, если вы согласитесь, чтобы я одолжил вам эту мелочь.

Гольдринг вынул из заднего кармана пачку новеньких банкнот и вопросительно взглянул на Кубиса.

– Я безмерно благодарен вам, дорогой барон, и хотя мне очень неудобно... Ведь мы с вами так мало знакомы...

– Чувство искренней симпатии часто зарождается после первой же встречи, – смеясь, поклонился Гольдринг, – верно ведь?

– Вы настоящий офицер, дорогой барон! – с облегчением воскликнул Кубис. – Честное слово, я охотно воспользуюсь вашей любезностью, конечно, на очень короткий срок.

– О, можете не спешить... Здесь триста пятьдесят марок, этого хватит?

– Вполне.

Вывав из блокнота листок, Пауль Кубис написал на нем расписку и протянул Гольдрингу; тот небрежно спрятал ее в карман.

– Совершенно излишне, но если вы так хотите...

– Я настаиваю на этом, а в знак нашего сближения мы с вами выпьем по рюмке коньяка. Согласны? Признаться, так шумит в голове после вчерашнего...

– Ну, если ради исцеления, то я не оставлю коллегу в беде, – смеясь, согласился Гольдринг.

– В таком случае прошу разрешения покинуть вас на пять минут, я лишь сбегаю к себе в комнату.

Не ожидая ответа Гольдринга, Кубис направился к двери.

– Одну минуточку, – остановил его барон. – Вы уходите, а секретные бумаги оставляете на столе? Не лучше ли спрятать их в сейф?

– Пустяки! – махнул рукою Кубис. – Вы, лейтенант, посвящены в не менее важные секреты, чем я, и к тому же я рассчитываю на вашу скромность.

Автоматический замок щелкнул. Послышались удаляющиеся шаги Кубиса.

Генрих взглянул на бумаги, вынул сигарету, медленно размял ее и подошел к окну.

Когда за дверью послышались шаги, Гольдринг даже не оглянулся, словно не слышал их.

– Простите, обещал вернуться через пять минут, а вернулся через семь! – Кубис подошел к сейфу, плотно закрыл его и только после этого вынул из одного кармана бутылку, а из другого две пластмассовые рюмки и начал разливать коньяк.

– За проигрыш, обернувшийся ко мне выигрышем! – провозгласил гауптман.

– В таком случае и за мой выигрыш! – в тон Кубису произнес Гольдринг, поднимая рюмку.

«Прошел еще одну проверку!» – промелькнула у Генриха радостная мысль.

Альбом майора Шульца

Впервые за много дней солнце прорвалось сквозь тучи и залило лучами землю. Воспользовавшись перерывом, офицеры в одних мундирах высыпали во двор штаба. Одни, щурясь от солнечного света, грелись на крыльце, другие небольшими группами прохаживались по двору, о чем-то разговаривая. Немало народа собралось и у блиндажей, расположенных вдоль дороги, напротив входа в штаб. В блиндажах офицеры обычно прятались во время налетов авиации. Но сейчас здесь происходило своеобразное соревнование в стрельбе между лучшими стрелками штаба Шульцем и Коккенмюллером.

По условиям соревнования стрелок должен отбить горлышко бутылки, поставленной в тридцати метрах от стреляющего на земляном настиле блиндажа.

В случае меткого попадания он получал от партнера две бутылки коньяка или их стоимость. Если пуля попадет не в горлышко, а просто в бутылку, стрелявший должен уплатить партнеру одну бутылку коньяка, а если пуля совсем не попадет в мишень двойной штраф – две бутылки коньяка.

Первым стрелял Коккенмюллер. Взяв из рук ефрейтора большой пистолет, гауптман внимательно осмотрел его, подошел к нарисованной на земле черте, встал вполоборота к мишени и старательно прицелился. Выстрел! Столбик пыли поднялся справа, чуть повыше бутылки. Коккенмюллер прикусил губу и снова прицелился. На этот раз пуля попала в середину бутылки и разбила ее. Третья пуля тоже лишь разбила бутылку.

– Штраф! Четыре бутылки! Выигрыш – ни одной! – смеясь воскликнул офицер, исполнявший роль арбитра.

– Я отыграюсь на следующем туре, – спокойно бросил Коккенмюллер, – теперь я знаю, как целиться.

– Полезное занятие для офицеров штаба, – послышалось сбоку. Все оглянулись. Начальник штаба генерал-майор Даниель и оберст Бертгольд подошли к собравшимся.

Майор Шульц объяснил условия соревнования.

– А ты, Генрих, не принимаешь участия? – спросил Бертгольд, заметив среди присутствующих Гольдринга.

– К сожалению, когда я подошел, соревнования уже начались.

– О, пожалуйста, герр лейтенант, это лишь начало первого тура. К тому же я люблю крупные выигрыши, – попробовал пошутить Шульц.

– А вы уверены, что выиграете? – прищурившись спросил Генрих.

Майор Шульц самодовольно улыбнулся и вместо ответа протянул Генриху пистолет.

– Нет, теперь ваша очередь, я буду стрелять после вас.

Почти не целясь, майор Шульц выстрелил трижды. Одна бутылка была разбита, у второй срезано горлышко, третья пуля прошла рядом с бутылкой, не задев ее.

– Недурно, – похвалил генерал Даниель.

– Вам стрелять, барон, – пригласил Шульц.

Гольдринг вынул из кобуры офицерский вальтер и встал в позицию.

– Вы хотите стрелять из этой хлопушки? – удивился Коккенмюллер.

– А разве правила запрещают это?

– Нет, но я держу пари, что из этого вальтера и за десять шагов не попасть в горлышко бутылки, – настаивал Коккенмюллер.

Несколько офицеров поддержали его.

– Вы ставите себя в худшие условия, чем остальные участники соревнования, – бросил и генерал Даниель.

– Но офицер, герр генерал, должен владеть всяким оружием как можно лучше. Я скорее соглашусь проиграть майору Шульцу десять бутылок за каждый выстрел, чем соглашусь стрелять из другого пистолета.

– Ловлю вас на слове, десяток бутылок за каждый выстрел! – воскликнул Шульц.

Гольдринг молча поднял пистолет, и в тот же миг прозвучали три выстрела. Первая бутылка была разбита, две другие остались без горлышка.

– Скверно! – поморщился Гольдринг, словно не слыша восторженных восклицаний присутствующих. – Поставьте новые бутылки, – попросил он ефрейтора.

Три новых выстрела вызвали всеобщий восторг. Горлышки трех бутылок были срезаны, словно ножом.

– Выигрыш пятьдесят бутылок, проигрыш – десять. Сорок бутылок коньяка с майора Шульца! – весело выкрикнул арбитр.

Кругом захохотали. Всем была известна скупость майора, и сейчас все с интересом наблюдали, как его длинное лицо покрывалось красными пятнами.

– За майором Шульцем еще три выстрела, – напомнил Генрих. – Вальтер при вас, майор? Шульц беспомощно схватился за кобуру и покраснел еще больше.

– Было условлено стрелять из парабеллума, – запинаясь проговорил он.

Генрих весело рассмеялся.

– Я пошутил, говоря о десяти бутылках, майор, с меня хватит и одной.

– Тогда разрешите пригласить вас в девять часов вечера распить со мной выигранную вами бутылку.

Шульц поклонился так церемонно, словно приглашал Генриха по крайней мере на роскошный банкет.

– Сочту за честь для себя. Буду ровно в девять, – Генрих наклонил голову, стараясь скрыть насмешливый блеск глаз.

– А знаете, барон, я не хотел бы быть вашим противником на дуэли! – пошутил Коккенмюллер, когда они вместе с Генрихом возвращались в штаб. – И знайте, сегодня вы нажили себе заклятого врага.

– А мне показалось, что мы расстались с Шульцем, как приятели, ведь я подарил ему почти весь проигрыш.

– Он не простит вам, что вы лишили его славы лучшего стрелка штаба, – пояснил Коккенмюллер, – а это единственное, чем он мог до сих пор гордиться.

Когда Гольдринг и Коккенмюллер вошли в свою комнату, дежурный доложил, что у оберста находятся сейчас генерал Даниель и оберст Лемберг.

– Лемберг? – вопросительно взглянул на Коккенмюллера Генрих и наморщил брови, словно что-то вспоминая.

– Ему поручено руководить операцией «Зеленая прогулка», – пояснил гауптман.

Они сели к своим столам и склонились над бумагами. Минут через пять через приемную оберста, даже не взглянув в сторону офицеров, прошел генерал Даниель, а за ним покрытый пылью и усталый оберст Лемберг.

Сквозь полуоткрытую дверь было видно, как Бертгольд ходил взад и вперед по кабинету. Это свидетельствовало о плохом настроении оберста. Но Генрих, которого очень заинтересовало сообщение Коккенмюллера о возложенной на Лемберга миссии, все же отважился постучать к шефу.

– А, это ты! – хмурое лицо Бертгольда прояснилось. – Что ж, поздравляю с успехом, ты отличный стрелок!

– Именно по этому поводу я и пришел к вам, герр оберст! Не кажется ли вам, что целесообразнее было бы показать свое умение владеть оружием не в подобном состязании, а на «Зеленой прогулке», где мишенями будут настоящие враги, а не пустые бутылки из-под коньяка.

Подобие улыбки промелькнуло на лице Бертгольда.

– «Зеленая прогулка» уже осуществлена.

– Уже? Когда же? – и удивление, и разочарование слышались в голосе Генриха.

– Начали сегодня на рассвете, ровно в шесть, а кончили в двенадцать.

Мрачный взгляд Генриха, очевидно, искренне потешал Бертгольда.

– Нет, ты чудак, настоящий чудак, ну, скажи мне откровенно – почему тебе так захотелось принять участие в этой операции?

– Разрешите мне ответить вам не как начальнику, а как моему второму отцу, от которого я не хочу иметь тайн?

– Надеюсь, что именно так ты всегда разговариваешь со мной.

Генрих колебался, словно ему неловко было поверять свои самые сокровенные мысли.

– Вы так много сделали для меня, – начал он неуверенно, – благодаря вам я так быстро получил офицерское звание, вы определили меня на интересную работу, но...

– Ну откровенность так откровенность! Почему ты не договариваешь?

– Я завидую многим офицерам штаба, у них есть боевые заслуги, очевидно, они принимали участие в важных операциях, о чем красноречиво говорят награды на их мундирах...

Безудержный хохот Бертгольда не дал Генриху закончить фразу

– Это все!.. Как же ты наивен! Уверяю тебя, большая половина этих орденов выдана штабным офицерам только для того, чтобы фронтовики верили, что и штабисты имеют заслуги перед фатерландом, хотя часто, даже чересчур часто, эти заслуги не больше заслуг архивариуса какого-нибудь провинциального магистрата. И для этого совершенно не надо подставлять голову под партизанские пули. Для этого найдутся люди с менее благородной кровью, чем твоя. И благодари меня, что я не пустил тебя на эту операцию.

– Почему?

– А потому, что мы потеряли только убитыми двести девятнадцать солдат и шестнадцать офицеров, половина полицейских уничтожена...

– Выходит...

– Выходит, что «Зеленая прогулка» для многих превратилась в последнюю прогулку. Когда наши части, закрыв все выходы, приблизились к лагерю, выяснилось, что он абсолютно пуст. Лагерь и подступы к нему были хорошо заминированы. Прибавь к этому, что партизаны наскочили на нас с тыла и, причинив нам значительный урон, молниеносно исчезли. Операция позорно провалилась. Единственное последствие – свыше двухсот новых крестов на кладбище вблизи этого населенного пункта.

– Выходит, оберст Лемберг...

– Черт возьми этого Лемберга, я не хочу себе портить настроение из-за его неудач. Пусть сам оправдывается перед высшим командованием. Как ты думаешь, лейтенант, не стоит ли нам немного рассеяться и хоть на вечерок укатить в ближайший город?

– С большой радостью.

– Знаю, что с радостью. Молодость не любит глухих углов, разнообразие обстановки ей необходимо, как воздух. Так, может быть, сегодня и двинемся?

– Лучше завтра, сегодня я приглашен к майору Шульцу.

Оберст поморщился.

– Вы недовольны?

– Обеспокоен. Майор Шульц не простит тебе сегодняшнего позора. Выпив, он может оскорбить тебя, а ты со своим горячим характером...

– Я буду холоден как лед и сдержан, как вы, герр оберст.

– И все-таки я не очень спокоен.

– Почему? Ведь я обещаю вам...

– Ты еще так молод! Не будь войны...

- Я, возможно, не имел бы счастья называться вашим сыном...
- Это верно. Ну, иди, но помни, что с майором надо быть настороже. Если рано вернешься – загляни ко мне.
- Слушаю, герр оберст!

В назначенное время, затянутый в новый парадный мундир, Генрих стучал кончиком стека в дверь квартиры майора Шульца. Дверь открыл сам майор.

– Прошу, прошу, уважаемый барон Гольдринг! – майор старался держаться приветливо, но на его лице скорее была лесть, чем приязнь.

Генрих быстрым взглядом окинул комнату Шульца и едва удержался от улыбки, вспомнив рассказ Кубиса о том, как денщик Шульца, стараясь создать уют в комнате своего офицера, притащил откуда-то два кожаных кресла, а майор тотчас же срезал с них кожу и спрятал ее в свой большой, похожий на сундук чемодан.

А сделать комнату уютной не мешало бы, уж чересчур в ней голо и неприветливо. Узкая кровать, накрытая грубым солдатским одеялом, стол, четыре стула. Да еще этот злополучный чемодан, действительно – настоящий сундук, даже железом обит. Интересно заглянуть в него. Наверно, там лежит и офицерское одеяло, аккуратно уложенное на самое дно. И как это Шульц оставил на стене фотоаппарат, наверно, вытащил его перед самым приходом гостя, чтобы похвастаться. Майор ждал еще кого-то. На столе стояли две бутылки коньяка и четыре рюмки.

– Будет еще кто-то? – кивком головы Генрих указал на стол.

– Я заставил Коккенмюллера вернуть мне проигрыш, пришлось пригласить и его. Но десять минут назад он известил меня запиской, что оберст куда-то посылает его. Кубис, который тоже должен был прибыть, занят. Итак, нам придется посидеть вдвоем. Вы не возражаете?

– Буду рад провести вечер в вашей компании.

Впрочем, приятного этот вечер обещал мало. И хозяин, и гость явно подыскивали темы для разговора, а круг их был очень ограничен. Интересы Шульца не распространялись дальше событий штабной жизни. И только когда разговор коснулся оберста Бертгольда, майор чуть оживился. Расхваливая большой служебный опыт оберста, его личные качества, Шульц с горечью заметил, что последнее время Бертгольд стал холодно и даже нехорошо относиться к нему.

– И чем же вы это объясняете? – спросил Генрих, внимательно глядя Шульцу в глаза.

Майор отвел взгляд, но пересилил себя и тоже взглянул прямо в глаза Генриху.

– Признаться, я объясняю это некоторым влиянием с вашей стороны.

– Но, согласитесь, майор, у меня нет ни малейшего повода враждебно относиться к вам и как-то влиять на оберста.

– Возможно, какие-либо сплетни или мои слова, переданные в искаженном виде, – начал было Шульц.

– Ведь мы с вами офицеры, а не кухарки, чтобы прислушиваться к сплетням. Что касается меня, то должен предупредить, оскорбления, задевающего мою честь, я не прощу никогда и никому. Но обращать внимание на сплетни... Это ниже моего достоинства.

– Тогда выпьем за то, чтобы между нами никогда не возникало никаких недоразумений. Барон, а вы ведь только пригубливаете!

– Я никогда не пью больше одной-двух рюмок. А поскольку это вторая – разрешите мне продлить удовольствие.

– Похвально для молодого человека. А вот нам, старикам, приходится себя подстегивать, подхлестывать, чтобы справиться с той огромной работой, которая легла на плечи.

– Но, я вижу, у вас есть время для отдыха, господин майор, – Генрих указал глазами на фотоаппарат, висевший над кроватью.

– Фотографией я увлекаюсь с детства, а теперь представилась такая возможность пополнить свой альбом. Столько городов, по которым проходил, столько событий, в которых принимал участие! Развернешь в старости – увидишь не только весь свой путь, а и каждый шаг на этом пути.

Майор много выпил, его всегда мутные глаза теперь блестели, длинное желтое лицо порозовело.

– Интересно было бы взглянуть на ваш альбом, если, конечно, он не чересчур интимного характера. – Генрих лукаво прищурился.

– Что вы, что вы! – всполошился Шульц. – Я человек семейный. Все абсолютно пристойно.

Майор Шульц склонился над чемоданом, поколдовал у замка и через минуту положил перед Генрихом огромный альбом.

Альбом действительно был богатый. Фотографии, сделанные в Бельгии, Норвегии, Чехословакии, Франции, Польше. Можно было проследить весь путь, пройденный частью, в которой раньше служил майор Шульц. А вот большой раздел «Россия». Генрих начал листать странички медленнее. Разрушенные города и села. Голодные, изможденные люди за колючей проволокой. Виселица, и на ней человек. Еще виселица – петля висит над головой какого-то юноши, почти мальчика. Все эти фото служат лишь фоном. На первом плане офицеры, часто сам Шульц. Верно, кто-то помогал ему снимать. А вот один Шульц, во весь рост. Важное надутое лицо, самодовольная улыбка, одна нога стоит на теле убитого. Видно, как поблескивают против солнца хорошо начищенные сапоги.

– Красноречивый снимок, – бросил Генрих, внимательно вглядываясь в фото.

– Я бы сказал – символический, – поправил его майор.

– Его надо беречь как документ.

– Как документ великой эпохи! – с пафосом добавил майор.

Генрих листал альбом, не поднимая глаз, словно боясь, что они выдадут его.

– А вот мой последний снимок, – майор задержал его руку, указывая на обозначенную в уголке фотографии дату.

На снимке генерал-майор Даниель в своем служебном кабинете. Он стоит у письменного стола, держа в руках какую-то бумагу. Фоном служит стена, завешенная огромной картой. Линии на карте нечеткие, но жирно обозначенные стрелы хорошо видно. Генриху не трудно догадаться, что на карте обозначен план операции «Железный кулак».

– Чудесная работа, майор. Вы можете конкурировать с лучшими профессионалами-фотографами. Честное слово, я был бы рад получить от вас фотографию на память о сегодняшнем дне.

Довольная улыбка засияла на лице Шульца.

– Выбирайте любую, которая есть в двух экземплярах.

– Тогда я выберу ваш последний снимок, мне приятно было бы иметь фотографию генерала Даниеля у себя на столе.

– О, пожалуйста! Таких снимков у меня два. Один я собирался презентовать генералу, но теперь, после этой неудачи с «Зеленой прогулкой»...

Майор вытащил из альбома фото и протянул Генриху.

– Нет, так не принимаю, – отстранил его руку Гольдринг. – Подарок надо надписать.

– Если дело за этим...

Шульц взял ручку и размашисто написал на обороте: «Лейтенанту фон Гольдрингу от майора Шульца».

– Благодарю, очень благодарю, – Генрих спрятал фотографию за борт мундира и вздохнул. – Да, я согласен с вами, генералу Даниелю сегодня не до подарков, вторая операция подряд проваливается.

– Вы считаете первой – «Железный кулак»?

– Да, а теперь «Зеленая прогулка»...

– А чем, по-вашему, это объясняется, герр лейтенант? – внимательно вглядываясь в лицо Генриха, спросил Шульц.

Взгляды их скрестились.

– Я разведчик с детства, и хоть я младше всех офицеров разведки корпуса, но никто не разуверит меня в том, что в штабе действует отлично замаскированный шпион.

Шульц откинулся на спинку стула, ноздри его большого носа чуть вздрагивали, словно чуяли добычу, а глаза сощурились в узенькие щелочки.

– Вы думаете? – хриплым голосом переспросил он Генриха.

– Уверен. Даже более – твердо убежден. Но ведь мы, майор, собирались сегодня развлечься, а завели разговор о таком больном и таком неприятном для нас, двух штабных офицеров, вопросе.

– Верно, – согласился Шульц. – Давайте, в самом деле, поговорим о чем-либо ином.

– Скажите, пожалуйста, герр майор, как вы сохраняете такую уйму негативов? – с любопытством спросил Генрих.

– Негативы я сжигаю. Если есть фотографии, незачем возить с собой лишний груз. Но почему это вас заинтересовало?

– Случается, что возникает потребность дублировать какую-нибудь старую фотографию. Вот и пригодились бы негативы.

– До сих пор не было в этом потребности, – пожал плечами майор.

– Допустим, какой-нибудь вашей фотографией заинтересуется гестапо, что тогда? Придется вырывать фотографию из этого альбома, и у вас не останется копии.

Глаза Шульца округлились, в них промелькнула тревога.

– Зачем же гестапо интересоваться моими фотографиями?

Генрих вдруг согнал с лица улыбку, глаза его глядели на майора холодно и враждебно.

– Ведь не все же такие доверчивые простачки, как вы думаете, майор.

– Я вас не понимаю! Объясните, что все это значит? – голос майора срывался от возмущения. – К вашему сведению, барон, я не потерплю оскорбления. А ваши намеки звучат, как оскорбление. Не забывайте, лейтенант, что я старше вас чином и вот уже почти десять лет на этой работе.

– Правила субординации, майор, здесь ни к чему. И не прикидывайтесь оскорбленным. Скажите откровенно, за какую сумму вы продали русским негатив фотографии, которую я спрятал в карман?

У майора перехватило дыхание. Он так побледнел, что его мутные серые глаза на побелевшем лице казались почти черными.

– Что? Что вы сказали? – наконец выдавил он.

– Могу повторить: за какую цену вы продали русским фотографию, или, вернее, ее негатив?

– Мерзавец! – Шульц вскочил с места. Подбежав к спинке кровати, он сорвал с нее ремень с кобурой пистолета.

– Спокойно! Вспомните, майор, – не повышая тона, предупредил Гольдринг, – я стреляю лучше вас. Пока вы вытаските пистолет, я успею продырявить вас столько раз, сколько патронов в моем вальтере. Успокойтесь! Тем более что порядочные люди всегда могут договориться, не прибегая к оружию.

Спокойный тон Генриха, а возможно, его угроза привели Шульца в себя. Он швырнул ремень с кобурой на кровать и подошел к столу.

– Вы, лейтенант, оскорбили мою офицерскую честь. Я этого так не оставляю, – все еще вздрагивая от гнева, воскликнул майор.

– Благородный гнев. Вы чудесный актер, майор! Но на меня, признаться, сцена, которую вы сейчас разыграли, не произвела ни малейшего впечатления.

– Чего вы от меня хотите? – прошипел Шульц.

– Я хотел спросить вас, – спокойно, как и прежде, продолжал Генрих, – приходилось ли вам видеть, как пытаются в гестапо людей, на которых пало подозрение в предательстве? А впрочем, не будем останавливаться на подробностях. Ведь вы знаете, там есть такие мастера своего дела, что и мертвого заставят говорить.

– Но почему именно со мной вы затеяли этот разговор, какое я имею к этому отношение?

– Прямое и непосредственное. Неужели вы до сих пор не поняли, что действовали очень неосторожно и у гестапо есть причины поинтересоваться, откуда возникла ваша страсть к фотографии?

– Я всегда честно выполнял свои обязанности офицера, и меня не в чем упрекнуть, – немного спокойнее проговорил Шульц.

– Есть вещественные доказательства, и им поверят больше, чем словам.

– Так в чем же вы меня обвиняете? – снова вскипел майор.

– Упаси боже, майор, я вас ни в чем не обвиняю, и вы с самого начала неправильно меня поняли. Я хотел лишь предостеречь вас от очень большой неприятности, а вы чуть ли не начали стрелять в меня...

Майор схватил бутылку с коньяком и отпил несколько глотков прямо из горлышка. Зубы его выбивали мелкую дробь о стекло.

– Скажите, наконец, барон, в чем меня могут обвинить? – почти простонал Шульц.

– Успокойтесь, майор, – холодно остановил его Гольдринг. – Ведь вы носите мундир офицера, а не передник горничной! Дело в том, видите ли, что на совещании в штабе, несколько недель тому назад, когда обсуждались причины провала операции «Железный кулак», вы завели разговор о том, что у русского командования была копия карты, составленной немецким командованием. При этом вы намекнули, и достаточно прозрачно, на мою особу.

– Но, поверьте, это было лишь предположение, вы сами сказали – намек.

– Это была попытка свалить вину с больной головы на здоровую! Испытанный метод людей, которые прячут концы. Уже тогда я понял, почему вы проявили такую бдительность, а теперь получил подтверждение.

Генрих взял со стола альбом и раскрыл его там, где была вставлена фотография генерала Даниеля.

– Взгляните сами, – указал Генрих. – На этом снимке фактически сфотографирована карта операции, а генерал Даниель вам был нужен, чтобы отвлечь внимание. Если негатив этого фото пропустить через проекционную камеру, то получится точнейшая копия стратегической карты. Вы сами обозначили дату – фотография сделана двенадцатого числа, то есть до начала операции. А для того, чтобы подготовиться к встрече, русским не потребовалось много времени. Все знают вашу любовь к деньгам и, конечно, поверят, что вы продали карту русским за большую цену... А в результате – две наши дивизии фактически перестали существовать... Негатива у вас нет, значит, – он у русских. Так ведь?

Генрих видел, что майор вот-вот потеряет сознание, лицо его было бледно как мел, глаза расширились от ужаса.

– Скажите, хватит ли у вас не слов, а фактической аргументации, чтобы опровергнуть эти обвинения?

– Но я фотографировал генерала, а не карту! – воскликнул Шульц.

– Это слова, а требуются доказательства. Вы можете доказать, что не передали негатив русским?

Майор молчал. Нижняя челюсть его дрожала. До сознания Шульца, очевидно, дошло, какая страшная угроза нависла над ним. Опротестовать обвинение он мог лишь словами, а не фактами, а кто поверит словам?

– Но ведь это ужасно, барон! – с отчаянием вырвалось у майора.

– Наконец-то вы это поняли.

– Ужасно потому, что я никогда в жизни не делал того, в чем вы меня обвиняете.

– Вас, майор, обвиняю не я, а сотни людей, дети которых из-за вас остались сиротами.

– О боже! – простонал майор.

– Честь немецкого офицера требует, чтобы я немедленно сообщил об этом высшим органам...

– Барон!.. – Шульц схватил Генриха за руку, готовый ее поцеловать.

– Но... – нарочно затянул фразу Генрих, – но я никому ничего не скажу. И не только потому, что мне жаль вас и ваших родных. Буду откровенен, я не хочу, чтобы обо мне сложилось мнение, что я выдал вас из мести. За ваш неосторожный намек на совещании в штабе. Вы понимаете меня?

– О барон!

Еще не оправившись от пережитого страха, Шульц, казалось, потерял разум от радости.

– Итак, вы не забудете услуги, которую я вам оказываю?

– Я буду помнить ее вечно и готов отблагодарить вас чем угодно! – воскликнул Шульц.

– Вы, конечно, понимаете, что не может быть и речи о денежном вознаграждении, – брезгливо сказал Генрих. – Но не исключена возможность, что и вы когда-нибудь окажете мне товарищескую услугу, если в этом возникнет надобность. Согласны, майор? Договорились?

– Я с радостью сделаю все, что в моих силах.

– Но если вы хоть раз разрешите себе задеть мою честь офицера немецкой армии...

– Боже упаси, барон. Никогда и ни при каких обстоятельствах!

– Ну, вот и хорошо, что мы договорились. А вы хотели прибегнуть к оружию.

Шульц бросил взгляд на револьвер, потом на открытый еще альбом и криво улыбнулся. Он хотел о чем-то спросить, но не решался.

– Я понимаю вас, майор, и обещаю, если увижу, что вы держите слово и окажете мне какую-либо услугу, я верну вам это фото. Ведь вы об этом хотели меня спросить?

Майор молча кивнул головой.

Вернувшись домой и сбросив мундир, Генрих вдруг вспомнил о своем обещании зайти к оберсту. Он сделал движение, чтобы натянуть мундир, с минуту колебался, потом с силой швырнул его на кресло. Нет, он не в силах сейчас даже пошевелинуть пальцем. Спать, немедленно спать, чтобы отдохнули натянутые до предела нервы.

Но заснуть в этот вечер Генрих долго не мог. Альбом майора Шульца стоял перед его глазами, словно он вновь перелистывал страничку за страничкой.

«Документы великой эпохи», – сказал Шульц про эти фотографии. Да, документы, но документы обвинительные, и, возможно, когда-нибудь все увидят альбом майора Шульца.

Раздумье у окна вагона

Известие о том, что корпус, понесший тяжелые потери, будет переведен во Францию, а на его место прибудет другой, быстро распространилось и, понятно, взволновало всех офицеров. Об этом говорили пока шепотом, как о великой тайне, но все ходили возбужденные, радостно взволнованные. Правда, откуда-то стало известно, что часть офицерского состава оставят на Восточном фронте, и это немного нервировало, рождало чувство неуверенности. Но офицеры успокаивали себя и друг друга тем, что это касается лишь фронтовиков, а не работников штаба.

Всеобщее возбуждение улеглось лишь после получения официального приказа командования о передислокации корпуса.

В этот же день Бертгольд вызвал Генриха, чтобы сообщить ему эту радостную новость.

– Наконец приказ пришел. Итак, мы едем! Честно говоря, я уже побаивался, что нас оставят здесь...

– Будут какие-либо поручения в связи с отъездом, герр оберст?

– Тебе придется поехать на станцию и проследить за погрузкой имущества нашего отдела.

Надеюсь, что двух дней тебе для этого достаточно?

– Надеюсь.

– Но я вижу, что тебя не очень радует весть об отъезде. Может, скажешь мне, почему ты так мрачен последние дни?

– Мне не очень хочется покидать Восточный фронт.

– Ну, знаешь, у тебя очень странные вкусы.

– Я просто думал, что благодаря своему знанию русского языка, русских обычаев и общей обстановки в России я буду более полезен именно здесь.

– Но надо подумать и о себе. Ты достаточно насиделся в этой глуши. А во Франции... О, во Франции! Несколько дней поживешь там, и твое мрачное настроение как рукой снимет. Да, кстати, ты знаешь, что майора Шульца перевели в другую часть?

– Вот как! – Генрих многозначительно улыбнулся. Выходит, он еще и трус!

– Я надеюсь, у тебя не было никакой истории с ним?

– Нет. Вполне дружеская беседа. Он даже сделал мне один небольшой подарок, так сказать сувенир на добрую память.

– Шульц подал рапорт о переводе, и его откомандировали в распоряжение высшего начальства. Вчера Шульц уехал. Что ты об этом скажешь?

– Скажу – черт с ним! Мне сейчас некогда заниматься судьбой майора Шульца. Когда прикажете выезжать?

– Завтра с утра. И помни, я целиком полагаюсь на твою распорядительность.

– Все будет сделано как можно лучше.

– И веселее, веселее держи голову, помни, что тебя ждут все прелести прекрасной Франции.

Впрочем, настроение Гольдринга не улучшилось и после разговора с Бертгольдом. А на следующий день еще ухудшилось.

Всегда приветливый и веселый, он орал на солдат, грузивших имущество отдела в вагоны, и так допекал своего денщика Эрвина Бреннера, что тот старался не попадаться ему на глаза. Всегда спокойного барона словно кто-то подменил.

На следующий день к вечеру все имущество отдела было погружено. Но и своевременно выполненное задание не улучшило настроение лейтенанта фон Гольдринга. Он пришел в офицерский ресторан мрачный и, несмотря на то что посетителей в зале почти не было, прошел к самому отдаленному столику у окна.

Когда официантка приняла заказ, к столику, за которым сидел Генрих, подошел высокий худощавый обер-лейтенант.

– Разрешите сесть рядом с вами, герр лейтенант? – обратился он к Гольдрингу.

– Пожалуйста, мне приятно будет поужинать в компании.

Обер-лейтенант поклонился, сел и углубился в изучение прейскуранта.

– В прейскуранте не указано – есть ли у них пиво? Вы не знаете? Я бы с удовольствием выпил сейчас кружку темного пива.

Генрих внимательно взглянул на офицера.

– Думаю, что есть, а вы, очевидно, проездом?

– Да, я только что из фатерланда.

Разговор прервала официантка, принеся Генриху ужин.

– А что вам подать? – спросила она обер-лейтенанта.

– Чашку черного кофе и несколько бисквитов, – даже не спросив о пиве, ответил обер-лейтенант.

Официантка побежала выполнять заказ.

– Были в отпуске? – поинтересовался Генрих.

– Некоторое время был дома, а сейчас снова на фронт.

– А что нового в фатерланде?

– Все, как прежде, – вяло бросил обер-лейтенант. – Кстати, у меня сохранилась дрезденская газета, из нее вы можете узнать о всех новостях.

Обер-лейтенант вытащил сложенную газету и протянул ее Генриху.

– Очень благодарен, с удовольствием почитаю на свободе, – ответил Генрих, вынимая из кармана какую-то брошюру. – А я только сегодня прочитал эту книжечку. Очень интересная. Если желаете, могу вам подарить.

Обер-лейтенант, не глядя на название книги, спрятал ее. Спокойно допив кофе, он положил на стол деньги, молча поклонился Генриху и вышел.

Через пятнадцать минут Гольдринг был в купе вагона, вот уже два дня служившем ему временной квартирой. Денщик, которого он заранее предупредил, что они сегодня вечером возвращаются в штаб, уже упаковал вещи. Но Генрих не спешил уезжать. Заперев дверь и опустив штору, он взялся за газету и, верно, нашел в ней что-то весьма интересное. Долго читал, правда, очень странно, снизу вверх, все время останавливаясь на отдельных словах, даже буквах.

Прочитанные новости, верно, были очень приятны, потому что через полчаса, когда Гольдринг сел в машину, чтобы ехать в штаб, Эрвин про себя отметил, что настроение у лейтенанта изменилось к лучшему. Всю дорогу он напевал какую-то мелодию и даже весело шутил, чего раньше никогда не позволял себе с денщиком.

Поезд медленно шел на Запад. Впереди, на расстоянии нескольких сот метров, паровоз тащил платформы с грузом, и это было гарантией, что поезд придет по назначению. Если партизаны подложили под рельсы мины, то прежде всего взлетит на воздух этот паровоз и платформы, а военный эшелон останется цел.

Правда, все, кто был в этом эшелоне, надеялись спокойно проехать по белорусской территории, ведь партизаны до сих пор обращали внимание преимущественно на поезда, которые шли с запада на восток. Но предосторожность никогда не мешает. Потому и пустили вперед паровоз с груженными платформами. Из раскрытых дверей товарных вагонов торчали дула станковых пулеметов, а все солдаты имели при себе оружие.

В классных вагонах, где ехали господа офицеры, конечно, об опасности думали меньше. Не потому, что офицеры были более храбрыми, а просто потому, что у них не было вре-

мени. Одни отсыпались после попойки, другие опохмелялись, третьи, как всегда в свободные минуты, играли в карты.

Генрих с оберстом ехали в одном из классных вагонов в середине поезда. Крайнее купе было отведено для денщиков, а дальше разместились офицеры, по двое, а то и по трое в купе. Отдельные купе были только у оберста, Коккенмюллера и Генриха.

Лейтенант был искренне благодарен Бертгольду за это распоряжение – оно давало ему возможность побыть наедине со своими мыслями.

А они были не очень веселыми.

Мимо окон вагона медленно проплывали знакомые пейзажи. Когда Генрих увидит их снова? Когда он сможет сбросить этот чужой отвратительный мундир, надеть свою обычную одежду, пойти в лес и беззаботно побродить среди заснеженных деревьев или летом броситься навзничь на поросшую зеленой травой землю и спокойно глядеть в бескрайнюю небесную синь? Когда он сможет, не таясь, во весь голос, запеть свою любимую песню, ту, которую всегда просил петь его отец? Да и увидит ли он когда-нибудь отца? Увидит ли он своих друзей, знакомых? Будет ли у него возможность продолжать прерванное войной ученье?

Для родных он «пропал без вести». Такое сообщение получит его отец.

Сколько горя принесет это известие в отчий дом! Но так надо. Надо! Для всех родных и знакомых его нет в живых. Он пропал без вести. Есть лишь несколько человек в Москве, которым известно, что успел уже сделать тот, кого зовут сейчас Генрих фон Гольдринг. Лишь эти люди знают, где он сейчас, что должен делать завтра или послезавтра.

И он выполнит то, что ему поручено. Выполнит, даже если за это придется заплатить жизнью. Он сделает это ради Родины, ради отца, который так убивается по нему сейчас и будет убиваться еще долгие-долгие годы.

Что он пережил в тот вечер, рассматривая альбом Шульца! Была минута, когда Генриху показалось, что он выдаст себя и бросится на майора. Никто никогда не узнает, скольких усилий стоило ему сдержать себя. Но он сдержал, так было нужно.

Теперь ему будет еще труднее. Отныне он будет жить не только среди врагов, но еще и на чужбине. Пока их корпус стоял в Белоруссии, он мог в случае провала убежать в лес, к партизанам. Хотя он и был среди врагов, но жил дома, на родине, и всегда ощущал величайшую силу своего народа, его незримую поддержку, неисчерпаемую силу его духа. Да, он будет жить на чужбине, и в случае чего единственный выход – это крохотный револьвер, с которым он не разлучается ни днем ни ночью.

Но, черт возьми, Гольдринг будет жить! Долго и назло врагам. У него хватит сил держать себя так, чтобы гестаповские ищейки не напали на его след. Да, ему иногда до чувства физического отвращения противна эта роль барона фон Гольдринга. Когда-нибудь он расскажет об этом родным и друзьям, а сейчас надо молчать и ни на миг не забывать, кто он и для чего послан в логово врага. И все-таки как ему трудно, как нестерпимо трудно! Артисты в театре могут отдыхать во время антракта, они имеют в своем распоряжении целый день, чтобы быть самими собой, а он должен играть роль постоянно, каждое мгновение, и играть как можно лучше. Не имея отдыха даже ночью. Ибо и ночью он должен быть настороже, следить за собой, чтобы не обмолвиться во сне каким-либо словом. А отдых еще так далек. Да и дождется ли он окончания войны? Ходить так долго по краю пропасти и не сорваться.

Нет, прочь эти мысли! Он сейчас барон фон Гольдринг. А о чем может думать фон Гольдринг, да еще барон? О партии в бридж, о развлечениях, что ждут его во Франции, о письме Лоры, которое он до сих пор не прочитал, а прочесть необходимо, так как оберст внимательно следит, чтобы переписка между Генрихом и Лорой не прерывалась.

Выехав за границу русской территории, эшелон двигался значительно быстрее, делая лишь коротенькие остановки на больших станциях. Это нарушило планы многих офицеров,

которые рассчитывали хотя бы на краткосрочные отпуска в Берлине. Но приказ командования был суров – всем без исключения прибыть на место назначения своевременно.

На четвертый день эшелон пересек французскую границу и в тот же день вечером прибыл в маленький городок к месту назначения.

Все следующее утро Генрих потратил на то, чтобы организовать канцелярию отдела 1-Ц. Зато во время обеда он уже мог доложить оберсту, что все готово и завтра можно приступить к работе.

К его удивлению, оберст выслушал сообщение невнимательно, не проявил ни малейшего интереса к тем маленьким удобствам, которые так любил.

– Вам не нравится, герр оберст? – немного обиженно спросил Генрих.

– Это ни меня, ни тебя, мой мальчик, больше не касается! – торжественно проговорил Бертгольд.

– Я не понимаю...

– К сожалению, Генрих, нам придется на некоторое время расстаться. Сегодня ночью получен приказ откомандировать меня в распоряжение рейхсфюрера Гиммлера. Я еще не знаю, что буду делать, но, во всяком случае, сюда не вернусь. Очень возможно, что я останусь в Берлине.

На лице Генриха отразилось сожаление и даже растерянность. Отъезд оберста осложнял его положение. Кто знает, как сложатся его взаимоотношения с новым начальством?

Бертгольд, очевидно, тоже был взволнован предстоящей разлукой.

– Не грусти, не грусти, мой мальчик! – растроганно сказал он. – Наши отношения на этом не оборвутся, заботу о тебе я считаю своей священной обязанностью и уже кое-что сделал. Если бы я точно знал о своем новом назначении, то, не колеблясь ни минуты, взял бы тебя с собой. Но сейчас это не так просто. Придется ехать одному, а потом я вызову тебя. Но мне не хотелось бы, чтобы ты оставался тут. Есть слух, что наш корпус будет расформирован. Ты можешь попасть в какую-нибудь глушь. Мой старый приятель генерал Эверс, кстати, он тоже знал твоего отца, командует во Франции дивизией. Сегодня утром я говорил с ним по телефону, и он согласен взять тебя в свой штаб, тоже офицером по особым поручениям. Я, конечно, дал самую лучшую характеристику, он обещал всецело поддерживать тебя и не очень загружать работой. Здесь я тоже переговорил с кем следует, и сегодня вечером все необходимые документы будут оформлены. Тебе надо завтра, самое позднее послезавтра прибыть в штаб генерала Эверса. Я выведу в Берлин завтра в двенадцать дня. Отправив меня, ты тоже можешь двигаться.

– Вы еще не сказали, куда именно я должен ехать?

– Дивизия Эверса расквартирована в различных населенных пунктах. Она охраняет военные объекты, а штаб ее разместился в Сен-Реми. Это небольшой курортный городок на юге Франции. Но я должен предостеречь тебя. В последнее время во Франции стало неспокойно. Можешь себе представить, тут тоже появились партизаны, которые охотятся на немецких офицеров. Выстрелы из-за угла стали обычным явлением. Итак, будь осторожен и еще раз осторожен.

– Мне очень грустно, герр оберст, расставаться с вами, вы пришлете мне весточку о себе, когда получите назначение?

– Как можно скорее, я записал адрес штаба дивизии Эверса и немедленно напишу тебе, когда все выяснится. А ты должен писать мне регулярно, сообщая о всех делах. Надеюсь, ты целиком оправдаешь ту характеристику, которую я дал генералу Эверсу.

– Вам не придется краснеть за меня.

– И не забывай писать фрау Эльзе, помни, что она относится к тебе, как родная мать. Насколько я догадываюсь, Лорхен тоже ждет твоих писем. Ведь я не ошибаюсь?

– О, неужели вы думаете, что я забуду свою священную обязанность?

– Теперь, кажется, все. Иди отдыхай. Я через полчаса начну сдавать дела, чтобы завтра, перед отъездом, быть свободным.

На следующий день, в двенадцать дня, Бертгольд выехал в Берлин, а Генрих прямо с вокзала на машине направился в Сен-Реми.

Моника идет на уступку

Автострада напоминала красивую аллею, и Генрих приказал Эрвину убавить скорость, чтобы полюбоваться пейзажем. Он действительно был прекрасен.

Равнина осталась позади, и теперь вдоль дороги тянулись покрытые зеленью холмы. Они становились все выше, нагромождались друг на друга, словно огромные волны, бьющиеся о предгорья Альп.

Когда дорога начала петлять, Генрих предложил Эрвину сменить его у руля. Он полагался на свой опыт неплохого водителя и все же часто вздрагивал от неожиданности, видя, как автострада упирается в громадную скалу или гору.

Но так казалось лишь издали. Подъехав ближе, Генрих замечал, что автострада и железнодорожное полотно, которое бежало рядом, исчезают в туннеле, чтобы мгновенно вынырнуть по ту сторону скалы или горы. После одного из поворотов дорога и железнодорожные рельсы побежали вдоль берега небольшой, но бурной горной речки, вместе с ней и извиваясь по долине. С северо-запада горы так близко подходили к берегу речки, что, казалось, вот-вот они преградят ей путь, и, обходя их, речка делала крутые повороты. Она бежала, словно живой движущийся путеводитель, и Генрих поворачивал руль вправо, влево, а автострада ложилась и ложилась под шины, словно не было ей конца.

Местечко Сен-Реми открылось Генриху совершенно неожиданно за одним из таких поворотов. Оно лежало в широком котловане, словно самой природой предназначенном для того, чтобы здесь поселились люди. . . Невысокие отроги гор, покрытые хвойными лесами, защищали равнину от ветра с северо-востока. С юго-запада вздымалось огромное горное плато. От самого берега речки вверх поднимались виноградники.

Автострада переходила в главную улицу города. По обеим ее сторонам были расположены лучшие дома Сен-Реми и учреждения. Генриху недолго пришлось разыскивать штаб. На первый вопрос ему ответили, что генерал Эверс живет в лучшей вилле города, а штаб дивизии разместился в самой большой гостинице «Европа».

Через пять минут Генрих уже стучал в дверь с табличкой «Адъютант командира дивизии гауптман Лютц».

– Войдите, – откликнулся приятный баритон.

Навстречу Генриху из-за письменного стола поднялся высокий худощавый офицер в чине гауптмана, очевидно, сам Лютц. Вся его фигура и особенно большие серые глаза говорили о том, что он крайне устал. Об утомлении, о каком-то равнодушии к своей особе свидетельствовала и достаточно небрежная прическа Лютца. Его густые темные волосы хоть и были зачесаны на пробор, все время рассыпались и падали на лоб, стоило гауптману сделать малейшее движение.

– Лейтенант фон Гольдринг, – представился Генрих.

Гауптман Лютц обошел стол и сделал несколько шагов навстречу Генриху.

– Гауптман Лютц, адъютант командира дивизии, прошу садиться!

– Я назначен в штаб вашей дивизии, – начал было Генрих, но Лютц прервал его.

– О вашем назначении знаю, и именно сегодня мы ждали вас.

Лютц сел на свое место за столом, и Генрих протянул ему документы. Молча проглядев их, тот взял лишь назначение, остальное вернул Генриху.

– Очень рад, что вы приехали, барон! – приветливо произнес Лютц и, засмеявшись, добавил: – Должен признаться, что рад из чисто эгоистических соображений. Надеюсь, вы меня немножко разгрузите. Дел много, и все приходится делать одному.

Держался гауптман просто и непринужденно.

– Надеюсь стать хорошим помощником.

– К сожалению, моим помощником вы не будете. Вы назначены офицером по особым поручениям. Завтра будет приказ. Но поскольку я выполнял до сих пор и ваши обязанности, помимо своих адъютантских, то ваш приезд для меня действительно большое облегчение. Да и по работе нам с вами, герр лейтенант, придется часто встречаться, и я надеюсь, что мы подружимся.

– У меня нет никаких сомнений в этом, герр гауптман.

– Вот и хорошо, а сейчас я покажу вам вашу квартиру. Я живу при штабе, мы тут занимаем два этажа. Несколько комнат отведено под жилье для офицеров, но сейчас свободных нет. На первом этаже расположился караул и находится наше офицерское казино. Итак, вам придется жить в другой гостинице, она напротив «Европы». Я даже думаю, что там вам будет лучше, гостиница вполне приличная.

Комнаты, приготовленные для Генриха, находились на втором этаже гостиницы «Темпл». В первой, маленькой, стояли умывальник, диван, круглый столик и два стула. Вторая, большая, была меблирована значительно лучше.

Широкая деревянная кровать, письменный стол, кресла, шкаф, большое зеркало, подставка для чемоданов. Генрих никак не ожидал такого комфорта и искренне поблагодарил гауптмана за его хлопоты.

– Отсюда вы можете полюбоваться городом.

Гауптман открыл дверь, и оба вышли на балкон.

– Действительно чудесный вид, – согласился Генрих.

– И удобный пункт для наблюдения за красивыми француженками.

Лютц указал глазами на соскочившую с велосипеда девушку. Она стояла на противоположной стороне улицы, ожидая, пока пройдут машины.

– Действительно очень красивая. Кто она?

Лютц улыбнулся.

– Ага, задело?! Это дочь хозяйки гостиницы, в которой вы живете. Мадемуазель Моника.

– Красивая девушка, – задумчиво повторил Генрих.

– Не только вы так думаете, барон. Все наши офицеры пробовали заигрывать с Моникой, и ни малейшего успеха! Она просто их не замечает. К счастью, не все так суровы. Здесь есть несколько милых девочек, с которыми я вас познакомлю.

– Я не очень люблю «милых девочек», мне больше по вкусу... ну, скажем, такие, как Моника. Впрочем, о здешних красавицах и их характерах мы поговорим как-нибудь на свободе. А теперь пора устраиваться.

Генрих перегнулся через перила балкона, окликнул денщика, который находился внизу у машины, и приказал ему вносить вещи.

– Хорошо, что вспомнил! При вас останется этот денщик или вам нужен другой?

– Нет, он уедет обратно с машиной.

– Тогда я сейчас же пришлю вам солдата. Это временно, пока вы сами не подыщете такого, который вам понравится. Я лично считаю, что денщика надо выбирать самому.

– Совершенно с вами согласен.

Вошел Бреннер и внес два больших чемодана.

– Вы, Эрвин, свободны. На рассвете поезжайте. А сегодня погуляйте и выпейте за мое здоровье, – Генрих протянул Эрвину стофранковую купюру.

– Если вы так будете бросаться деньгами, то избалуете вашего нового денщика, – заметил Лютц, когда Эрвин ушел.

– Я это делаю из практических соображений, он сегодня выпьет в кабаре и станет рассказывать солдатам о моей щедрости. После этого они будут набиваться ко мне в денщики.

– И вы возьмете самого настойчивого.

– Совсем наоборот, но у меня будет большой выбор. Хочется, знаете, иметь рядом с собой порядочного человека.

Лютц рассмеялся. Генрих тоже улыбнулся, но как-то вяло, уголками губ, и Лютца поразило выражение то ли усталости, то ли печали, отразившееся на лице лейтенанта.

Пожимая гауптману руку, Генрих на минуту задержал ее:

– Где вы сегодня ужинаете, герр гауптман?

– Обедаем мы все вместе в казино. Этого требует генерал. А завтракаем и ужинаем где придется.

– Тогда разрешите пригласить вас поужинать сегодня со мной.

– Очень признателен, охотно принимаю приглашение, – поклонился Лютц.

– Тогда ровно в девять я зайду за вами.

Оставшись один, Генрих начал устраиваться. Скоро все вещи были разложены и развешаны в шкафу.

С дороги очень хотелось помыться. Солдат, присланный Лютцем, быстро все устроил: согрел ванну, приготовил постель, и Генриху осталось лишь помыться и лечь отдохнуть.

Отдав новому денщику несколько мелких распоряжений, в том числе приказав обязательно купить два словаря: французско-немецкий и немецко-французский, Генрих неожиданно для самого себя быстро уснул.

Проснулся он лишь часов в восемь. Все его поручения были выполнены. Вещи хорошо вычищены и отутюжены – белокурый, с большими ушами Фриц Зеллер оказался исправным денщиком.

Хотелось еще немного понежиться в кровати или совсем не вставать до утра. Генрих очень устал. Но воспоминание об ужине с Лютцем, о необходимости еще до встречи с генералом ознакомиться с местной обстановкой заставляло спешить.

Через четверть часа Генрих уже входил в небольшой, но уютный и хорошо меблированный ресторан гостиницы «Темплъ». Зал в это время был пуст. И только возле огромного буфета, занимавшего чуть ли не половину левой стены, спиной к выходу, стояла какая-то полная женщина. «Верно, хозяйка гостиницы», – промелькнуло в голове Генриха. Впрочем, его внимание привлекла не она. Нарочно замедляя шаг, Генрих внимательно приглядывался к девушке, которая о чем-то горячо с ней разговаривала. Это была та велосипедистка, на которую обратил его внимание Лютц.

Тогда, на балконе, Генрих согласился с гауптманом, что Моника действительно очень красива, но теперь это определение показалось ему шаблонным и даже обидным для девушки. Что-то большее, нежели красота, было в ее лице и всей стройной фигурке. Генрих сразу даже не понял, чем она так поразила его. Лучистым ли взглядом огромных черных глаз, разлетом ли бровей на высоком, словно вылепленном лбу. Или, может быть, этими волнистыми черными волосами, которые так мягко обрамляли нежный овал лица. Нос у Моника неправильной формы, но как гармонично он переходит в линию губ, подбородка... Да, да, гармония, именно гармония всех черт, цвета глаз, волос, длинных, чуть загнутых ресниц придает лицу девушки нечто неповторимое, чарующее.

Вежливо поклонившись обеим, Генрих обратился к старшей.

– Мадам говорит по-немецки?

– Немного. Вы, верно, барон Гольдринг, мсье Лютц предупредил о вашем приезде. И я рада, что именно в моей гостинице остановился такой постоялец.

На лице хозяйки гостиницы появилась стандартная любезная улыбка – неотъемлемое свойство людей, которым в силу своей профессии приходится прислуживать другим.

Моника глядела куда-то мимо Генриха. Ее лицо, такое оживленное за минуту перед тем, стало замкнутым, неприветливым.

– Я хотел бы, мадам, заказать ужин на две персоны к девяти часам.

– О, пожалуйста! – проговорила хозяйка. – Что бы вы хотели заказать?

– Форель, курицу по-французски с картофельным гарниром и салат.

– Сейчас очень трудно с продуктами, но для своих постояльцев... Ужин приготовить в отдельном кабинете?

– Да, а сейчас я попросил бы вас прислать мне в комнату бутылку бордо, коньяка, две бутылки фруктового ликера и бутылку шоколадного.

Генрих положил на стойку деньги.

– Сдачи не надо! – бросил он небрежно и, взяв прејскурант, написанный по-немецки, начал его просматривать.

– Ведь Лютц сказал, что этот барон очень богат, – долетела до него фраза, сказанная вполголоса по-французски.

– Успел награть! – сердито бросила Моника.

– Придержи язык, Моника!

– Он все равно стоит как чурбан, ничего не понимает.

– Отнеси ему заказанное, – приказала мадам.

Генрих, пряча улыбку, положил на стойку прејскурант и пошел к себе. Не прошло и пяти минут, как в дверь постучали и в номер вошла Моника, неся на подносе бутылки с вином. Поставив их на стол, она молча направилась к двери.

– Одну минуту, мадемуазель!

Моника остановилась у самой двери и ждала.

– Вы говорите по-немецки? – спросил Генрих.

– Говорю, но очень редко, потому что не люблю ни языка, ни... – Девушка замолчала.

– ... ни самих немцев, – закончил за нее Генрих.

Моника молчала.

– А вы храбрая! И все же я не советую говорить такие вещи немецким офицерам.

– Каждый свободен в своих вкусах. Мне, например, больше нравится русский язык. Он такой мелодичный!

– Я имел возможность его слышать – ведь я прибыл с Восточного фронта.

– С Восточного фронта? – в глазах Моника Генрих увидел нескрываемое любопытство.

– И могу вас уверить, что русские женщины не говорят немецким офицерам таких вещей, как вы.

– Они молча терпят оскорбления?

– Нет, они стреляют. Стреляют в тех, кого считают своими врагами, – по-французски ответил Генрих.

Глаза Моника широко раскрылись. С минуту она оторопело смотрела на Генриха, шевеля губами, словно хотела что-то ответить, но вошел денщик, и девушка ушла.

Ровно в девять Генрих был в кабинете Лютца. Тот еще работал.

– Герр гауптман, неужели так много дел? Ведь уже девять! А вы все работаете.

– Я поджидал вас и, чтобы не сидеть сложа руки, кое-что подготовил на завтра, – пояснил Лютц, закрывая папку с бумагами. – А как вы устроились, барон?

– Неплохо. Уже познакомился с хозяйкой и ее дочкой.

– И Моника успела вам надерзить?

– Было немного, но мне кажется, что в конце концов мы с нею поймем друг друга.

– Вон как! – искренне удивился Лютц. – Ну, когда вам посчастливится наладить отношения с Моникой, вам будут завидовать все офицеры и сочтут великим дипломатом.

Вскоре оба сидели в уютном кабинете и ужинали. Хозяйка ресторана, мадам Тарваль, прислала к столу по-настоящему хорошее вино, да и ужин был приготовлен отлично, гауптман ел с большим аппетитом. Когда подали жареную форель, Лютц, пораженный, воскликнул:

– О, я вижу, что вы завоевали если не симпатию Моники, то симпатию мадам Тарваль. С первого дня знакомства она уже начала угощать вас такими блюдами.

После ужина Генрих заказал еще бутылку коньяка и коробку сигар.

– Так, говорите, работы будет много? – спросил он, пригубив рюмку.

– Раньше было легче, – вздохнул Лютц. – Когда дивизия стояла компактно, штаб размещался в Экслебенце и работы было куда меньше.

– А чем вызвана смена расположения дивизии? – поинтересовался Генрих.

– Видите ли, вначале французы вели себя тихо, спокойно. Но после нашего поражения под Москвой они подняли голову. Появились так называемые маки, стреляют они в большинстве случаев из-за угла и преимущественно в офицеров. Случается, что взрывают железнодорожные линии, мосты, а то и военные объекты. Части СС и полиция одни уже не в силах справиться с ними. Поэтому охрана военных объектов поручена нашей дивизии. Вот и вышло, что ее пришлось разбросать в разных пунктах на протяжении девяноста километров от Сен-Мишеля до самого Шамбери.

– А маки после этого притихли?

– Наоборот. Они еще больше активизировались. Дело усложняется тем, что им помогает население. Две недели назад отряд маки совершил нападение на лагерь русских пленных, перебил охрану, которая, к слову сказать, вела себя чересчур беспечно, и несколько сот русских ушли с ними в горы. Погоня не дала никаких результатов. И вот за несколько дней до вашего приезда маки, уже вместе с русскими, совершили нападение на автоколонну с боеприпасами. Теперь они чудесно вооружены нашим же оружием.

– Я надеялся, что отдохну здесь после Восточного фронта, а выходит, как говорят русские, попал из огня да в полымя.

Гауптман начал подробно рассказывать о недавней операции карательного отряда против партизан. Генрих внимательно слушал, не забывая следить, чтобы рюмка Лютца не оставалась пустой. Вскоре гауптман был изрядно навеселе.

А пока Гольдринг и Лютц ужинали в уютном номере ресторана «Темпль», Моника мчалась на велосипеде к небольшому селу Понтемафре, вблизи которого стояла электростанция, снабжавшая энергией расположенные вокруг населенные пункты. Четыре километра по асфальтированной дороге Моника проехала за какие-нибудь четверть часа.

– Мне надо видеть Франсуа, я привезла ему ужин, – обратилась она к знакомому слесарю.

– Для вас, мадемуазель Моника, достану его из-под земли. Эх, счастливый этот Франсуа! – прибавил тот с откровенной завистью. – Такая красавица сама приезжает к нему на свидание.

И этот слесарь, и все на электростанции были уверены, что Моника невеста Франсуа, чего ни он, ни девушка не опровергали.

Наоборот, чтобы подчеркнуть близость с молодым рабочим, Моника нарочно при всех протянула Франсуа маленький узелок с ужином. Франсуа отвел девушку в глубь двора и, присев на доски, развязал узелок. Издали они действительно напоминали влюбленных. Но если бы кто-нибудь подслушал их разговор, он был бы очень удивлен: то, о чем говорили эта красивая девушка и высокий, худой, очень подвижный человек с коротко стриженными волосами, никак не напоминало тех милых глупостей, которыми обычно забавляются влюбленные.

– Что случилось, Моника? – встревоженно спросил Франсуа, принимаясь за ужин.

Моника рассказала о своей сегодняшней встрече с Гольдрингом и слово в слово передала разговор.

Франсуа задумался.

– Очевидно, это провокация, – тихо бросил он, – и достаточно неудачная. По молодости этот барон, верно, еще не научился держать язык за зубами. Но по всему видно, что он будет

играть значительную роль в штабе, иначе ему загодя не готовили бы квартиру. Итак, Моника, придется тебе...

Увидев, как омрачилось лицо девушки, Франсуа тихо рассмеялся.

– Ну, ну, веселее, я еще ничего не сказал, а ты уже нахмурилась. Да не сердись ты! От этого появляются морщинки, и ты преждевременно состаришься. Ну-ну, не злись, а то возьму и поцелую – ведь я твой жених.

– Ой, Франсуа, ты просто невозможен, и подумать только – тебе поручено такое серьезное дело.

– А быть серьезным отнюдь не означает ходить с похоронным видом, моя крошка. Там, где шутка, там и хорошее настроение. А ты понимаешь, что значит хорошее настроение даже при плохой игре? А у нас с тобой игра очень плохая, потому что мы не знаем, что замышляют эти зеленые жабы. Вот зачем тебе и надо этого болтливого барончика...

– Франсуа...

– Вот опять рассердилась. Поверь мне, я ничего зазорного не советую. Просто надо тебе завязать с ним знакомство, какая же ты женщина, если не обведешь его вокруг пальца? Ты подумай, какой удобный случай. Офицер живет в гостинице твоей матери – раз, безусловно, будет работать в штабе – два, не очень умеет держать язык за зубами – три, ежедневно встречается с красивой девушкой – четыре. И что требуется от этой девушки? Иногда улыбнуться, вот так опустить ресницы, поменьше болтать самой, побольше слушать, и мы будем знать все, что делается в штабе. А ты понимаешь, что это для нас значит?

– Но он какой-то... Ну, не такой, как они все. Не пристаёт, не сует в руки подарков, даже ни одного комплимента не сказал, глядит совершенно равнодушно...

– Но это уже зависит от тебя.

– А если он пригласит меня поужинать или пойти в кино?

– Конечно, иди. Подвыпив, мы все, грешные, становимся болтливы.

– Ага! А потом меня остригут, как маки стригут всех девушек, которые водятся с гитлеровцами.

– Пусть это тебя не тревожит. До тех пор, пока сама не отрежешь кому-либо на память локон, ни один волосок не упадет с твоей головы. Итак, договорились? Повторяю, это очень важно. И чтоб никто, даже родная мать, не знал об этом поручении и о том, что тебе удастся выудить у барона.

Моника вздохнула.

– Если это нужно...

– Очень нужно, – уже совершенно серьезно сказал Франсуа. – Этим ты поможешь всем нам, в том числе твоему брату. Кстати, ты, возможно, скоро увидишь Жана.

– Когда? – обрадовалась Моника.

– Я извещу тебя об этом. Вероятно, тут, на электростанции. К счастью, немцы не интересуются нами, поскольку они не пользуются энергией этой станции. Но без особой нужды все же сюда не приезжай. Хотя все думают, что ты моя невеста, но осторожность не помешает. Да и не нужно, чтобы немцы часто видели тебя на этой дороге.

Моника и Франсуа поднялись и пошли к выходу. К Франсуа снова вернулось его обычное шутовское настроение.

– Ну, бросься же мне на шею, чтобы все видели, что тебе тяжело разлучаться с женихом, – дразнил он девушку, – или хоть платочком вытри глаза!

Моника рассмеялась, лукавые огоньки блеснули в ее глазах. Неожиданно прижавшись к Франсуа, она чмокнула его в щеку. Тот покраснел и растерянно потер затылок.

– Я вижу, мое учение пошло тебе на пользу? – чуть смущенно произнес он.

– А я вижу, ты совсем не такой опытный и храбрый с девушками, как на словах! – смеясь крикнула ему Моника уже от ворот.

Когда Генрих выводил из ресторана совсем опьяневшего Лютца, Моника была дома и, лежа в постели, думала о только что полученном неприятном задании.

На следующее утро ровно в девять Генрих пришел в штаб. Вид у Лютца был такой, словно он первый день поднялся после тяжелой болезни.

– Верно, я перехватил вчера? Голова тяжелая, не держится, – пожаловался гауптман и растрепал свои и без того не очень аккуратно зачесанные волосы.

До прихода командира дивизии Лютц успел ознакомить нового коллегу с делами.

По дороге в свой кабинет генерал Эверс остановился в комнате адъютанта. Несмотря на преклонный возраст, это был еще стройный человек с выхоленным продолговатым лицом. Тяжелые веки и набрякшие под серыми глазами мешки придавали ему значительно более суровый вид, чем это было на самом деле.

– Что нового, Лютц? – обратился он к адъютанту.

– Нового? Новый офицер по особым поручениям, – попробовал пошутить Лютц.

Генерал Эверс повернулся к Генриху.

– Лейтенант фон Гольдринг!

– А-а, мне вас рекомендовал оберст Бертгольд, мой давний друг. Прошу в кабинет!

В кабинете генерала на маленьком столике, придвинутом к письменному, стояло несколько бутылок с минеральной водой. Генерал налил один бокал и поставил его перед собой.

– Вас не угощаю этой горько-соленой гадостью. Но я вынужден пить – печень! Впрочем, вас, молодых, такие вещи не интересуют... Ну, как там оберст? Еще не известно, какое назначение он получил?

– Он думает, что останется в Берлине.

– О, тогда Бертгольда можно поздравить! При поддержке Гиммлера он далеко пойдет. Вам повезло, лейтенант! Ведь не каждый имеет такого покровителя, как Бертгольд. Он даже сказал мне, что считает вас своим сыном...

– Герр Бертгольд был очень ласков со мной. Он дружил с моим отцом и действительно встретил меня, как сына.

– Да, да, Бертгольд рассказал мне вашу историю. Очень романтично! Я, кстати, тоже знал Зигфрида фон Гольдринга и был с ним в приятельских отношениях. Меня очень огорчила его преждевременная смерть, но вы можете гордиться ею. Это была смерть на посту, настоящая смерть солдата!

– А как вы думаете использовать меня, герр генерал?

– Вы будете работать у меня как офицер по особым поручениям. Придется много ездить, но вы, как человек молодой, вероятно, любите путешествия.

– Лишь тогда, когда они не мешают как можно лучше выполнить данное мне поручение. О собственных желаниях во время войны приходится забывать.

– Очень разумный взгляд на вещи! – генерал отпил глоток воды и, перейдя с интимного тона разговора на деловой, прибавил: – Задания будете получать непосредственно от меня или через Лютца. Надеюсь, вы уже познакомились с ним?

– Так точно, герр генерал, и он произвел на меня впечатление прекрасного офицера.

– Я рад, что у вас сложилось такое мнение. Ведь вам часто придется работать вместе... Ну, лейтенант, мы еще встретимся с вами во время обеда в казино, и потому я не прощаюсь.

– Как принял вас генерал? – спросил Лютц, когда Генрих вышел из кабинета Эверса.

– Довольно приветливо. Предупредил, что нам с вами часто придется работать вместе, и остался доволен тем, что вы произвели на меня прекрасное впечатление.

– Очень благодарен, барон.

– Генерал говорил, что задания я буду получать непосредственно от него или через вас. Что именно я должен делать сегодня?

– Пока отдохнуть и осмотреть город. Я сегодня сам не в форме, а если возникнет что-либо срочное, я вам сообщу. Нужно, чтобы денщик знал, где вас искать. И не опаздывайте к обеду – генерал этого не любит. Обедаем в казино ровно в час.

– А ужинаем вдвоем, там, где и вчера, – прибавил Генрих.

– Боюсь, что это слишком дорого, – заколебался Лютц.

– Не беспокойтесь о таких мелочах, герр гауптман! – небрежно бросил Генрих и вышел.

Знакомство с городом не заняло много времени. Генрих не ошибся вчера, когда отметил про себя, что главная улица Сен-Реми проходит по автомагистрали. Здесь были сосредоточены гостиницы, виллы, кинотеатр, магазины, мэрия. Все остальные улочки, отходившие от этой главной артерии, были достаточно грязными, извилистыми и такими узенькими, что на них не могли разъехаться даже две машины. Немного побродив по городку, Генрих вернулся в гостиницу и до обеда успел поработать со словарем. Ему хотелось поскорее обновить свои знания французского языка.

За несколько минут до часу Генрих был в казино.

Там уже собралось человек тридцать штабных офицеров. Они прохаживались по залу вокруг длинного, накрытого белой скатертью стола. На нем стояли приборы, и две официантки расставляли большие суповые миски с разливными ложками. Генрих заметил на себе несколько любопытных взглядов. Очевидно, на присутствующих произвело впечатление то, что на нем был новенький мундир из дорогого материала, из которого шьют только парадную форму.

Все вытянулись, когда вошел генерал. Эверс направился к месту во главе стола, но не сел, а стал за своим стулом. Офицеры также встали возле отведенных им мест. Эверс пальцем поманил Гольдринга, рукой указал ему на стул по правую руку от себя.

– Господа офицеры, – обратился генерал к присутствующим, – разрешите представить вам нового офицера нашего штаба лейтенанта барона фон Гольдринга.

Генрих поклонился присутствующим.

– Он будет работать моим офицером по особым поручениям. До сих пор лейтенант фон Гольдринг был офицером по особым поручениям при начальнике отдела 1-Ц штаба корпуса, которым командовал генерал Иордан.

Кое-кто из офицеров с уважением взглянул на Генриха.

– Ближе вы познакомитесь в процессе работы.

Генерал сел. Вслед за ним сели и офицеры. Генерал налил себе супу, и все по очереди взялись за разливательные ложки. Генриху было очень смешно наблюдать, как все присутствующие подражали своему начальнику.

Обед длился долго.

Наконец генерал поднялся. Поднялись и офицеры. Генрих с облегчением вздохнул.

– После обеда я вам нужен? – спросил он Лютца, когда они вышли из казино.

– Знаете, давайте начнем с завтрашнего дня, как-то ни к чему не лежит душа. Да и у генерала болит печень, он будет сидеть у себя на вилле.

– Тогда до девяти! Если я не найду вас в штабе – приходите прямо в мою комнату.

В вестибюле гостиницы Генрих столкнулся с Моникой.

– Здравствуйте, мадемуазель, – поздоровался он с девушкой довольно холодно. К его удивлению, Моника улыбнулась.

– Здравствуйте, барон.

– А вы умеете улыбаться? – с притворным удивлением спросил Генрих.

– Я, кажется, живое существо, что ж тут странного?

– В вашей литературе есть чудесный роман, который вы, конечно, читали. «Человек, который смеется». Ну, а вас здесь называют «девушка, которая не смеется». Наши офицеры рассказывали мне, что вы ни разу им не улыбнулись.

– Улыбаться им?

– Выходит, вы сделали для меня исключение?

Моника, верно, вспомнила поручение, данное ей Франсуа, и прикусила губу, чтобы удержаться от резкого ответа. Но все-таки не выдержала:

– Вы чересчур высокого мнения о себе, барон, я отнеслась к вам более приветливо, потому что вы показались мне более культурным человеком, чем ваши коллеги.

– Вы с предубеждением относитесь к нам, немецким офицерам, и потому меряете всех одной меркой.

Моника глубоко вздохнула и опустила ресницы. Верно, пряча гневный блеск глаз.

– Война есть война, мадемуазель. Не вы и не я ее начали, – миролюбиво произнес Генрих. Девушка не ответила, но и не ушла. У Генриха вдруг мелькнула смелая мысль.

– Мадемуазель Моника, вы не сочтете меня чересчур надоедливym, если я осмелюсь попросить вас оказать мне одну небольшую любезность?

– Вряд ли я чем-нибудь смогу вам помочь.

– О, я уверен, что сможете. Ведь вы говорите по-немецки, и вам нетрудно будет помочь мне изучить французский язык.

– У вас для допросов есть переводчики.

– Неужели вы думаете, мадемуазель... ведь я не эсэсовец, а обычный офицер, которого призывали в армию. Еще до войны я начал изучать ваш прекрасный язык, мадемуазель. А теперь, когда представилась такая блестящая возможность...

– Блестящая для вас, барон, но очень печальная для нас, французов... Хотя... – Моника тряхнула головой, и ее волнистые волосы рассыпались. – Я верю, что Франция еще будет великой державой.

– Я тоже верю в это, мадемуазель! Разве можно надолго покорить свободолюбивый народ, народ с такой славной историей?

Губы девушки совсем по-детски полуоткрылись от удивления. Генрих сделал вид, что не замечает впечатления, которое произвели его слова.

– Так вы согласны помочь мне?

– Изучить язык не так просто, – уклонилась от прямого ответа Моника. – Для этого, кроме словарей и учебника, требуются способности ученика и учительницы. Мне кажется, вы могли бы найти лучшую помощницу, чем я.

– Нет, нет, я все хорошо обдумал и именно на вас возлагаю большие надежды. Учтите, что у меня мало свободного времени, и то, что я живу в вашей гостинице, облегчает дело. Вы будете давать мне уроки тогда, когда ваши и мои свободные часы будут совпадать. Не забывайте, что этим вы не только оказываете услугу мне, а и... как бы это сказать... разрушаете преграды, отделяющие один народ от другого. Когда человек изучает какой-нибудь чужой язык, он невольно проникается духом этого народа. Ведь так? Начинает лучше понимать его культуру, стремления, желания... Я все это изложил вам достаточно неуклюже, путано, но искренне.

– Ну, хорошо, – наконец согласилась Моника. – Но ведь надо иметь словари, учебники.

– Все это я уже приобрел. И если у вас сейчас есть время, я бы попросил взглянуть на них. Возможно, придется купить другие.

Моника заколебалась. Понимая причину ее нерешительности, Генрих поспешил заверить:

– Честным словом я гарантирую вам полную безопасность.

Чуть покраснев, девушка поднялась по лестнице, ведущей во второй этаж, где находилась комната Генриха.

Пропустив Монику вперед, Генрих на минуту задержался в прихожей.

– Фриц, – сказал он тихонько денщику, – вот тебе деньги, сбегай, купи самых лучших конфет и фруктов.

Когда Генрих вошел в комнату, Моника уже сидела у стола и просматривала словари.

– Как вы думаете, пригодятся?

– Я считаю, что словари неплохие. Тут есть грамматические правила, а в конце – готовые, наиболее ходкие фразы. Очень удобно для туристов и завоевателей.

– Вы жестоки, мадемуазель! Впрочем, мне как ученику это пойдет на пользу. Что же касается этих ходких фраз, то я их усвоил настолько, что хорошо понял сказанное вами матери при первом нашем знакомстве.

– Неужели мои слова были настолько значительны, что вы их запомнили?

– Достаточно обидны, чтобы не забыть. Вы утверждали, что я много награбил.

Моника густо покраснела.

– Я не знала, что вы понимаете по-французски, – сказала она оправдываясь. – Поэтому не ждите, чтобы я попросила у вас прощения.

– Я жду лишь одного, чтобы вы сказали мне, когда мы сможем начать наши уроки. Конечно, я должен вначале согласовать это с вашей уважаемой матерью, мадам Тарваль.

– С мамой я сама все улажу. А начнем... – Моника задумалась – Ну, хотя бы завтра, – сказала она решительно и, холодно кивнув головой, вышла.

Личностью Генриха интересуется гестапо

– Для вас срочное задание от генерала, Гольдринг, – сказал Лютц. – Нужно подыскать удобное место, чтобы провести пробную стрельбу из минометов. Длина площади должна быть не менее шестисот метров, ширина – двухсот. Желательно, чтобы местность не была покрыта растительностью и чтобы не надо было выставлять сторожевые посты.

– А трава не мешает?

– Сориентируйтесь на месте. Будет проводиться испытание новых зажигательных мин. Я думаю, – продолжал Лютц, подойдя к настольной карте, – вот тут, на северо-запад от Сен-Реми, есть плато, которое может нас устроить. Осмотрите его. Сделайте это после обеда. Ехать придется верхом, машина там не пройдет. Возьмите двух солдат из комендантской роты и обязательно захватите с собой автомат.

– Мой новый шестнадцатизарядный пистолет не хуже автомата.

– Будьте осторожны – есть данные, что партизаны бродят по окраинам города.

– Немедленно же выезжаю, герр гауптман.

Захватив оружие, Генрих через четверть часа уже ехал к плато в сопровождении солдата-коновода, вооруженного автоматом.

Километров через пять дорога кончилась, и дальше к плато вела лишь узенькая тропочка, круто взбиравшаяся вверх. Лошади стали пятиться, испугавшись крутизны.

– Оставайся с лошадьми и жди меня, – приказал лейтенант коноводу.

Бросив ему повод, Генрих начал карабкаться по тропинке вверх и вскоре оказался на плато. Оно действительно было большим – с километр в длину и метров четыреста в ширину – и упиралось в подножье высокой скалы. Никакой растительности, кроме травы, здесь не было, лишь справа, на самом краешке этого природой созданного полигона, росло несколько развесистых деревьев.

Генрих пересек плато и подошел к скале. Вся площадь вокруг была покрыта большими каменными глыбами.

«Именно то, что нужно», – подумал Генрих и двинулся дальше, чтобы обойти всю площадку. Когда он повернул от скалы направо и очутился под деревьями, до него донеслись голоса. Оглянувшись, Генрих увидел на противоположной стороне плато двух одетых в штатское французов, которые только что вышли из-за скалы. У одного из них, старшего, на шее висел немецкий автомат. У другого оружия не было. Они шли в направлении виноградника, громко разговаривая.

Мысль о том, что он попал в критическое положение, молнией промелькнула в голове Генриха. Что же теперь делать? Его автоматический пистолет действует безотказно, а эти двое идут беззаботно, даже не оглядываясь вокруг. Подпустить ближе и стрелять, пока они его не увидели? Но ведь это не враги! Это друзья, которые так же, как и он, борются с врагом, с его и своим врагом. Выйти им навстречу и миром покончить дело? Но ведь он и слова сказать не успеет! Достаточно партизанам увидеть его мундир, и они начнут стрелять. Спрятаться за деревом? Но его все равно здесь заметят – ведь партизаны идут к виноградникам, которые начинаются сразу за деревьями.

Притаившись за стволом, Генрих крепко сжал свой пистолет и не сводил глаз с тех двоих. Они приближались. Когда партизаны были от него метрах в шести, он вдруг выскочил из-за укрытия и громко, даже слишком громко от волнения, крикнул:

– Олюмэ!

Еще не вполне поняв, что произошло, партизаны остановились и, увидев направленный на них пистолет, медленно подняли руки.

Заметив, что младший из партизан сделал чуть заметное движение, Генрих достал левой рукой еще один пистолет и сурово напомнил:

– Руки не опускать!

Партизаны, словно зачарованные, глядели на дула пистолетов.

– Если вы будете слушаться, я гарантирую вам не только жизнь, но и свободу, – резко меняя тон, сказал Генрих.

– Врет! – зло бросил пожилой партизан.

– У вас есть шанс уйти отсюда. Только имейте в виду: если вы попытаетесь опустить руку или прикоснуться к оружию – я буду стрелять. А стреляю я так, что после этого вашим родственникам останется лишь поминать ваши души.

Старший партизан вопросительно поглядел на молодого.

– Как только мы повернемся к нему спинами, он перестреляет нас, – сердито бросил тот.

– А что мешает мне сейчас застрелить вас, когда у меня в руках два пистолета? Стоит мне только нажать курки – и вы оба на том свете... Разговоры здесь излишни. Но один совет: у партизан оружие должно быть в руках, а не в карманах, а вы ведете себя, как на курорте, тоже вояки называется! Ну, хватит разговоров. Турнэ ву! Бегом.

Юноша повернулся и медленно пошел. За ним двинулся и старший. Вначале они шли тихо, очевидно, все еще ожидая пули в спину, но постепенно шаг их убыстрялся, потом они побежали, время от времени оглядываясь.

Генрих тоже направился к спуску с плато. Партизаны уже добежали до скалы и теперь внимательно следили за тем, что делает этот странный немецкий офицер. Гольдринг приветливо помахал рукой своим недавним пленникам и начал быстро спускаться с плато.

Когда партизаны добежали до скалы, Генрих уже был далеко. Маки увидели лишь двух всадников, галопом мчавшихся по дороге в город.

– Ты что-нибудь понимаешь? – удивленно спросил молодой старшего.

– Ничего.

Ничего не поняла и старая крестьянка, которая из виноградника тайком наблюдала всю эту сцену.

Присев в кустах, она чуть не умерла от страха, когда увидела, что Жана Тарваля и Пьера Корвиля задержал немецкий офицер. Она даже закрыла уши, чтобы не слышать выстрела. Но ни один выстрел не прозвучал. Вместо этого до нее донеслись обрывки очень странного разговора, который совсем сбил ее с толку.

Не прошло и получаса, как веселый и возбужденный Генрих уже докладывал гауптману о великолепной площадке, которую разыскал для испытания новых минометов.

– А когда именно будут происходить испытания? – спросил он Лютца.

– В ближайшие дни. Наш генерал – член приемной комиссии. Срок зависит от него. Я думаю, что откладывать он не станет. Тем более что и минометы и мины к ним изготавливаются тут же.

– Ну, тут вы, наверно, ошибаетесь. В окрестностях Сен-Реми я не видел ни одного пригодного для этого предприятия.

Лютц улыбнулся.

– А по дороге к площадке вы не заметили маленького заводика, справа от шоссе?

– Километрах в полутора?

– Да. Это как раз он.

– Никогда не поверю! Даже заводом его не назовешь. Какая-то кустарная мастерская.

– Это снаружи. Снаружи действительно нет ничего похожего на большой военный завод, потому что... – Лютц остановился, желая усилить эффект своих слов, – ...потому что завод спрятан под землей! Там работает более тысячи пленных – русских, французов, поляков, чехов,

одним словом, людей, которые никогда уже не увидят солнца. Под землей они работают, едят, спят и даже умирают. Их и хоронят под землей.

– Хитро продумано! – вырвалось у Генриха.

Он действительно был поражен неожиданным и таким интересным для него сообщением. Надо немедленно дать знать своему командованию.

– Когда я говорю, что их там хоронят, это не значит, что существует подземное кладбище. Трупы умерших сжигают, а пепел по дешевке продают местным крестьянам как удобрение для полей. Конечно, о происхождении этого удобрения покупатели ничего не знают. Как видите, утилизация полная, – криво улынувшись, закончил Лютиц.

Генрих не мог не заметить, что последние слова гауптман произнес с горькой иронией.

Прозвучал звонок.

– Меня вызывает генерал. Возможно, ненадолго. Если хотите, подождите здесь.

– Нет, я пойду умоюсь, а то запыхался во время поездки. Встретимся в казино.

Генерал был не один. Напротив него сидел руководитель службы СС майор Миллер.

Адъютант очень не любил этого самоуверенного, нахального гестаповца и был неприятно удивлен, увидав его в штабе... Очевидно, Миллер прошел к Эверсу, когда он, Лютиц, куда-то отлучился.

– Лютиц, – начал генерал, указывая на кресло рядом с Миллером. – Майор пришел по делу, и я хочу, чтобы вы приняли участие в обсуждении. Господина Миллера интересует, что вы думаете о нашем новом офицере по особым поручениям лейтенанте фон Гольдринге?

Лютиц удивленно взглянул на генерала, потом перевел взгляд на Миллера. Какая все-таки отвратительная рожа! Особенно этот заостренный нос и подбородок, делающие майора похожим на борзую. А маленькие круглые глаза сверлят собеседника, словно буравчики.

– Я знаком с лейтенантом Гольдрингом с первого дня его пребывания у нас в штабе. И могу сказать одно – это культурный, способный и совершенно благонадежный офицер.

– Как видите, Миллер, мнение моего адъютанта совпадает с моим, – проговорил Эверс.

– Я тоже, герр генерал, не сомневался в благонадежности барона фон Гольдринга, но мы получили сигнал, – Миллер многозначительно поднял палец, – какой именно, я не могу сказать. Кроме того, в наши обязанности входит – и вы это хорошо знаете – проверка каждого нового офицера, получающего доступ к секретным документам. Именно потому я и обратился к вам, герр генерал. Вы должны помочь мне в этом.

– Но имейте в виду, Миллер, что речь идет не о каком-то неизвестном человеке, а о бароне фон Гольдринге, которого оберст Бертольд знает с детства! Об этом он говорил мне лично. А сам оберст Бертольд – друг рейхсминистра Гиммлера. К тому же теперь оберст Бертольд работает в Берлине, при штаб-квартире господина Гиммлера! Представьте себе, Миллер, что об этой проверке узнает Бертольд?

– Но мы имеем указания проверять абсолютно всех! И вчера, к сожалению, не зная подробной биографии лейтенанта фон Гольдринга, я звонил по поводу полученного нами сигнала – о, теперь я уверен, что это глупость! – своему шефу и получил от него строжайшее указание немедленно произвести проверку. Уверяю вас, Гольдринг о ней не узнает.

– Но какое ко всему этому отношение имеем мы? – чуть-чуть раздраженно спросил Эверс.

– Нам нужна ваша помощь, – пояснил Миллер. – Необходимо, чтобы вы послали барона в Лион. Это поможет осуществить разработанный нами план. Лучше всего послать Гольдринга с пакетом в штаб корпуса. Остальное мы берем на себя. О последствиях проверки я сообщу вам лично. Надеюсь, вы поможете, герр генерал, и уверяю вас, что об этом никто не узнает.

– Ладно, – согласился Эверс. – Но больше ничего от нас не требуйте. Когда именно послать барона?

– Сегодня. Поезд отходит в шестнадцать сорок.

– Надеюсь, майор, вы больше не будете беспокоить нас вопросами, касающимися моего офицера?

– Признаться, меня самого волнует эта история после того, что вы мне сообщили о взаимоотношениях фон Гольдринга с Бертгольдом. Но отступать уже поздно, поскольку я получил самое категорическое распоряжение и даже согласовал с шефом план этой маленькой операции. Итак, мы обо всем договорились! До свидания.

Миллер поклонился и вышел из кабинета.

– Не нравится мне эта затея, гауптман, – сердито заметил Эверс, когда за Миллером закрылась дверь. – Но и отказаться мы не имеем права. Во всяком случае надо, чтобы Гольдринг не узнал о проверке. Иначе он доставит нам через Бертгольда немало неприятностей. Иметь дело с господином Гиммлером – это все равно, что сидеть на пороховой бочке и держать в руке зажженный шнур.

– Такой орешек, как Гольдринг, явно не по зубам Миллеру.

– Но мы должны сегодня же отправить барона в Лион.

– Он офицер по особым поручениям, и если послать его в штаб корпуса даже с обычной армейской запиской, это не вызовет у него никаких подозрений. Гольдринг даже не будет знать, что в пакете. Остальное не наше дело.

– Тогда приготовьте пакет и от моего имени вручите его лейтенанту, приказав отвезти в Лион. Только не обмолвитесь ни словом.

– Не волнуйтесь, герр генерал.

У входа в отель «Темплъ» Генрих встретил старую крестьянку. Он, верно, не заметил бы ее, если бы женщина не окинула его долгим, ласковым взглядом и не поздоровалась первая.

– Бонжур, мсье!

– Бонжур, мадам! – ответил совершенно изумленный Генрих. По собственному опыту он уже знал, что французы избегают здороваться с немцами.

Войдя в гостиницу, Генрих хотел подняться прямо к себе, но по дороге его остановила мадам Тарваль. На этот раз на ее губах не сияла профессиональная улыбка хозяйки гостиницы. Лицо женщины было взволновано, губы дрожали. Но глаза глядели необычайно ласково и как-то вопросительно.

– На дворе так жарко, господин барон, – сочувственно сказала мадам Тарваль.

– Я не привык к такой погоде в такое время года, – согласился Генрих.

– Может быть, хотите выпить чего-нибудь прохладительного?

– А что у вас есть?

– О, для вас у меня найдется бутылка чудесного старого шампанского.

Генрих вошел в зал, а мадам Тарваль куда-то убежала. Спустя минуту она вернулась с бокалом и бутылкой вина.

– Действительно прекрасное вино, мадам, – похвалил Генрих, отпив из бокала. – Теперь я понимаю, почему так далеко разнеслась слава о французском шампанском.

– К сожалению, это последняя бутылка, я ее берегла для какого-нибудь исключительного случая.

– Тогда ее надо было распить в семейном кругу, и я не понимаю...

– О барон, у меня сегодня такой счастливый день.

– Не хочу быть нескромным, но с радостью выпью за него. Только почему вы не налили себе?

Мадам Тарваль принесла еще один бокал, и Генрих сам наполнил его. Золотистое вино заискрилось, зашумело за тонким стеклом.

– Какой же тост мы провозгласим, мадам?

– Прежде всего я хочу выпить за ваше здоровье, барон! Именно из-за вас... именно вы... – голос мадам Тарваль задрожал, и она оглянулась, хотя в зале никого не было. – О барон, вы оказали мне такую незабываемую услугу!

Ничего не понимая, Генрих удивленно взглянул на хозяйку гостиницы. Она наклонилась и, как заговорщица, прошептала, словно их кто-нибудь мог подслушать:

– Да, да, незабываемую, незабываемую услугу!.. К сожалению, я не могу сказать об этом вслух. О мсье, я понимаю, в эти проклятые времена надо молчать! Но я прошу запомнить – мадам Тарваль умеет быть благодарной. Я всегда, всегда...

– Мне жаль вас разочаровывать, мадам, – в полном замешательстве перебил ее Генрих, – но, честное слово, я даже не догадываюсь, о чем идет речь.

– Я понимаю вас, барон! Я буду молчать, молчать... Молчать, пока не пробьет час... чтобы во весь голос...

– Вы очень взволнованы, мадам Тарваль! Давайте отложим этот разговор... пока не придет время, о котором вы говорите.

Генрих поднялся и хотел положить на столик деньги.

– Сегодня вы мой гость, барон!

Удивленный поведением мадам Тарваль, приветливостью старой крестьянки, которую он встретил у входа в гостиницу, Генрих долго ходил по своей комнате, раздумывая о том, что же все это может означать. Однако объяснить происшедшего так и не смог. «Наверное, у меня тоже счастливый день?» – наконец решил он и взялся за словарь, вспомнив, что вчера они условились с Моникой начать урок в первой половине дня.

Но Моника в это время была далеко от дома. Стоя во дворе уже знакомой нам электростанции, она с нетерпением ждала Франсуа и сердилась, что он так долго не идет.

– Я же приказывал тебе не приезжать, когда в этом нет необходимости, – начал было Франсуа, но, взглянув на взволнованное лицо Моника, быстро спросил: – Что случилось?

– Случилось невероятное.

– Что же именно? – обеспокоенно и нетерпеливо воскликнул Франсуа.

– Полчаса назад прибежала мадам Дюрель и рассказала, что собственными глазами видела, как в горах, рядом с ее виноградником, немецкий офицер встретил нашего Жана и Пьера Корвиля...

– Боже мой, Жан и Пьер арестованы! – простонал Франсуа.

– Да погоди же! Совсем нет! Он отпустил их обоих... Да еще выругал на прощанье за то, что так неосторожны!

– Что-о-о-о? Ты с ума сошла. Или, может быть, рехнулась эта мадам Дюрель?

– Мадам Дюрель в полном рассудке, и она клянется, что все было именно так. Она даже узнала немецкого офицера.

– Кто же он?

– Барон фон Гольдлинг! Она видела его в нашем ресторане – мама покупает у нее вино, и она часто у нас бывает.

– Снова Гольдлинг!

Задумчиво потирая свой длинный нос, Франсуа присел на скамью. Моника напряженно следила за выражением его лица, но ничего, кроме растерянности, на нем не увидела.

– Так чем же ты все это объяснишь? – не выдержала она.

– Пока ничем. Сегодня во что бы то ни стало увижу Жана, расспрошу его, и если это правда, тогда...

– Что тогда?

– Сейчас я ничего не скажу. Я и сам ничего не понимаю... Чтоб фашистский офицер, барон, поймал двух маки, а потом отпустил... Нет, тут что-то не так. Возможно, он хочет спровоцировать нас, втереться в доверие... Нет, в выводах надо быть очень осторожным... И ты

еще внимательнее должна следить за этим Гольдрингом и быть настороже. Кстати, как у тебя складываются с ним отношения?

- Он просил меня, чтобы я помогла ему изучить язык.
- Ты, конечно, согласилась?
- Должна была согласиться, помня твой суровый приказ.
- И как он себя держит? Удалось тебе что-нибудь узнать?
- Нет. Он очень сдержан, вежлив и не думает ухаживать за мной.
- О чем же вы с ним разговариваете?

Моника передала свой разговор с Генрихом о французском языке и будущем Франции. Франсуа задал девушке еще несколько вопросов, касающихся Гольдринга, но ответы на них, очевидно, мало что ему объяснили.

– Загадочная личность этот барон, – сказал он поднимаясь. – Во всяком случае, надо предупредить наших, чтобы его случайно не подстрелили. Возможно, он действительно антифашист и хочет нам помочь. Но все это надо хорошенько проверить. А пока будь осторожна, используй уроки французского языка, чтобы побольше разузнать.

– Понимаю.

– Предупреди мать и мадам Дюрель, чтобы они никому ничего не рассказывали. А себя веди так, словно ты ничего не знаешь.

Франсуа подтолкнул велосипед и шутя добавил:

– И в благодарность за то, что он отпустил твоего брата, смотри не влюбись в этого барончика.

Моника сердито сверкнула глазами и нажала на педали.

Как только закончился обед и все встали из-за стола, Лютц подошел к Гольдрингу.

– Вам, лейтенант, важное поручение от генерала. Придется ехать в Лион. Пойдемте в штаб, и там я вам все объясню.

По дороге к штабу всегда разговорчивый Лютц молчал. Видя, что он в плохом настроении, не начинал разговор и Генрих.

У себя в кабинете Лютц тоже не сразу заговорил о поручении генерала. И Генриха уже начинало беспокоить это странное поведение адъютанта.

– Так в чем же заключается поручение генерала, герр гауптман? – официальным тоном спросил он.

Лютц взглянул на часы.

– В вашем распоряжении, барон, еще час и сорок минут. В шестнадцать сорок отходит поезд на Лион, и вы должны отвезти важный пакет в штаб корпуса. Пакет уже готов. Можете его получить немедленно.

Лютц вытащил из сейфа большой конверт с несколькими сургучными печатями и протянул Генриху. Тот внимательно рассмотрел, как запечатан и заклеен конверт, и, решив, что все в порядке, положил его во внутренний карман мундира.

– Будет сделано, герр гауптман, – беззаботно проговорил Генрих, расписываясь в протянутой Лютцем книге.

Генриху показалось, что адъютант с грустью взглянул на него.

– У вас сегодня плохое настроение, Лютц? – дружески спросил Генрих.

Брезгливо поморщившись, тот махнул рукой и прошелся по кабинету взад и вперед.

– Вот что, Гольдринг, – сказал он вдруг, остановившись напротив Генриха и глядя ему в глаза. – Вы едете один, без охраны. Берегитесь и будьте в дороге внимательны и осторожны. Не забывайте, что пакет секретный и его надо беречь как зеницу ока. Вручите его начальнику штаба или его адъютанту. Но обязательно под расписку.

– Вы так отправляете меня, словно это не обычная поездка, а важная фронтовая разведка! – пошутил Генрих.

– Возможно, скоро трудно будет сказать, что хуже – работать в тылу или... воевать на фронте! Поэтому еще раз предупреждаю: осторожность, осторожность и еще раз осторожность.

– Буду помнить ваши советы, Лютц. До свиданья!

Офицеры крепко пожали друг другу руки.

Готовясь к отъезду, Генрих все время думал о странном поведении людей сегодня. Вначале эта крестьянка, потом мадам Тарваль и ее загадочные намеки, теперь мрачное настроение Лютца и его напоминание об осторожности... Какой-то он странный сегодня. А действительно, почему посылают с пакетом его, офицера по особым поручениям, а не офицера-курьера, который есть при штабе. И если пакет такой важный, то почему не дают охраны, которая полагается по уставу.

Тут что-то не так. Лютц, очевидно, знает, но не решается сказать. И это симптоматично. Ведь между ними установились близкие, товарищеские отношения, и если Лютц молчит – значит ему приказано молчать...

Что ж, надо на всякий случай подготовиться к самому худшему.

Генрих еще раз внимательно оглядел пакет, осторожно вложил его в целлулоидовый футляр и спрятал во внутренний карман, старательно застегнув его. Потом взял вальтер и вместе с зажигалкой положил в правый карман брюк.

Он уже собрался уходить, но в дверь постучала Моника.

– А наш урок? – удивилась она, увидев Генриха, готового в дорогу.

– К сожалению, мадемуазель, его придется отложить до моего возвращения из Лиона.

– Вы уезжаете? Так внезапно? Верно, какое-нибудь очень срочное дело?

– Просто взял отпуск на два дня, хочу повидаться с товарищем. Что вам привезти, мадемуазель? Может быть, у вас будут какие-либо поручения?

– Нет. За любезное предложение очень благодарна, но мне ничего не надо. Желаю счастливой дороги и быстрого возвращения.

– Это искреннее пожелание или обычная дань вежливости?

– Совершенно искреннее, – не колеблясь ответила Моника. Щеки ее чуть порозовели от мысли, что она действительно желает возвращения этому офицеру вражеской армии, и, словно оправдываясь то ли перед Генрихом, то ли перед самой собой, девушка поспешно добавила: – Ведь вы не сделали мне ничего плохого.

– Но и ничего хорошего.

– Вы относитесь к нам, французам, доброжелательно. А это уже много! Мне кажется, что вы не такой, как другие...

– Вы замечательная девушка, Моника, я от всей души желаю, чтобы жизнь ваша была так же хороша, как вы сами. Но не будьте чересчур доверчивы, особенно к людям доброжелательным. Доверчивость часто обманывает. И одной доброжелательности мало, чтобы доказать свою дружбу. Нужны дела... Вы со мной согласны?

– Человек, который хочет стать другом, всегда может перейти от слов к делу, – тихо ответила Моника.

В глазах девушки, обращенных к Генриху, были ожидание и вопрос. И немного страха. Что, если она ошибается и перед ней совсем не друг, а враг? И как ей, совершенно неопытной в житейских делах, это разгадать?

Генрих сделал вид, что не заметил и не понял этого взгляда. Ведь он тоже не знал, кто перед ним: красивая девушка, дочка хозяйки гостиницы, или, может...

– Во время нашего следующего урока мы поговорим об этом, Моника. А сейчас я могу опоздать на поезд.

Крепко пожав руку девушке, Генрих вышел.

Предотъездная суeta на перронах вокзалов и вид убегающих вдаль железнодорожных путей всегда пробуждали в душе Генриха щемящее чувство тревожного ожидания. Сегодня оно охватило его с особенной силой. Еще одно путешествие в неизвестность! Чем все-таки вызвана эта неожиданная командировка в Лион? И почему Лютц, прощаясь, вел себя так странно?

Подчеркнул, что пакет чрезвычайной важности, советовал быть осторожнее, а об охране стыдливо умолчал? Непонятно, совсем непонятно! Впрочем, до Лиона далеко – в дороге будет время обо всем поразмыслить.

Усилием воли Генрих подавил в себе чувство не покидающей его тревоги и быстро направился к офицерскому вагону. Денщик уже стоял здесь с небольшим чемоданом в одной руке и пачкою газет в другой.

– Отнесешь все в купе и можешь идти! – приказал ему Генрих.

Денщик почему-то смущенно переминался с ноги на ногу.

– Вам какое-то письмо, герр лейтенант! Только вы вышли из машины, подбежал мальчишка-посыльный. Вы ушли вперед, и я не мог сразу...

Не слушая оправданий денщика, Генрих небрежно сунул конверт в карман.

– Хорошо, хорошо, иди!

Лишь в купе вагона Генрих внимательно осмотрел полученный только что конверт. Да, письмо адресовано ему. Почерк незнакомый. Впрочем, он явно изменен. Иначе буквы не падали бы так круто назад и не были бы выведены с такой тщательной аккуратностью. Интересно!

Подписи под коротенькой запиской не было.

«За вами следят. Будьте осторожны!» – сообщал неизвестный корреспондент.

Машинально перевернув листок, Генрих увидел на его обороте такую же коротенькую приписку карандашом:

«Обратите внимание на гауптмана с повязкой на глазу».

Что это? Еще одно предупреждение Лютца? Нет, подобная таинственность не в его характере... Тогда, может, записку написала Моника? Во время их последней встречи она была немного взволнована, смущена. Возможно, хотела предупредить его об опасности и не решилась. Какое нелепое предположение!

Что может она знать об опасностях, угрожающих ему?

А что, если это предупреждение исходит из совершенно иного источника? От настоящих его друзей? Кто-то ведь сообщил в свое время русскому командованию об операции «Железный кулак». Этот кто-то работал рядом с ним, Генрихом, законспирировавшись так же, как и он. Возможно, и сейчас находится где-то рядом... Но нет, это тоже маловероятно. Разведчик не действовал бы так опрометчиво и наивно...

Очень странно, что анонимное предупреждение совпало с командировкой в Лион... А не здесь ли разгадка? Неожиданное поручение генерала... необычайное поведение Лютца... теперь это письмо... словно звенья единой цепи, за конец которой он никак не может ухватиться.

Во всяком случае, прежде чем прийти к определенному выводу, нужно установить: действительно ли за ним следят? И если это так...

Генрих закурил, вышел из купе и в противоположном конце вагона увидел группу офицеров, оживленно о чем-то разговаривающих. У одного из них – гауптмана – на глазу была черная повязка.

В девятнадцать часов двадцать минут Генрих сошел на станции Шамбери. Здесь он должен был пересесть, но в комендатуре узнал, что поезд на Лион уйдет только завтра в восемь

утра. Посетовав на несогласованность расписания, комендант посоветовал господину офицеру хорошенько отдохнуть и порекомендовал гостиницу, расположенную у самого вокзала.

Возле комендатуры, как это обычно бывает, толпилось много военных.

«Конечно, и мой одноглазый страж здесь», – подумал Генрих и тут же увидел знакомую фигуру с черной, прикрывающей правый глаз повязкой.

По-птичь, боком, поворачивая голову, он поочередно обшаривал всех присутствующих скользким взглядом.

Генрих громко окликнул носильщика и вручил ему свой чемодан.

– Подождите меня здесь, я пройду в буфет.

Склоненная набок голова гауптмана напряженно застыла – очевидно, он прислушивался.

«Обязательно появится и здесь», – решил Генрих, подходя к буфетной стойке. Покупая сигареты, он краешком глаза следил за входной дверью и действительно вскоре увидел знакомую, осточертевшую за дорогу физиономию своего незадачливого преследователя.

«Что-то уж слишком он мозолит глаза! – раздраженно подумал Генрих. – Берегись, мол, за тобой следят! Даже у неопытного филера хватило бы ума действовать осторожнее. Нет, решительно это не слежка! Это расчетливая игра, попытка слежкой, своеобразная психическая атака. Кому-то выгодно меня запугать, вывести из равновесия. Знай они что-нибудь определенное, они действовали бы иначе... А раз так, значит в моих руках остаются все козыри. И главный из них – полнейшее безразличие к их мышинной возне вокруг меня. Сделаем вид, что ничего не произошло и я ничего не замечаю. Надо приберечь силы для отражения главного удара...»

Минут через десять Гольдринг спокойно пересек привокзальную площадь и вошел в вестибюль гостиницы.

Заняв номер у лестницы, на втором этаже, Генрих снова сошел вниз, в ресторан.

– Легкую закуску, бифштекс и стакан крепкого кофе! – бросил он официанту, не заглянув в протянутое ему меню.

– А какое прикажете подать вино?

– Никакого. Кстати, где у вас можно помыть руки?

Официант указал в глубь помещения.

В туалетной комнате было грязно, пахло аммиаком, и Генрих с трудом пробыл здесь запланированные пять минут.

Когда он вернулся к столику, ожидания его оправдались. Под салфеткой он нашел сложенную вчетверо записку. Те же падающие назад буквы, та же бумага. Только содержание более определенное и пространное.

«Нам необходимо поговорить. Встретимся в бильярдной. Я буду держать в руке серую велюровую шляпу. Попытаюсь вам помочь. Друг».

Недоуменно пожав плечами, Генрих подозвал официанта.

– Потрудитесь прибрать стол. Я не привык ужинать в свинушнике! – раздраженно крикнул ему Генрих и кончиком пальца брезгливо отшвырнул записку.

– Уверяю вас, герр лейтенант...

– Повторяю: уберите со стола мусор!

Бросив обеспокоенный взгляд на метрдотеля, официант скомкал злополучную записку и принялся поспешно обметать стол салфеткой. Генрих обвел скучающим взглядом зал. Кто-то из сидящих здесь исподтишка наблюдает за ним. Тем лучше! Теперь таинственный автор записок убедится – удары не попали в цель.

Барон фон Гольдринг отшвырнул анонимки, как мусор, чтобы тотчас же забыть о них.

Утомленный всеми переживаниями прожитого дня, Генрих сразу же после ужина поднялся к себе в номер. Наконец-то можно будет отдохнуть! Сбросив мундир, он прошелся по

комнате, заглянул за портьеры, в шкаф. Никого! Теперь надо запереть дверь, на всякий случай вынуть из кобуры пистолет и положить его в правый карман брюк.

Тихие шаги в коридоре заставили Генриха насторожиться. Горничная? Нет, она бы постучала. А стоящий за дверью пытается осторожным, еле заметным движением повернуть дверную ручку...

Молниеносным движением Генрих засунул в карманы брюк руки и, стоя посередине комнаты, ждал.

Дверь открылась неожиданно быстро и так же быстро захлопнулась. У порога стоял высокий мужчина в сером пальто и такой же серой вельюровой шляпе.

«А, тип, назначивший мне свидание в бильярдной!» – мелькнуло в голове Генриха, и он стиснул в кармане ручку маузера.

– Вы барон фон Гольдринг? – спросил незнакомец, шагнув вперед.

– Вы ворвались ко мне в номер, очевидно, зная, кто я. Не считаете ли вы, что вам прежде всего следует извиниться, назвать себя и объяснить причины столь бесцеремонного вторжения?

– Не будем тратить время на пустые формальности, барон! Оно и у меня и у вас ограничено. Чтобы коротко все объяснить, скажу одно – я друг, желающий вам помочь и давно ищущий с вами встречи. Вы уклонились от предложенного мною свидания, и мне пришлось прийти самому... А теперь вы, быть может, разрешите мне присесть? – не ожидая приглашения, незнакомец прошел к письменному столу и сел на стоящий возле него стул.

Генрих сел напротив, положив перед собою пачку сигарет.

– Я думаю, будет разумнее всего, если мы сразу приступим к делу, – сказал неожиданный посетитель. – Согласны?

– Я вас слушаю! – холодно бросил Генрих и медленно засунул руку в правый карман брюк.

Незнакомец настороженным взглядом проследил за этим движением. Генрих медленно вынул зажигалку, прикурил и снова положил зажигалку в карман.

Незнакомец уселся удобнее, откинувшись на спинку стула и вытянув вперед ноги.

– Я не буду ссылаться на политическую обстановку, барон, – начал он. – Она вам понятна не менее чем мне: Германия медленно, но неуклонно приближается к краху, Германия уже исчерпала себя и не сможет победить таких колоссов, как Советский Союз, Соединенные Штаты Америки и Англия.

Незнакомец выжидательно взглянул на Генриха, очевидно, рассчитывая на его реплику, но тот бросил лишь одно короткое слово:

– Продолжайте!

– Я вижу, вы не протестуете, барон, следовательно, вы со мной согласны. Итак, крах Германии неизбежен. Близится день, когда ей будет нанесен решающий удар. Несомненно, вы понимаете, что вопрос времени в назревающих событиях имеет первостепенное значение. А из этого можно сделать лишь один вывод: чем теснее будут консолидированы все враждебные фашизму силы, тем скорее будет нанесен этот удар, решающий исход войны.

– Вы пришли сюда, чтобы прочесть мне популярную лекцию по международному положению?

– Я пришел сюда, чтобы предложить вам сотрудничество, барон фон Гольдринг!

– Сотрудничество с кем и против кого? – Генрих пристально взглянул на незнакомца. Тот ответил на его взгляд широкой дружелюбной улыбкой «рубахи парня».

– Вы безумно мне симпатичны, барон! Правильно: поставим точки над «i». Дальше играть в прятки я, черт возьми, не намерен! Вы спрашиваете, какое сотрудничество я вам предлагаю? Отвечу без обиняков – сотрудничество с английской разведкой.

– Мне? Немецкому офицеру?

– Вам, русскому разведчику, о работе которого мы прекрасно проинформированы.

– Позвольте вас спросить, из каких источников? – в голосе Генриха прозвучала скорее насмешка, чем удивление или возмущение. Он уже давно разгадал игру, которую с ним вели, и теперь спокойно взвешивал все возможные варианты своего поведения в ближайшие же минуты.

– Наши разведывательные отделы с некоторых пор работают в тесном контакте – без этого немислимо открытие второго фронта. В подтверждение нашей осведомленности могу сообщить вам некоторые небезызвестные вам подробности: о работе вашего отца, Зигфрида фон Гольдринга, его смерти, о вашем, как говорят русские, постепенном вращении в социализм, наконец, о деятельности здесь...

– Какой именно деятельности? Мне бы хотелось это уточнить.

– Ну хотя бы срыв операции «Железный кулак». К сожалению, вы действовали неосторожно, и вашей деятельностью заинтересовалось гестапо. Чтобы избежать провала, вам надо вовремя скрыться. Именно об этой опасности мы вас предупреждали и предупреждаем сейчас.

– Что же вы можете мне предложить? – Генрих сам удивился тому, как спокойно прозвучал его вопрос.

– Наконец-то наш разговор обретает практическую почву! – обрадовался провокатор. Что перед ним провокатор-гестаповец, Генрих уже не сомневался. – Как я уже говорил, мы предлагаем вам самое тесное сотрудничество. Естественно, вы должны получить на это согласие вашего командования. И завтра же вы его об этом запросите. В том, что такое разрешение будет получено, я не сомневаюсь – русские заинтересованы в возможно скорейшем открытии второго фронта. Когда вы будете готовы приступить к исполнению ваших новых обязанностей, мы вам дадим знать, что нас особенно интересует. Как видите, я перед вами открыл все карты, был, может быть, даже излишне откровенен. Поэтому я имею право потребовать от вас некоторых гарантий. Такой гарантией будет пакет, который вы везете в Лион. Я его у вас возьму и через час возвращу в точно таком же виде, в каком он находится сейчас. О том, что находящиеся в нем бумаги прочитаны, никто не догадается. Взамен этой маленькой любезности я обещаю вам сегодня же связать вас с группой партизан, которые помогут вам в случае провала перебраться к маки. Не удивляйтесь: вопреки всем правилам разведывательной работы некоторые из наших агентов, и я в том числе, связаны с маки – этого требует создавшаяся во Франции обстановка.

Генрих молча слушал своего собеседника. Трудно было догадаться, что в это же самое время в мозгу его теснятся лихорадочные мысли:

«Они абсолютно ничего не знают! Для них я продолжаю оставаться Генрихом фон Гольдрином! Ни одной ниточки нет у них в руках, иначе они не прибегли б к этой нелепой провокации. То, что они знают о пакете, свидетельствует против них же – командировка в Лион была специально инсценирована... Они хотят проверить мою преданность фатерланду? Что же, я им ее сейчас докажу!»

Медленно разминая сигарету, Генрих опустил руку в карман.

Провокатор-гестаповец тоже взял сигарету. Он вертел ее в пальцах, ожидая, пока Гольдлинг вытащит зажигалку. Но когда гестаповец, взяв сигарету в зубы, подался вперед, чтобы прикурить, вместо зажигалки у лица своего он увидел дуло пистолета.

Все остальное произошло буквально на протяжении секунды. Гестаповец ногой изо всей силы толкнул стол и, воспользовавшись тем, что Гольдлинг пошатнулся и на миг опустил пистолет, вылетел из номера. Когда Генрих выскочил за дверь, провокатор уже мчался по коридору.

Один за другим прозвучали два выстрела, послышался отчаянный крик и почти одновременно звук падения тяжелого тела.

Генрих оглянулся. В коридоре никого не было. Но сразу слышались шаги, и мгновенно появился офицер в форме СС, фельдфебель и двое солдат.

«Приготовились!» – мелькнуло в голове Генриха.

– Не стреляйте, мы патруль! – издали крикнул офицер.

– Предъявите документы, – голос Генриха звучал решительно.

Гестаповец вынул документы и показал их Гольдрингу. Солдаты бросились к лежащему. Он был еще жив, но без сознания.

– Что тут произошло?

– В гостиницу пробрался вражеский агент, связанный с французскими партизанами, и получил по заслугам! – зло сказал Генрих, пряча оружие.

У себя в номере барон фон Гольдринг точно передал суть того, что говорил неизвестный. Фельдфебель, записав показания, попросил Гольдринга расписаться.

– Вы на ночь хорошо закройте дверь, – посоветовал офицер, прощаясь.

– А вам следует обратить внимание на охрану гостиницы. Безобразие. Иностранные агенты заходят в офицерскую гостиницу, как к себе домой! – сердито бросил Генрих, хотя ему хотелось расхохотаться.

Майор Миллер хочет подружиться с Гольдрингом

Генерал Эверс уже собрался идти в казино обедать, когда Лютц сообщил ему:

– Герр Миллер просит принять его.

– Чего он повадился к нам? – недовольно спросил Эверс. – Снова что-то придумал? Может, и меня собирается проверить?

– Возможно, но скорее меня.

– Просите.

Майор быстро вошел в кабинет.

– Вы снова с какими-то неприятностями, Миллер? – сухо осведомился Эверс.

– Наоборот, на этот раз я принес вам приятную весть, господин генерал, – ответил Миллер садясь.

Вопреки его заявлению о том, что весть приятна, лицо майора было достаточно кислым.

– Вчера мы осуществили свой план, произвели проверку вашего офицера по особым поручениям лейтенанта фон Гольдринга.

– Ну и что? – с интересом спросил генерал.

Миллер обстоятельно и точно рассказал о событиях в номере гостиницы Шамбери, не скрыв и того, что магнитофон точно записал весь разговор.

– Ланггейн получил две пули в правое легкое, он сейчас в госпитале и, наверно, не скоро выйдет оттуда...

Генерал искренне расхохотался. Его поддержал и Лютц.

– Ну, господин Миллер! Теперь вы убедились в благонадежности Гольдринга?

– Совершенно!

– Герр Лютц, сегодня же приготовьте реляцию о награждении лейтенанта фон Гольдринга «Железным крестом» второй степени.

– Яволь! – ответил Лютц.

– Ведь лейтенант не знал, что перед ним сидит оберштурмбаннфюрер СС Ланггейн. Ведь так, господин Миллер?

– Так точно. Я уверен, что если бы барон догадался, кто разговаривает с ним, то проверка не закончилась бы кровопролитием. Но теперь мы совершенно убеждены в благонадежности лейтенанта фон Гольдринга.

– А теперь, господин Миллер, не хотите ли пообедать с нами? – пригласил Эверс.

Рассказ Миллера о результатах проверки фон Гольдринга явно привел генерала в хорошее настроение.

– Сочту за честь, господин генерал, – поклонился Миллер.

За обедом, который в отличие от многих предыдущих прошел живо и весело, только и было разговоров, что о храбрости фон Гольдринга. К концу обеда генерал был в таком приподнятом настроении, что провозгласил тост за успех начавшегося на Восточном фронте наступления, которое многим из присутствующих даст возможность уже в этом году побывать в Москве.

Генрих никак не ожидал, что слух о событиях в Шамбери так быстро достигнет Сен-Реми. Но вышло так, что слава опередила его. Когда по приезде он направился в штаб, у входной двери его остановил штабной офицер обер-лейтенант Фельднер.

– А, барон, – приветливо и почтительно проговорил тот. – Со счастливым возвращением. О ваших героических делах мы уже слышали. Рад поздравить вас первым.

– О каких делах? – не сразу догадался Гольдринг.

– Не скромничайте, о вашем подвиге генерал рассказал всем офицерам вчера после обеда. А ему обо всем сообщил герр Миллер.

– А-а, вот вы о чем... Спасибо за поздравления.

Генрих вошел в вестибюль и уже хотел было подняться по лестнице, но внимание его привлек солдат, который, увидев лейтенанта, вскочил со скамьи, став навытяжку. Это был юноша лет девятнадцати-двадцати, белокурый, худощавый, с умными голубыми глазами. Именно выражение его глаз и заставило Генриха остановиться. Во взгляде юноши сквозило столько печали, даже отчаяния, что не заметить этого было нельзя. У ног солдата лежал вещевой мешок.

– Кто вы такой? – спросил лейтенант.

– Ефрейтор Курт Шмидт, герр лейтенант, – четко ответил солдат.

– Откуда?

– Служил во второй роте второго батальона сто семнадцатого полка, а сейчас получил назначение на Восточный фронт.

На глазах молоденького солдата, казавшегося совсем мальчиком, задрожали слезы.

– А почему вас туда переводят?

– По рапорту командира роты обер-лейтенанта Фельднера.

– В чем же вы провинились перед обер-лейтенантом?

– Четыре дня тому назад обер-лейтенант Фельднер был немного выпивши. Ему показалось, что я не так приветствовал его, хотя, честное слово, я приветствовал его как полагается. Тогда он начал командовать: «лечь», «встать». Я выполнял его приказы, пока у меня хватило сил. Но вскоре я устал – я вообще слабый, и не смог подняться... Он отругал меня, а потом написал рапорт, будто я отказался выполнить его приказ, и просил отправить меня на Восточный фронт.

– Все, что вы мне рассказали – правда?

– Святая правда, герр лейтенант. Как перед богом! Юноша посмотрел на Гольдринга с такой мольбой, что ему стало жаль этого мальчика в солдатской шинели.

– А вы очень боитесь Восточного фронта?

– Там, герр лейтенант, уже погибли два моих брата. У матери остался я один, и когда она узнает, что меня послали на Восточный фронт, она не переживет этого.

– А почему вы не сказали обо всем генералу?

– Даже командир полка не захотел говорить со мною...

– Приказ об откомандировании при вас? – немного подумав, спросил Генрих.

– Вот. Мне приказано подождать тут попутную машину на Шамбери.

– Так вот, Курт. Я поговорю с генералом. Но надо выдвинуть какую-нибудь причину, чтобы вас здесь оставили. Если хотите, я могу сказать, что вы мне нужны как денщик... Согласны?

– Я буду выполнять все ваши распоряжения и работать как никто другой.

– Давайте ваши документы и ждите меня здесь.

Солдат быстро, словно боясь, что офицер передумает, дрожащими руками вынул бумаги и отдал их лейтенанту. Генрих поднялся на второй этаж и вошел в кабинет Лютца.

– А-а, Гольдринг, рад вас видеть! – Лютц вышел из-за стола и крепко пожал руку Генриху. – Генерал просил, чтобы вы немедленно зашли к нему.

Отдав гауптману расписку штаба о вручении пакета, Генрих отправился к генералу.

– Ну, лейтенант, расскажите, как все это было? – воскликнул Эверс, как только увидел Гольдринга.

Генрих рассказал все, до малейших деталей.

– Я представил вас к награде «Железным крестом» второй степени, – сообщил Эверс.

– Очень благодарен, господин генерал. Я сегодня же напишу об этом герр Бертгольду. Я уверен, что он будет также благодарен вам за заботу обо мне.

Этот ответ был приятен генералу.

– Передайте оберсту искренний поклон от меня, – попросил он.

– Герр генерал, разрешите мне обратиться к вам с одной просьбой.

– Пожалуйста.

– Здесь в вестибюле находится солдат, которого направляют на Восточный фронт по рапорту обер-лейтенанта Фельднера. Я не хотел бы говорить об этом, но, уверяю вас, – обер-лейтенант поступил несправедливо, особенно если учесть, что солдат этот очень слаб физически и что два его брата сложили головы на Восточном фронте. А мне нужен денщик. Я прошу, господин генерал, разрешить мне взять его в денщики.

– И это все? – генерал был даже немного разочарован, что не может сделать чего-нибудь большего для офицера, так отличившегося.

Взяв из рук Генриха документы Курта, генерал перечеркнул на одной из бумаг свою старую резолюцию и сверху крупным почерком написал: «Оставить при штабе как денщика лейтенанта барона фон Гольдринга».

– Очень благодарен, герр генерал! А теперь, когда вы так быстро исполнили мою первую просьбу, разрешите обратиться к вам со второй...

– Возможно, выполню и эту! – улыбнулся Эверс.

– Тогда я попрошу принять от меня десять бутылок шампанского, старого французского шампанского, которое я разыскал в Лионе специально для вас. Как-то гауптман Лютц сказал мне, что вы любите хорошее шампанское.

Эверс рассмеялся.

– Эту вашу просьбу я выполню еще с большей охотой, чем первую.

– Разрешите идти? – спросил Генрих.

– Да. Только сегодня же подайте рапорт о предоставлении вам недельного отпуска по семейным обстоятельствам.

– О! Бесконечно благодарен, герр генерал. Об этом я давно мечтал, но просить не решался.

Когда Генрих спустился вниз, Курт Шмидт вскочил со скамьи и, забыв о субординации, бросился к лейтенанту.

– Ну, Курт, – сказал Генрих, – теперь вы мой денщик.

Радость, осветившая лицо молодого солдата, невольно передалась и Генриху. Он с ласковой улыбкой поглядывал на этого юношу в солдатской шинели, который с такой силой сжимал свою пилотку, словно старался вдавить ее в собственные ладони.

– Я не знаю, чем смогу отблагодарить вас, герр лейтенант! – со слезами на глазах и с пылающими щеками тихо прошептал Курт Шмидт, не сводя с лейтенанта благодарных глаз.

– Отблаговаришь хорошим выполнением своих обязанностей, – ответил Генрих. – А сейчас найди моего нынешнего денщика Фрица Зеллера; он тебе все покажет и вообще введет в курс дела. Узнай в штабе, где ты будешь жить, и приходи в гостиницу «Темплъ», напротив штаба.

Генрих направился в гостиницу, но на полпути его нагнал штабной писарь.

– Вам письмо, господин лейтенант.

Гольдринг небрежно сунул его в карман и только в номере увидел, что письмо от Бертгольда.

«Мой мальчик, – писал тот, – я скучаю по тебе, как по родному сыну. Долго не писал тебе – было много дел. Сейчас я работаю при штаб-квартире руководителем одного из отделов. Три дня назад мне присвоили звание генерал-майора (группенфюрера), забрать тебя к себе сейчас нет возможности, но она представится, и я использую ее. Фрау Эльза и твоя сестра Лора очень

хотят повидать тебя и требуют, чтобы я попросил твоего генерала дать тебе отпуск. Надеюсь, что мой друг герр Эверс сделает это для меня. Напиши мне, если он откажет. Вообще ты бы мог писать чаще.

Твой Вильгельм Бертгольд».

Дочитав письмо, Генрих быстро разделся и бросился в постель. Только теперь он почувствовал, как устал. И не только потому, что ночь в Шамбери потребовала огромного нервного напряжения. Вот и сегодня! Ему нужно быть беззаботным и веселым; а лионские газеты заполнены корреспонденциями, фото и сообщениями с Восточного фронта: началось большое наступление гитлеровских полчищ и, как твердят газеты, развивается оно безостановочно, неудержимо.

Правда, надо сделать скидку на всем известные геббельсовские преувеличения, но все же частичка правды в этих сведениях, наверно, есть. Итак, гитлеровцы наступают! С каким бы наслаждением он бросил все это и, одевшись в обычную шинель красноармейца, взял в руки автомат! Читать победоносные сводки с фронта и делать вид, что эти сводки радуют тебя. Пить за победу, когда так хочется выхватить из кобуры пистолет и разрядить его в тех, с кем сидишь за столом. Но так ему приказано. Надо играть роль дальше... и ждать.

Верно, никто из людей так остро не ощущал, какое это страшное слово «ждать».

Человек едет в поезде, очень спешит, ему кажется, что дорога скучна, а поезд идет слишком медленно, и он был бы рад оказаться сейчас в том месте, куда так торопится, даже согласившись укоротить свою жизнь на несколько часов, которые нужно затратить на дорогу.

Юноша пришел на свидание. Девушки нет, она опаздывает. С какой бы радостью влюбленный сократил свою жизнь на эти минуты тяжелой неуверенности и ожидания!

Если б судьба была послушной и подчинялась воле людей, жизнь многих была бы значительно короче. Люди сами укорачивали бы свой век, чтобы поскорее достичь цели, чтобы избавиться от минут, часов, дней нестерпимого ожидания.

А Генрих, не колеблясь, отдал бы половину жизни, чтобы очутиться сейчас на родине!..

Что за глупости у него в голове! «Если б судьба была послушной». Мы должны заставить ее служить себе!

А для этого надо не философствовать, а бороться, беречь каждую минуту, а если нужно – и ждать, ждать, стиснув зубы, беззаботно ходить по краю пропасти, в которую можно свалиться ежеминутно. Вот и сейчас могут войти к нему в комнату, и все будет кончено.

И все же ему не так трудно, как тем, кто работает поблизости, в Сен-Реми, под землей. Он, Генрих, если будет осторожен, увидит светлый день победы. Ведь все зависит от него самого, от его смелости, ловкости, умения.

А что могут сделать для своего спасения русские, французы, чехи, поляки, брошенные в подземелье, лишенные надежды когда-либо увидеть солнце, подышать свежим воздухом, полюбоваться красотой мира, вернуться на родину и встретиться с родными, близкими, друзьями?

И они еще должны работать на врага, вооружать его новыми минометами, еще более смертоносными минами, хотя каждый миномет – это приближение собственной смерти. Страшной смерти всех тех, кто брошен в подземелье.

Лютц тогда так удачно проговорился о существовании этого подземного завода. Вот за то, чтобы не было таких лагерей смерти, Генрих и должен бороться. Нет. Он не имеет права на усталость и отдых. Он не имеет права чувствовать, что у него есть нервы. Ибо каждое выполненное им задание приближает час победы. Это месть за всех тех, кого, может быть, именно в эту минуту, когда он лежит и отдыхает, сжигают в крематории.

Отдыха для него нет и быть не может!

Генрих вскочил с кровати и начал одеваться.

Спускаясь по лестнице, он вспомнил о своем обещании генералу и зашел в ресторан.

– Здравствуйте, мадам!

– О, вы уже приехали, а я боялась, не случилось ли чего, ведь мы вас ждали еще до завтрака. Садитесь! Прощу вас.

– Мадам Тарваль, у меня к вам большая просьба. Если вы выполните ее, я буду вам искренне благодарен.

– Вы же знаете, барон, что я сделаю для вас все, что в моих силах.

– Мне нужно десять бутылок хорошего, но действительно хорошего шампанского, не хуже того, каким вы угощали меня перед отъездом.

– У меня нет, но я знаю, где можно достать. Через полчаса все десять бутылок будут здесь.

– Вы упакуете его, а я пришлю за ним своего нового денщика – он отнесет куда нужно.

Генрих повернулся, чтобы уйти, но в эту минуту открылась боковая дверь и в зал вбежала Моника.

– Мама! Ты знаешь, я... – начала она еще от двери, но, увидев Генриха, остановилась и покраснела.

– Здравствуйте, мадемуазель Моника, как себя чувствуете?

– Хорошо, только все волнуется, что ваше учение идет без какого-либо плана, – ответила за дочь мать.

– Мама! – укоризненно бросила девушка.

– Ну, теперь я буду старательным учеником, а чтобы моя маленькая учительница не опаздывала на уроки, я привез из Лиона вот это...

Генрих вытащил из кармана футляр, взял Монику за руку и надел на запястье девушки миниатюрные часы.

– Что вы! – Моника отдернула руку.

– Мадемуазель, прошу считать это не подарком, а маленькой компенсацией за то время, которое вы тратите на меня. Ведь было бы странно, если б вы давали уроки немецкому офицеру бесплатно, просто из симпатии к нему.

– Но...

Реплика Генриха привела Монику в явное замешательство. А действительно, с какой стати она тратит свободное время на занятия с этим офицером? Еще подумает, что он оказывает ей великую честь и доставляет радость! Но должна же Моника, наконец, как-то наладить свои отношения с бароном... Иначе она никогда ничего не узнает. Как же быть?

Девушка невольно вопросительно поглядела на мать.

– Ты бы лучше поблагодарила господина барона, – сказала мадам Тарваль.

– Спасибо, барон! – тихо прошептала Моника.

– Сегодня начнем занятия ровно в шесть, если вы свободны.

– Тогда давайте сверим наши часы. Вот видите, разница чуть ли не в пять минут. Кто же из нас спешит жить, а кто опаздывает?

– Верно, спешу я. Именно перед тем, как спуститься сюда, я думал о том, что отдал бы полжизни за то, чтобы ускорить бег времени.

– Зачем это вам? – серьезно спросила Моника.

– Чтобы быстрее достичь цели.

– Какой?

– Когда-нибудь я, возможно, и скажу вам, мадемуазель, но этого момента надо ждать, – полусерьезно, полусхотливо ответил Генрих и, поклонившись матери и дочери, вышел.

У подъезда штаба он увидел машину, а рядом с ней Эверса и Лютца. Генрих подошел.

– Господин генерал, разрешите передать вам привет от генерал-майора Бертгольда.

– Как! Он уже генерал-майор?

– Да. Я только что получил письмо. Герр Бертгольд сообщает, что сейчас он работает при штаб-квартире господина Гиммлера.

– О! – многозначительно проговорил Эверс. – От всего сердца поздравляю!

Генерал так долго жал руку Генриху, словно он, барон фон Гольдринг, а не Бертольд, удостоился великой чести работать с Гиммлером.

– Мы с гауптманом Лютцем поедem по делам. Так что предупредите, пусть нас не ждут к обеду, – уже усевшись в машину, попросил Эверс.

– Тогда разрешите заказать ужин? В ресторане гостиницы «Темплъ» прекрасная кухня.

– С огромным удовольствием поужинаю с вами. Надо же как-то отметить ваше счастливое и победоносное возвращение. А вы как, гауптман?

– Я уже несколько раз ужинал с бароном и должен признаться – он великий знаток французской кухни.

– На который час заказать ужин? – спросил Генрих.

– Мы вернемся в восемь, – бросил генерал.

– Герр лейтенант, – обратился к Гольдрингу Лютц. – Вот ключи от моего сейфа. В нем сверху лежит папка с бумагами. Вам необходимо с ними ознакомиться. Располагайтесь в моем кабинете и читайте. Только не потеряйте ключ. На каждом прочитанном документе распишитесь.

Генрих поморщился.

– Должен признаться, что из всех видов литературы я меньше всего люблю ту, которой вы собираетесь меня угостить, герр гауптман.

Генерал рассмеялся и приказал шоферу трогаться.

Папка, о которой говорил Лютц, имела пометку «Совершенно секретно».

Запершись в кабинете, Генрих начал просматривать бумаги, содержащиеся в ней.

В большинстве своем они были малоинтересны. Генрих быстро пробежал их глазами, оставляя в конце свою подпись. Но один документ заинтересовал его.

Это была инструкция о методах противотанковой обороны и чертежи к ней. Речь шла о карликовых танках «Голиаф», предназначавшихся для уничтожения танков врага и подавления его укрепленных точек. Танк «Голиаф» обладал огромной взрывной силой, управлялся по радио, имел колоссальную маневренность и мог развить скорость до 90 километров в час. Столкнувшись с другим танком или наскочив на дот, он взрывался и мгновенно уничтожал препятствие, о которое ударялся.

Это было что-то новое. Генрих несколько раз сфотографировал инструкцию и чертежи, приложенные к ней.

Теперь можно закрыть папку и запереть сейф.

Но идти домой не хотелось. Разве немножко пройтись? А потом, ровно в шесть, они засядут с Моникой за словари и тетради. Его маленькая учительница строго нахмурит брови, когда он ошибется или сделает неправильное ударение.

По окончании урока они перебросятся несколькими фразами, а скорее – поспорят. И оба будут скрывать свои настоящие мысли. Ведь их разговоры скорее напоминают турнир, а сами они, учительница и ученик, двух фехтовальщиков, которые, скрестив шпаги, стоят друг против друга, выжидая момента для меткого удара.

Правда, в последнее время Моника стала ласковее, даже глядит на него как-то странно. Но именно это больше всего тревожит Генриха. Он чувствует, что девушка ему нравится, даже очень нравится. Но разве он сейчас имеет право на это? Даже если бы Моника убедилась, что он не враг ее народа, а настоящий друг, единомышленник всех тех, кто борется за свободу Франции, разве имел бы он право допустить, чтобы их отношения переросли в нечто большее, в любовь?

Ведь жениться на Монике он не может. На что ж тогда надеяться? На кратковременный роман? Нет, этого он никогда не допустит. Эта чудесная, милая девушка заслуживает настоящего счастья. А он может затянуть ее с собою в пропасть...

А тут еще Бертгольд, который явно рассчитывает на него, как на будущего жениха своей дочери. Конечно, он пока не будет разочаровывать своего шефа, это значило бы ухудшить свои отношения с таким влиятельным при штабе Гимmlера человеком. Этого ни в коем случае нельзя допустить. За спиной начальника одного из отделов штаб-квартиры самого Гимmlера можно чувствовать себя в безопасности. Хорошее отношение Эверса объясняется очень просто. Он знает, что Генрих фон Гольдринг является названным сыном высокопоставленного гестаповца. Вот и придется всячески тешить Бертгольда надеждами на брак Генриха с Лорой.

Как бы смеялась Моника, прочитав хоть одно Лорино письмо! Сентиментальность меша-ночки в соединении с глупостью и зазнайством дочки сановной особы. И вот такая девушка имеет все. А красавица и умница Моника должна прислуживать в ресторане пьяным немец-ким офицерам. И это с ее характером! Правда, она так сумела себя поставить, что ее даже побаиваются.

Но стоит ей сделать один неосторожный шаг, вера в ее неприступность пошатнется, и тогда офицеры дадут волю языкам и рукам... Необходимо, чтобы никто не узнал об уроках, которые ему дает девушка, да и вообще не надо, чтобы его имя связывали с ее. Если с ним что-либо случится, ее обязательно потянут в гестапо, и кто знает, чем все это кончится. Свою непричастность к его делам она, возможно, докажет. А связь с партизанами, если она есть? А в том, что Моника связана с партизанами, Генрих несколько не сомневается.

Такая девушка, как она, гордая, независимая, настоящая патриотка, не может стоять в стороне от борьбы с врагами своего народа. Генрих даже уверен, что это так. Но как ему узнать об этом? Его маленькая учительница всегда настороже, она больше расспрашивает, нежели говорит сама... А как хорошо было бы через Моникау связаться с местными руководителями партизанского движения. И он бы им, и они бы ему оченьгодились. Выходит, надо и дальше поддерживать дружбу и только дружбу с ней. Сжать свое сердце, быть ровным, спокойным. А это так трудно, когда тебе двадцать два года и когда перед тобой сидит красивая, хорошая девушка, которая очень нравится тебе. Но так будет лучше для обоих.

Приняв такое решение, Генрих почувствовал облегчение и во время урока держался значительно ровнее и спокойнее, нежели всегда. Это немного удивило Моникау и даже задело ее самолюбие. Она тоже держалась официально сухо, и урок, которого оба ждали с таким нетерпением, прошел неинтересно, скучно.

А ровно в восемь вечера в уютном кабинете гостиницы «Темплъ» собрались к ужину генерал Эверс, сухой и педантичный начальник штаба дивизии оберст Кунст, гауптман Лютц и Гольдринг.

Увидев сервировку, закуски и вина, Эверс удовлетворенно похлопал Генриха по плечу.

– Вы, барон, настоящий офицер по особым поручениям. Умеете даже угадывать вкусы своего шефа.

Мадам Тарваль сегодня действительно превзошла самое себя. Одно блюдо сменялось другим, и к каждому подавалось особое вино. Эверс, который всегда жаловался на печень, оказался гурманом и неплохим знатоком вин. Он высоко оценил кухню мадам Тарваль и подбор вин. Кунст и Лютц вообще не могли пожаловаться на плохой аппетит, а теперь ели и пили за четверых, а Генрих все время следил, чтобы рюмки и бокалы не оставались пустыми.

На десерт мадам Тарваль подала фрукты, коньяк и нарезанный тоненькими ломтиками сыр. Сигары уже давно лежали на столе.

Беседа после первых же рюмок коньяка стала оживленной. Даже молчаливый оберст Кунст наконец заговорил. И, как всегда, невпопад. То, что он сказал, никак не соответствовало общему веселому настроению.

– А вы знаете, герр генерал, что сегодня ночью на участке нашей дивизии, между населен-ными пунктами Сен-Жюльен и Лантерно, исчезли два офицера СС, гауптман Вайснер и лей-

тенант Рейхер? – спросил он с пьяной, глупой ухмылкой. – Я не доложил вам об этом раньше, чтобы не испортить настроение перед ужином.

– То есть как это исчезли? – удивился Эверс.

– Ночью они выехали из села Лантерно и в назначенное время должны были прибыть в Сен-Жюльен, где их ожидал герр Миллер. Ему сообщили о их выезде, и когда они не прибыли своевременно, Миллер забеспокоился и позвонил в Лантерно. Оттуда подтвердили, что офицеры давно уехали на машине. Взволновавшись еще больше, Миллер выслал им навстречу несколько мотоциклистов, но те не встретили офицеров, даже не нашли машину. На нашем же одиннадцатом пункте была объявлена тревога. На поиски офицеров бросили роту солдат, и только утром, далеко от дороги, у речки нашли опрокинутую машину, на которой выехали Вайснер и Рейхер. Их самих до сих пор не нашли. Поиски продолжаются. Я для этого выделил еще роту солдат.

– Черт возьми, – выругался Эверс, – похоже на то, что скоро ночью мы не сможем выйти на улицу. Надо бросить на поиски больше людей. Виновных найти во что бы то ни стало. А когда найдем – то так покарать, чтоб другим не повадно было.

Сообщение Кунста испортило настроение гостям Гольдринга.

– Мне пора отдохнуть, господа, – взглянув на часы, Эверс поднялся.

Он вынул из кармана бумажник, чтобы уплатить свою долю за ужин, но Генрих остановил его.

– Ужин уже оплачен.

– О! Даже так? – генерал не без удовольствия положил бумажник в карман. – Тогда еще раз благодарю, барон. Все было очень мило. Кунст, – обратился Эверс к начальнику штаба, – не кажется ли вам, что барон фон Гольдринг слишком уж долго носит погоны лейтенанта и обер-лейтенантские были бы ему гораздо больше к лицу?

– Совершенно согласен с вами, герр генерал, – подтвердил оберст.

– Тогда завтра подготовьте нужные документы.

Генерал повернулся к Генриху:

– А когда вы поедете в отпуск?

– Как только помогу разыскать пропавших, а может, к сожалению, уже убитых офицеров.

– Похвально. Очень похвально, не бросать товарищей в беде – обязанность офицера. Немецкого офицера, – подчеркнул Эверс.

Уже три дня продолжались розыски офицеров гестапо, пропавших при таких загадочных обстоятельствах. В розысках принимал участие и Генрих. Генерал, узнав о быстром продвижении по службе Бертгольда, стал проявлять к своему офицеру по особым поручениям большое внимание и расположение. По его распоряжению Гольдрингу в его личное пользование была выделена новенькая машина «оппель-капитан».

Это значительно облегчало Генриху взятую на себя миссию. Вместе с Куртом, который теперь, кроме обязанностей денщика, выполнял и функции шофера, Генрих обследовал чуть ли не каждый метр дороги между селами Лантерно и Сен-Жюльен, но ни на какой след исчезнувших так и не напал. Не мог похвастаться успехами и Миллер. Ежедневно высшее начальство запрашивало его о ходе поисков, и всякий раз он должен был повторять одну и ту же фразу:

– Ничего нового.

После проверки, так удачно закончившейся для барона и так неудачно для провокатора, Миллер почувствовал к Гольдрингу безграничное доверие. Этому больше всего способствовало то, что генерал-майор Бертгольд стал прямым начальником Миллера. Стоило Гольдрингу в письме к названому отцу высказать хоть малейшее неудовольствие Миллером, и вместо Франции майор мог очутиться на Восточном фронте. А такая перспектива не вызывала энтузиазма у старого гестаповца, который, впрочем, любил похвастаться своими подвигами и при

первом же удобном случае рассказывал, как он принимал участие в фашистском путче в 1933 году и как сам Гитлер пожал ему руку.

Вот почему два последних дня Миллер не вылезал из машины Гольдринга и пользовался малейшей возможностью, чтобы дать понять лейтенанту, как высоко он ценит его энергию и способности.

Сегодня Миллер и Гольдринг вернулись после двух часов дня. Офицеры уже пообедали, и в казино незачем было заходить. Но они не жалели, что пропустили время обеда, есть не хотелось. Утомленные ездой, измученные и изнуренные жарой, они решили просто посидеть в летнем кафе и выпить по стакану холодного секта¹.

Но и прохладный напиток не освежил Миллера. Внутри у него все кипело. Теперь он больше, чем когда-либо, напоминал ищейку, которая злится и нервничает, потеряв след.

– Неужели мы с вами, барон, так ничего и не найдем? – жаловался Миллер. – Мне сегодня стыдно будет даже подойти к телефону. Ну что я скажу?

– Два человека не могут исчезнуть бесследно, след, хоть маленький, но обязательно есть. А раз он есть, мы его найдем, – успокоил Генрих. – Вот немного спадет жара, отдохнем и снова поедем. Может быть, на сей раз фортуна поможет нам.

– Будем надеяться.

Миллер поднялся и распрощался со своим спутником, условившись встретиться позднее. Генрих остался у стола под тентом.

Прохожих на улице было мало в это время, все прятались в тень. Поэтому знакомая фигура Моники сразу привлекла внимание Генриха. Девушка шла по противоположной стороне улицы, о чем-то оживленно разговаривая, с высоким худощавым французом лет тридцати. Он вел Монику под руку и рассказывал ей, очевидно, что-то очень веселое. Француз все время морщил длинный нос, по временам раздражался смехом, заглядывая девушке в глаза. Неприятное чувство зависти кольнуло Генриха в сердце.

Генрих отвернулся, чтобы не видеть ни Моники, ни ее веселого знакомого, и встретился с внимательным, устремленным на него взглядом пожилого француза, сидевшего чуть наискосок, за третьим от входа столиком. Он не отрывал от Генриха черных, напоминавших два тусклых стеклышка глаз, глядел, не мигая, уголки его плотно сжатого рта подергивались.

К столику, за которым сидел француз, подошла официантка, и он на минуту, пока расплачивался, отвел взгляд в сторону. Но лишь на какую-то минуту. Потом его глаза снова впились в Генриха.

Заинтересованный поведением и гримасами этого чудака, Генрих тоже несколько раз внимательно взглянул на него. Убедившись, что немецкий офицер заметил его, француз быстро оглянулся, словно проверяя, не следит ли кто за ним, вынул из кармана конверт, положил на стол и постучал по нему пальцем, давая понять офицеру, что конверт предназначен для него. Еще раз оглянувшись, француз вышел.

«Снова провокация!» – промелькнуло в голове Генриха.

Положив деньги на стол, он тоже поднялся и, медленно пройдя мимо столика, у которого сидел француз, незаметно взял конверт и спрятал его за борт мундира.

Усталость сразу исчезла. Вновь Генрих ощутил то напряжение, которое заставляет мозг работать быстро, с максимальной четкостью.

Две минуты спустя он уже был у себя в комнате. Приказав Курту, сидевшему в передней, не беспокоить его, Генрих плотно закрыл дверь и вынул конверт. Он был совершенно чистый: ни адреса, ни какой-либо пометки.

Повертев конверт в руках, Генрих осторожно надрезал его с краю. На пол упал маленький вчетверо сложенный листок. То, что Генрих прочитал, безмерно поразило и взволновало его.

¹ Старое яблочное вино.

Письмо было написано плохим немецким языком, но четким, почти каллиграфическим почерком. Незвестный корреспондент писал:

«Я француз, но я предан вам, немцам, искренно, всей душой. И поэтому считаю своим долгом помочь в одном деле. Я еще не знаю, кому именно отдам это письмо, и поэтому пишу, ни к кому не обращаясь. Прийти в штаб я не могу. Местные жители уже подозревают, что я симпатизирую немцам, и если убедятся, что я помогаю вам, то маки убьют меня. Я написал письмо, чтобы при случае вручить его немецкому офицеру, а он уже передаст кому следует.

Я знаю, что несколько дней вы разыскиваете двух пойманных маки офицеров. Вы их не нашли и не найдете, если я не помогу вам. Оба офицера убиты, тела их закопаны у одинокого дуба, который стоит на восток от того места, где вы нашли машину. В убийстве офицеров принимали участие четверо маки. Двоих из них я знаю. Это Жорж Марот и Пьер Гортран из села Понтемафре. Двое других мне неизвестны, но мог бы опознать. Я думаю, что если вы арестуете названных, то сумеете узнать от них, кто те двое, которых я не знаю. Я готов вам служить всегда, когда вам потребуется моя помощь. Но никогда не вызывайте меня к себе – это смерть для меня. Придумайте какой-либо иной способ, скажем, арестуйте меня, а после беседы – выпустите.

У меня есть еще кое-какие сведения, которые вам, безусловно, будут интересны. Надеюсь на достойное вознаграждение за услугу. Мой адрес: село Потерн, Жюльен Левек».

Даты на письме не было.

Генрих задумался. Что это? Письмо добровольного пособника гестапо или провокация? Если провокация, то она еще более неуклюжа, чем та, что была в Шамбери. Зачем письмо надо было вручать в кафе, где всегда могли оказаться нежеланные свидетели? Разве во время первой проверки он не выдержал испытания? Нет, скорее это напоминает обычный донос. Но почему же тогда этот мерзавец незаметно не подбросил письма, когда они сидели вдвоем с Миллером. Тогда этот тип был бы совершенно уверен, что письмо его станет известно немецкому командованию.

А если все-таки провокация? Допустим, он спрячет это письмо... Тогда его могут обвинить в том, что он сделал это сознательно, снова начнут проверять, докапываться и, возможно, узнают, кто скрывается под именем барона фон Гольдринга. Нет, так рисковать он не может. Надо найти выход. Но какой? Отдать письмо Эверсу, от которого оно, безусловно, попадет к Миллеру? Это значит приговорить к расстрелу минимум двух французских патриотов.

Предупредить партизан? Но как? Нет, надо все сделать иначе. Письмо он должен передать генералу, только...

– Курт, – позвал Генрих денщика. – Позови сейчас мадемуазель Монику и скажи, что я свободен. Когда она придет сюда, пойди в штаб и спроси у дежурного, нет ли мне письма. Оттуда позвони мне. Понял?

– Так точно. Будет выполнено.

Курт вышел.

Еще раз прочитав письмо, Генрих осторожно согнул его так, чтобы фраза «в убийстве офицеров принимали участие четыре партизана» была наверху согнутого листочка и ее легко можно было прочесть. Теперь остается положить этот смятый листок на стол против кресла, в котором всегда сидит Моника.

– Ой, как вы накурили! – недовольно поморщилась девушка, войдя в комнату.

– А вы курильщиков не любите?

– Тех, кто не знает меры.

Моника подошла к окну и распахнула его настежь.

– А он знает меру?

– Кто это он?

– Ну, тот, кого я видел сегодня на улице вместе с вами. Такой худощавый, высокий и, кажется, очень веселый.

– А-а, эго вы видели меня с... – Моника прикусила губу и замолчала.

– Вы боитесь назвать его имя?

– Просто оно вам ничего не скажет. И совсем это не «он». А один мой очень хороший друг...

– А вы меня когда-нибудь познакомите с вашими друзьями? – Генрих как-то особенно пытливо взглянул на девушку.

– Если вы это заслужите, – многозначительно ответила Моника.

– О, тогда я сегодня же постараюсь найти такую возможность, – тоже подчеркивая каждое слово, произнес Генрих. – Договорились?

– Договорились. А теперь давайте возьмемся за словари.

Моника села в кресло. Генрих отошел в глубь комнаты, словно за сигаретами, которые лежали на тумбочке у кровати, и искоса наблюдал за девушкой. По тому, как напряглась вся ее фигура и неподвижно застыла чуть вытянутая вперед голова, он понял, что фраза из письма прочитана.

«Что-то долго не звонит Курт», – подумал Генрих, и именно в эту минуту прозвучал телефонный звонок.

Моника вздрогнула. Генрих взял трубку:

– Слушаю... Да... Сейчас буду.

– Мадемуазель, прошу прощения, – извинился Генрих. – Мне нужно буквально на пять минут зайти в штаб. Подождите меня здесь, чтобы я вас не разыскивал. Ладно?

– Хорошо, только не задерживайтесь, – охотно согласилась Моника.

Выходя, Генрих заметил, что лицо девушки стало бледным, взволнованным.

Генрих и Курт вернулись вместе, и не через пять минут, а через десять. Моника в комнате не было. На словаре лежала коротенькая записка:

«Пять минут прошло, и я могу уйти. Невежливо заставлять девушку ждать. Особенно, когда ее ждут веселые друзья. Я вас, возможно, когда-нибудь познакомлю с ними».

Генрих изорвал записку в мелкие клочки.

– Курт, пойдй к хозяйке, попроси горячий утюг и скажи мадемуазель, что я прошу прощения за опоздание и жду ее.

Курт вернулся немедленно. Утюг он принес, но Моника не нашел. Мадам Тарваль сказала, что у дочери от дыма разболелась голова и она поехала покататься.

То, что Моника прочитала письмо, было очевидно. Листок был сложен совсем не так, как это сделал Генрих, и лежал совсем не там, где раньше. Да и записка была красноречива. Как умно написала ее Моника. Ни к чему нельзя придраться, а вместе с тем каждое слово так многозначительно... Друг поймет, а враг не догадается... И даже подписи не поставила, конспиратор.

Уехала кататься! Разболелась голова, по словам мадам. Теперь ясно, что маки будут предупреждены. Он может передать письмо Эверсу.

Генрих принялся разглаживать утюгом скомканный листочек.

– Неужели я не мог этого сделать, герр лейтенант? – обиделся Курт, вошедший в комнату, чтобы повесить в шкаф вычищенный мундир.

– Есть вещи, которые никому нельзя доверять, Курт.

– Мне вы можете доверить все, что угодно. Потому что нет человека, преданного вам больше, чем я. Разве что моя мать...

– А при чем тут твоя мать, Курт?

– А она пишет мне... Вот, послушайте. – Курт вытащил из кармана письмо и, чуть запинаясь от волнения, начал читать: – «Я каждый вечер молюсь о твоём лейтенанте, сыночек,

потому что это он спас тебя от верной смерти, а вместе с тобой и меня. Ведь, кроме тебя, у меня никого не осталось. Служи ему верно, это я тебе приказываю как мать. За добро нужно платить добром. Иначе бог покарает и тебя, и меня, мое любимое дитя...»

– У тебя, Курт, хорошая мама, и она тебя очень любит. Передай ей от меня сердечный привет и напиши, что ты хорошо выполняешь ее приказ.

– О, я уже написал ей, что готов пойти за вас в огонь и воду. И я действительно сделаю это не колеблясь.

– В огонь тебе не придется прыгать по моему приказу, но, возможно, тебе придется выполнять кое-какие мои поручения, о которых будем знать только ты да я.

– Приказывайте хоть сейчас.

– Сейчас такой необходимости нет. Быть может, и не будет. А теперь подай мне мундир.

Генрих переоделся, чтобы идти к генералу и передать письмо, полученное от Жюльена Левека, но, взглянув на часы, сел в кресло и взял книгу.

«Прошло лишь двадцать минут. Мало. Надо подождать, пока возвратится Моника».

Миллер был на седьмом небе от счастья. Вот это удача! Не позже чем завтра утром он пошлет своему шефу сообщение, что трупы убитых найдены и убийцы наказаны. А наказать он сумеет так, что вся округа заговорит об этом.

И в рапорте отметят активность лейтенанта Гольдринга. Надо сделать вид, что ему, Миллеру, неизвестны подробности биографии барона и его отношения с Бертгольдом. Так будет лучше. Шеф отметит объективность Миллера по отношению к молодым, талантливым офицерам. При случае он, безусловно, напишет или скажет это Гольдрингу, это еще больше укрепит их дружбу.

А дружбы с Гольдрингом Миллер ищет как дороги к славе и обеспеченной карьере. Ведь дорога эта не такая гладкая, чтобы по ней самостоятельно можно было дойти или даже доползти до конечной цели. Правда, у него есть заслуги, он когда-то принимал участие в путче, но об этом уже стали забывать. Миллеру давно положено сменить майорские погоны, да и масштаб работы нужно увеличить. Участок у дивизии важный, этого нельзя отрицать, но лучше жить в Париже или вблизи него, чем прозябать в таком маленьком городке, как Сен-Реми.

Миллер представлял, какое впечатление произведет на шефа его рапорт. Он уже мысленно прикинул, как нужно его написать: очень скупыми словами, но так, чтобы было ясно видно, какие огромные трудности пришлось преодолеть во время поисков. В конце нужно спросить, что делать с семьями преступников.

Что с ними делать, Миллер, конечно, знает и сам. Но теперь, когда дело сделано, можно прикинуться наивным, спросить начальство, пусть и оно почувствует, что участвует в операции против маки, и вспомнит об этом в донесениях самому Гиммлеру. Нет, судьба явно балует его, Миллера, раз она послала в штаб дивизии этого молодого и такого ловкого барона. И очень разумно не отстранять Гольдринга от участия в поисках и в инсценировке ареста этого Левека.

Миллер даже руки потер от удовольствия, когда вспомнил, как хитро и дипломатично он вел себя на совещании у генерала Эверса. Взять хотя бы такое заявление:

«Я не могу допустить, чтобы лейтенант Гольдринг рисковал жизнью, принимая участие в аресте преступников, которые наверняка окажут отчаянное сопротивление. Лучше поручить ему арест Жюльена Левека. Эта инсценировка совершенно безопасна. К тому же лейтенант знает его в лицо, и это облегчит дело и оградит нас от каких-либо ошибок. Операцию в Понтемафре я беру на себя».

Разве не умно и не хитро сказано? Его поддержал и Эверс, и начальник штаба. Таким образом, главным героем этой операции будет он, Миллер. А Гольдринг останется в стороне.

Кстати говоря, лейтенанту пора бы вернуться. Уже десятый час, а выехал он в семь. Ехать километров шестьдесят... Да, уж давно пора вернуться. А может... Миллер даже похолодел от одной мысли, что с Гольдрингом, как и с теми двумя офицерами, может произойти несчастье.

Тогда прощай, карьера, прощай, Франция! Бертгольд не простит ему этого. Придется ехать в Россию, это – как минимум.

Миллер вскочил с места и изо всей силы нажал на звонок.

– Немедленно отправьте отделение мотоциклистов навстречу лейтенанту Гольдрингу, – крикнул он адъютанту, вошедшему в кабинет.

Но не успели мотоциклисты завести моторы, как к дому, где располагалась служба СС, подъехал «оппель-капитан» Гольдринга. Миллер увидел его в окно, поспешно уселся за стол и склонился над картой будущей операции. «Пусть видит, что я не трачу время попусту».

Он даже не сразу ответил, когда в дверь постучали. Только когда стук повторился, майор крикнул:

– Войдите!

Увидя в дверях стройную фигуру Гольдринга, Миллер привстал.

– Со счастливым возвращением, барон!

– Не совсем! – сухо бросил Гольдринг и протянул Миллеру какую-то бумажку.

– Что это? – растерянно спросил Миллер, хотя с первого взгляда понял в чем дело. Он не раз держал такие бумажки в руках и хорошо знал их содержание.

– Смерть предателям, изменникам французского народа... Так там, кажется, написано? – устало бросил Гольдринг и сел в кресло.

– Итак, Жюльен Левек...

– Убит двумя пулями в грудь за час до нашего приезда.

– Убийца пойман?

– Его никто не видел.

– Очевидно, за Левеком следили...

Миллер вытер холодный пот, который, как роса, покрыл его лоб.

– Да, он, кажется, и в письме вспоминал, что местное население относится к нему не очень приветливо, намекал на какие-то подозрения, – небрежно бросил Генрих. – Возможно, за каждым его шагом следили.

– Но тогда может провалиться все дело! Те, кто догадался о доносе, могли предупредить и маки, – простонал побледневший Миллер.

– Я на вашем месте не терял бы ни единой минуты, – посоветовал Гольдринг.

– Вы правы, вы правы! – засуетился Миллер и побежал к двери, вызывая адъютанта. – Тревога! Немедленно тревога!

Через пять минут команда СС промчалась на грузовых машинах по главной улице Сен-Реми по направлению Понтемафре.

...А утром Миллер вернулся. Вид у него был жалкий. Единственные трофеи проведенной операции – трупы выкопанных офицеров – лежали в кузове передней машины. Левек писал правду: убитых офицеров нашли под одиноким дубом. Место, где их закопали, было хорошо замаскировано. Что же касается двух маки, упомянутых в письме Левека, причастных к убийству немецких офицеров, то их задержать не удалось. Никого из них в селе не оказалось. Бесследно исчезли не только они, но и их семьи, даже ближайшие родственники.

Когда Лютц сообщил Гольдрингу о неудаче Миллера, Генрих сочувственно вздохнул. Но сразу же лицо его прояснилось:

– Ну, теперь я могу ехать в отпуск!

– Нет, генерал просит вас подождать день-два, – разочаровал его Лютц.

– По какой причине, не знаете?

– Нет, возможно, он сам вам скажет, – уклонился от прямого ответа Лютц.

Однако Эверс ничего не говорил. А Генрих не спрашивал.

Прошло уже два дня после неудачной операции Миллера, а вопрос с отпуском оставался открытым. На третий день перед обедом Генрих решил немного прокатиться на машине. На сегодня поручений не было, но он все же предупредил о своем намерении Лютца.

– Что ж, поезжайте, – согласился адъютант. – Только не опаздывайте к обеду. Генерал специально предупредил меня, чтобы вы пришли в казино своевременно.

– Тогда придется отложить поездку. Может быть, у генерала будут какие-либо поручения до обеда. Вы не знаете, в чем дело?

Лютц пожал плечами.

– Послушайте, гауптман, вам не кажется, что последние дни вы ведете себя не по-товарищески?

– В чем же вы усматриваете мое нетоварищеское к вам отношение?

– А в том, что вы все время уклоняетесь от прямых ответов. Вы знаете, почему Эверс задержал мой отъезд. И не говорите. Наверняка знаете, зачем мне нужно обязательно быть в казино, и молчите, и потом эта загадочная улыбка... Вместо ответа пожимаете плечами.

– Милый барон! Я за приятные сюрпризы! Поверьте мне, если бы речь шла о чем-то неприятном, я бы непременно предупредил вас.

– Ну, если так, беру свои слова обратно.

О приятном сюрпризе, на который намекал Лютц, Генрих узнал перед самым обедом, когда собрались все офицеры. Поздоровавшись с присутствующими, генерал торжественно объявил, что высшее командование наградило лейтенанта фон Гольдринга «Железным крестом» второй степени и присвоило ему звание обер-лейтенанта.

Все бросились поздравлять. Генриху пришлось пожать множество рук, выслушать немало прозрачных намеков на то, что два таких значительных события неплохо бы отметить в товарищеском кругу.

С разрешения генерала Генрих послал за вином, и обед превратился в грандиозную попойку. Такой пьянки молодой обер-лейтенант не видел на протяжении всей своей жизни: пили все, старые и молодые. Скоро офицеры забыли не только о субординации, но даже о присутствии самого генерала.

Генриху во второй, третий и четвертый раз пришлось посылать за вином и коньяком. Часть офицеров уже свалилась. Не очень крепко держался на ногах и Эверс. Но он еще настолько владел собой, что понял – надо уходить, чтобы не потерять престиж.

Когда Эверс с начальником штаба и несколькими старшими офицерами ушел, пьянка превратилась в настоящую оргию. Только Генрих и частично Лютц были еще в форме.

Диким ревом офицеры встретили появление лейтенанта Кронберга, который после того, как ушло высшее начальство, тоже куда-то таинственно исчез.

– Гершафтен! гершафтен! – воскликнул Кронберг, вскочив на стол. – Уважаемого обер-лейтенанта барона фон Гольдринга пришли приветствовать дамы.

– Спустите шторы на окнах! – крикнул кто-то.

Наименее пьяные бросились к окнам, а большинство тех, кто еще держался на ногах, ринулись встречать так называемых «дам», входивших в комнату с застывшими улыбками и испуганными глазами. Отвратительные, жалкие и смешные одновременно в пышных, открытых платьях, цинично подчеркивавших все их прелести...

Генрих вздрогнул от отвращения, жалости, негодования и отошел подальше, в глубь комнаты. К нему подошел Лютц.

– Пиршество богов, – кивнул он в сторону офицеров, которые тянули дам, – и с брезгливой усмешкой добавил:

– Не кажется ли вам, барон, что нет ничего более отвратительного, чем человек, давший волю животным инстинктам, потерявший контроль над собой?

– Вы потому и пили так мало?

- Я не люблю пить в большой компании, да и вы, я видел, только пригубливали.
- У меня сильно разболелась голова.
- У меня тоже.
- Так, может, незаметно исчезнем? – предложил Генрих.
- Охотно, – согласился Лютц.

Найдя хозяина казино, Гольдринг попросил его прислать счет за все выпитое и вместе с Лютцем вышел черным ходом.

В это утро Моника ходила раздраженная и сердитая. На вопрос матери – что с ней? – девушка не ответила. Не очень приветливо вела она себя и с несколькими постоянными посетителями-французами, которые зашли к мадам Тарваль выпить стакан-другой старого вина по случаю местного религиозного праздника. Французы избегали заходить в ресторан вечером, когда здесь бывали немецкие офицеры, и приходили лишь днем или утром.

Но сегодня им не повезло, хотя время было раннее. Не успели они выпить по стакану вина, как перед гостиницей остановилась грузовая машина и шесть немецких солдат с черепами на погонах вошли в ресторан. Увидев непрошенных гостей, да еще эсэсовцев, французы прервали оживленную беседу. Каждый вполголоса разговаривал лишь со своим ближайшим соседом и старался не глядеть в ту сторону, где расселись немецкие солдаты.

Эсэсовцы по дороге, вероятно, уже не раз приложились к рюмке и вели себя чересчур свободно. Бросали обидные реплики по адресу других присутствующих, приставали к мадам Тарваль с непристойными остротами и без закуски пили виноградную водку, так называемый «грап».

Через каких-нибудь полчаса солдаты окончательно опьянели.

– Эй! Еще бутылку грапа! – крикнул здоровенный рыжий солдат и стукнул кулаком по столу.

– Подай им бутылку и немедленно поднимись к себе в комнату, чтобы они тебя не видели, – приказала дочери мадам Тарваль, занятая приготовлением салата.

Моника поставила на стол заказанную бутылку и уже повернулась, чтобы уйти, как тот же самый рыжий эсэсовец схватил ее за руки и насильно усадил к себе на колени.

– Пустите! – крикнула Моника и рванулась.

Эсэсовец расхохотался и крепко обхватил ее за талию. Его спутники тоже расхохотались.

– Пустите, я вам говорю! – отчаянно крикнула Моника.

Этот крик и услышал Генрих, который вместе с Лютцем и Миллером как раз вошел в вестибюль. Генрих бросился в ресторан. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, в чем дело. Привычным, хорошо натренированным движением он схватил руку рыжего эсэсовца у запястья и нажал на кисть. Рыжий заревел от боли и, вскочив на ноги, сделал шаг назад. Но было поздно: полусогнутой правой рукой Генрих изо всей силы ударил его в челюсть.

Эсэсовец упал, опрокинув столик.

Спутники рыжего подскочили к Генриху, но в тот же миг перед ними блеснула сталь пистолета.

– Вон отсюда! – зло крикнул Генрих.

Из-за его спины, держа пистолеты в руках, вышли Лютц и Миллер.

Увидав трех вооруженных офицеров и среди них гестаповца, эсэсовцы, сбивая друг друга с ног, бросились к выходу.

– Гауптман, – спокойно, словно ничего не произошло, обратился Генрих к Лютцу. – Вы знаете, где моя комната, проводите туда герра Миллера, а я тут кое-что закажу.

Убедившись, что машина с пьяными солдатами отъехала, Лютц и Миллер поднялись в комнату Генриха. Убежала к себе и Моника. Слезы обиды еще дрожали на ее ресницах. Пробега мимо Генриха, она на ходу быстро бросила: «Спасибо!» – и исчезла за дверью.

Генрих подошел к буфету.

– Пришлите мне в номер бутылку хорошего коньяка, – попросил он мадам Тарваль и, отсчитав деньги, прибавил, – а это за скотов, которых я выгнал. Ведь они вам не заплатили.

Мадам Тарваль замахала руками.

– Что вы, что вы! Я и так перед вами в долгу!

Не слушая возражений мадам Тарваль, Генрих перегнулся через стойку и сам бросил деньги в кассу.

Когда он направился к себе, к нему подошел один из посетителей ресторана – француз.

– Разрешите, мсье офицер, выпить за человеческое благородство! – поклонился он Генриху.

Все присутствующие поднялись с бокалами в руках.

Генрих повернулся к стойке, взял из рук мадам Тарваль фужер с вином и поклонился присутствующим.

Все дружно выпили.

Генрих вышел.

Минут за двадцать до отхода поезда, когда Курт уже сносил вещи своего шефа в машину, Генрих зашел в ресторан попрощаться с хозяйкой и Моникой.

– Я на неделю уезжаю в отпуск и хочу попрощаться с вами и мадемуазель.

– О, это очень любезно с вашей стороны, мсье барон. Приезжайте поскорее. Мы будем ждать вас, а Моника я сейчас позову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.